

Операция
«Север»

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕР»

**сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро-2024»**

Номинация «Основной конкурс»

Екатеринбург
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)6
О-60

О-60   **Операция «Север»**: сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро-2024»: номинация «Основной конкурс» / Министерство культуры Свердловской области; Свердловская областная межнациональная библиотека; составитель Н.В. Парфёнова, к.ф.н. – Екатеринбург: СОМБ, 2024. – 247 с. – Текст: непосредственный.

ISBN

В сборник включены работы победителей Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» за 2024 год в номинации «Основной конкурс» и работы, вошедшие в короткий список. Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© ГБУК СО «СОМБ», 2024
© Коллектив авторов, тексты, 2024
© Парфёнова Н.В., к.ф.н., составитель, 2024
© Печерских Н. А., художник, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	5
ПЕРВОЕ МЕСТО	
<i>Рецензия на рассказ Марии Клименко Операция «Север».....</i>	<i>7</i>
Мария Клименко	
Операция «Север»	9
ВТОРОЕ МЕСТО	
<i>Рецензия на рассказ Натальи Олеск «Сказ о птице синей или Как рай Уссурийский искали» .....</i>	<i>28</i>
Наталья Олеск	
Сказ о птице синей или Как рай Уссурийский искали	30
ТРЕТЬЕ МЕСТО	
<i>Рецензия на рассказ Богдана Малого «Отцовский нож» .....</i>	<i>58</i>
Богдан Малой	
Отцовский нож.....	60
СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ	
Инесса Фахрутдинова	
Кувшинки для Юхи	72
Анатолий Батомункуев	
Корни	80
Елена Водопьянова	
Нанайские тапочки.....	84
Габдель Махмут	
Сибирская баллада пьеса-легенда в двух действиях	88
Наталья Денисова	
Рассказы.....	140
Залина Лукожева	
Золотой лакум для красной коровы.....	145

Лана Никонова	
Место силы.....	150
Александр Мраков	
Пропавшая жена	182
Евгений Пономарёв	
Притяжение севера	189
Татьяна Попова	
Круги на воде.....	199
Эллина Савченко	
Высокое белое солнце	211
Хаваж Цинцаев	
Надя.....	221

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этом сборнике опубликованы произведения победителей Восьмого сезона Международного конкурса малой прозы «ЭтноПеро».

Конкурс ЭтноПеро – это внимание к темам межэтнического взаимодействия, истории и культуре народов, этнического и культурного многообразия.

Всего в 2024 году в литературном конкурсе «ЭтноПеро» приняли участие 342 человека из 53 регионов Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Молдова, Федеративной Республики Германия, Соединенных Штатов Америки и Канады. В оргкомитет конкурса поступило 160 заявок в номинации «Основной конкурс» и 199 заявок в специальной номинации «Семейные ценности».

Это очень тяжёлый труд – оценивать литературные произведения. Литературоведы из века в век спорят, как отличить графоманию от настоящей литературы. Есть одна тонкость – настоящее литературное произведение вчерне зачастую не отличается гладкостью словесных конструкций, а вот графоманы чаще всего виртуозно владеют и приёмами стихосложения, и построением структуры текста (этому всех учат на втором курсе факультета журналистики и на первом в литературных институтах). Открываешь книгу или текст на компьютере – и буквально с первого абзаца понимаешь: как бы, извините, коряво ни было написано, в этом тексте есть что-то почти неуловимое, но почти физически осязаемое. Это душа.

Участие в этом конкурсе сближает нас, жителей огромной страны, огромного мира. Об этом они говорят и пишут в своих письмах. Вот слова победительницы нынешнего конкурса, Марии Клименко: «У нас многонациональная страна с огромным множеством традиций и культур. Только у нас

в Магнитогорске, втором по величине городе Челябинской области, около ста национальностей! Удивляешься самобытности народов. Я сама очень люблю вот такое погружение в культуры – рядом с нашей областью Башкортостан с уникальным эпосом, а не так далеко от Урала – самое удивительное место в мире, Север. Север не может не вдохновлять. И меня он вдохновил на художественные произведения. И я очень рада, что удалось их показать. И вдвойне рада тому, что их так высоко оценили!».

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал: «Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей... Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим».

И это с полной ответственностью можно отнести к произведениям всех участников нашего конкурса. Участники Международного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» ставят перед собой вопросы национальной идентичности, сохранения цельности натуры человека в мультикультурном пространстве. Прочитайте их – вы всё поймёте.

Нина Парфёнова, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры ЯНАО, заведующая методико-библиографическим отделом Свердловской областной Межнациональной библиотеки

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Марии Клименко

Операция «Север»

Рассказ «Операция “Север”» является очень удачным примером художественного решения проблемы столкновения традиционной культуры народов Севера с культурой современного городского типа. Героем-повествователем произведения становится журналист, отправленный для съёмок на полуостров Ямал. Именно его глазами мы видим особенности ненецкого быта, причём взгляд героя может демонстрировать не только живой интерес и даже восторженность новичка, но и серьёзное вдумчивое отношение к чужой для него культуре. Выбор этого персонажа на роль повествователя кажется просто идеальным для решения творческой задачи, стоящей перед автором. Герой, как и мы, является носителем городской культуры, поэтому его восприятие событий и ход его мыслей нам понятны и близки. Художественные средства, которыми выражается такой взгляд, оригинальны и остроумны: чего стоит хотя бы сравнение ямальского ветра с электрической сушилкой или включение в текст элементов журналистского жаргона, выражений из реальной разговорной речи.

Стиль и композиция рассказа также практически безупречны – языковые средства описания событий, поступков, пейзажей выглядят очень уместными, соответствующими ситуации. Диалоги героев кажутся естественными, живыми, а не «картонными», как часто бывает в художественной литературе. Автор достоверно передает живость, лаконичность, энергичность живой речи. У каждого персонажа есть

собственный узнаваемый стиль, явно – но без гротескности – отличающий его речь от речи других героев. Демонстрация переплетения и влияния друг на друга миров европейской материалистической и традиционной мистической культур, помимо помощи в решении очевидной авторской задачи, ещё и делает рассказ насыщенным, захватывающим. Элементы кольцевой композиции и неожиданные сюжетные ходы создают интригу повествования и держат читателя в напряжении, превращая рассказ не просто в интересный, а в по-настоящему увлекательный.

Проблематика взаимопроникновения культур и уважительного их друг к другу отношения прекрасно решена автором в том числе и посредством создания отлично продуманной для произведения малого жанра системы персонажей и описания их поведения. Так, с одной стороны, мы знакомимся с «городским» восприятием уклада и традиций ненецкой повседневности с двух точек зрения: заинтересованно-уважительной от героя-повествователя и цинично-скептической, порой даже брезгливой, от его коллеги-телеоператора, причём истина остаётся именно за уважительным отношением к северной культуре. С другой стороны, мы прекрасно видим, что традиционная культура вполне способна к восприятию достижений цивилизации, не затрагивающих её духовных основ: шаман совершенно спокойно может носить пуховик, а вывезти героев из ненецкого святилища можно на катере.

Ход событий рассказа и поведение персонажей мастерски подводят читателя к мысли о том, что только при условии взаимного уважения носителей разных традиций, но без отказа от основ собственной культуры, возможно, их нормальное сосуществование.

Юрий Костылев, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник топонимической лаборатории УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Мария Клименко ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕР»

– Пей.

Он протянул мне чашу.

– Это обязательно?», – спросил я.

– Пей, – повторил он. Не требовал, не злился, просто констатировал факт.

Стараясь не думать, что у меня на глазах он вывалил в эту чашу чей-то жир, бог весть что ещё и разбавил оленьей кровью, я сделал три глотка. На вкус это было так же отвратительно, как и на запах, но, если это был единственный способ прекратить всю эту дрянь, что с нами происходила после поездки, то так тому и быть. Я был готов есть землю, только бы всё прекратилось, но физиологию не обманешь, неподготовленному желудку всё равно, какие там высокие цели ты преследуешь.

– Меня сейчас стошнит, – предупредил я.

– Смотри, – сказал он снова и снова начал колотить в бубен.

Глухие частые удары сменялись громкими и редкими. Шаман отбивал одному ему известный ритм, а мои глаза начали закрываться сами собой. Ощущение было такое, будто я наелся какой-то запрещёнки. Голова гудела и кружилась, мысли улетали, и, если бы меня спросили, как меня зовут, я бы не ответил, не говоря уже о том, чтобы попросить шамана остановить всё это.

Он предупреждал, что будет непросто, но я и представить не мог, насколько.

– Смотри, – глухо, точно из-под земли, снова сказал он.

А, может, это я его так услышал.

Бедная обстановка чума сливалась в мутное, чёрное пятно, похожее на кляксу. А потом оно стало разрастаться, тянулось во все стороны, растекалось и светлело, светлело, светлело...

И я впервые увидел то, что уже видел раньше: пустоту и снег...

– Дурацкий снег!

Ежик снова выругался.

Говорят, у северных народов есть больше пятидесяти слов для обозначения снега. У Ежки, как представителя народа южного и столичного, к каждому из них имелась своя характеристика. За время работы он вспомнил столько нелестных эпитетов касаясь местной погоды, что мой словарный запас показался мне таким же скудным, как флора и фауна тундры. Впрочем, я был с Ежкой согласен – погода здесь была та ещё. И ладно бы с ним, со снегом, больше всего меня раздражали ветра, которые дули, как будто из сушилки для рук в общественном туалете – гудящими и какими-то бешеными потоками они сносили вообще всё, что попадалось на пути: снег, траву, ветки, стаканчики с кофе, кофры, камеры, меня. А от гула в микрофоне не спасали даже «собаки».

– Ну, ёлки, блин!

– Ну что «ёлки»? Палки! Ты это не мне говори, а ветру, вон.

Ежка плюнул и шмыгнул носом. У него, как и у меня, из носа текла вода, а руки были красными, обветренными. Я своих уже не чувствовал: они, по-моему, примёрзли к железному микрофону.

– Ты успел записать хоть немножко? – с надеждой спросил я, молясь всем местным богам, чтобы не пришлось перезаписывать заново.

Стендапы без шапки в минус чёрт знает, сколько за северным полярным кругом – это особый вид искусства, который даётся только самым отбитым.

Таким как я, дурачкам, болеющим и своей работой, и Севером. Поэтому, когда встал вопрос, кто поедет снимать документалку, я, как пионер, побежал (буквально – побежал)

в кабинет к главреду. Пока бежал, думал: а вдруг уже кто-то первый успел записаться в добровольцы? К моему большому счастью, желающих провести три недели на Ямале не было, поэтому уже через три дня я и Ежка, то бишь, Олег, стояли на пустыре, хрустели снегом и жёстким мхом под ногами и думали, в какую сторону идти, и где нас тут должны были встретить.

Встретили только через полтора часа, когда я начал было немного паниковать и уже собрался звонить продюсерам. Сначала мы услышали звон колокольчиков, а через пару минут увидели, откуда он доносится. К нам подкатил на нартах человек, укутанный в шубу (по-местному – малицу). Мы поздоровались, загрузили оборудование в нарты и тронулись до стоянки. Пока ехали, пообщались немного. Оленевод представился Константином, а на мой вопрос, как его зовут по-местному, с юмором, но строго меня осёк и предупредил: не надо спрашивать. Я и до этого знал, что у них к именам какое-то особое отношение, но и мне, и Ежке, жителям цивилизованным, из тех, для кого обнажёнка на экране уже не была чем-то постыдным, вся эта оккультная ерунда казалась сказкой, которая из жизни даже современного ненца уже давно ушла.

Ан нет, не ушла.

Когда приехали на стоянку, нас встретили немного настороженно, но как-то приветливо. Нам улыбались женщины, в нас тыкали пальцами дети. Наконец к нам подошёл хозяин чума.

Признаться, не верилось, что мы какое-то время будем жить в настоящем чуме. Посреди тундры. Почти без связи. Без удобств.

Ежка, который такую долю не сам выбрал, долго выл и всячески выражал недовольство, но работа есть работа. Хочешь кушать – терпи. Деньги нам за эту поездку обещали немалые,

отчасти поэтому он и согласился. Я же был сам готов заплатить, чтобы хоть одним глазом увидеть настоящую тундру, оленей, северное сияние и остальные прелести Севера.

Чум был большим, но не сказать, что просторным – по нашим меркам городских жителей. Внутри теснилась семья из шести человек.

Игней («Игнат, но по-нашему», – рассказал нам с улыбкой глава семейства) был самым старшим в роду, здесь же жил его сын Прохор с женой Варкой и трое их детей. Я в тот момент тут же представил, что бы стало со мной, вздумаю я жить с отцом в квартире. Я бы тут же на Север съехал, в отдельный чум. Кстати, собирать его оказалось непросто. Нам хотелось этот процесс заснять, и Игней предупредил: будет перекочёвка, посмотрите. А пока мы с упоением снимали семейный быт и обстановку.

Спали они практически на земляном полу, грелись печкой, а ели порой руками. Традиции мы нарушать не стали и оленьё мясо, которое гостю положено отведать первым, брали замёрзшими пальцами.

Я находил в этом безумную романтику сурового Севера, Ежка же – антисанитарию, а когда он увидел, как дети со счастливыми лицами с ножа уплетают мясо только что заколотого оленя и, перемазанные кровью, машут в камеру алыми руками, возвёл глаза к небу и сказал пару-тройку непечатных слов, связанных с деторождением.

За что, кстати, тут же получил нагоняй от одного из оленеводов. «Нельзя», – говорит, – «Духи услышат».

Хорошо, что потом кочевники не услышали, куда Ежка послал их духов.

А через пару дней съёмки Игней сказал, что мы пойдём в гости к шаману. Вот это понравилось даже атеистически и враждебно настроенному Ежке. Мы с самого начала просились на, как это у них называется, камлание, но на такие обря-

ды не пускали даже «своих», чего говорить о заезжих, ещё и с камерой. А тут вдруг пригласили.

Признаться, я думал, что сейчас увижу обвешанного рогами, перьями и прочими частями мёртвой живности чудака, отплясывающего возле костра. Когда мужчина в пуховике встретил нас возле чума, я подумал, что это какой-нибудь приезжий, который лечиться приехал, скажем, из той же Москвы. Но это и был шаман, он представился Петром и повёл нас в своё жилище.

И в первые же минуты мы чуть не навлекли на себя его гнев. «Не трогай шести», – рявкнул он на Ежку, потянувшегося к опорам. – «Примета плохая!».

Ежка незаметно фыркнул, но руки убрал.

По стенам, если можно назвать стенами натянутую на палки шкуру, была натянута верёвка, на ней соседствовали пучки трав, кости, перья, полотенца и целлофановые пакеты. Пётр определённо рушил моё представление о магических практиках и шаманстве.

Он заварил чай, и мы взялись за интервью. Петр, в отличие от многих, говорил очень складно, чётко проговаривал слова, а когда я сделал ему комплимент, улыбнулся и сказал:

– Я тоже как вы, только с духами. С ними так говорить надо. Голос иметь надо. Без голоса хорошего не услышат.

Петру было пятьдесят четыре, из них тридцать лет он шаманствовал. На вопрос «что это значит?» ответил просто:

– Помогаю. Лечу. Судьбу говорю.

– А мне скажете?», – спросил я. – А мы снимем этот процесс.

– Скажу, но снять не надо. Плохо это для духов.

Ежка расстроился, да и я тоже, но умолять Петра было бесполезно. Нет, значит, нет.

Он показал нам бубны – большие, маленькие, из костей, из дерева, обтянутые кожей. Все Пётр делал сам. Показал и

свой шаманский костюм, от которого Ежка пришёл в дикий восторг и попросил примерить.

Чувство испанского стыда, которое я тогда испытал, я ещё долго вспоминал при каждом взгляде на Олега. Наверное, трудно винить человека в том, что он далёк от понимания чужой культуры, но за демонстрацию собственного бескультурья стукнуть его мне очень хотелось. После посещения чума шамана на этой почве и случилась наша первая серьёзная ссора.

Помирились мы по пути на Вайгач. Священный остров показался мне пустоватым, мы побродили с камерой практически бесцельно, запечатлели идолов, с которыми Ежка сделал около десятка селфи. На мои протесты он внимания не обращал. И все было спокойно и даже скучновато до тех пор, пока мы не начали искать дорогу назад. Пристани, куда мы приплыли на маленькой моторке, просто не было. Ну, не было и всё тут.

– Сюда же причалили, – бухтел Ежка.

– Сюда.

– Увёл, что ли, кто-то? – Ежка закурил.

– Да быть не может.

Я оглядывался по сторонам, думал, может, лодку унесло куда. Но нет же, там специальный был столб, мы сами эту лодку туда привязали. Кроме того, я понимал, что это место мне не знакомо. Не были мы тут. Галька какая-то странная под ногами, которой точно не было, когда мы причалили...

– Давай ещё кружок сделаем, – предложил я. – Всё лучше, чем стоять и мёрзнуть.

На третьем круге мы с Ежкой испугались. Пока ходили, наткнулись на какое-то странное место – несколько деревьев, на которых были привязаны ленточки из кожи, какие-то мешочки, а к стволам прикручены рогатые черепа. «Жуть какая», – прокомментировал атеист Ежка. Но мы засняли это

местечко, я сказал пару строк в камеру про святилища, и мы тронулись дальше.

– Давай спасателей вызывать, – Ежка бросил под ноги окурок, когда мы в очередной раз не нашли лодку.

Я достал телефон.

Связи не было.

Телефон не работал.

Включаться не хотел.

– Давай к Семиликому вернёмся, – сказал я медленно.

– К кому?!

– К идолу, с которым ты фоткался. Оттуда вид нормальный. Ты помнишь, с какой стороны мы к нему подошли? Спереди или сзади?

– Спереди вроде, – неуверенно сказал Ежка.

Мы вернулись на вершину. Идолы встретили нас ледяным безмолвием и тихо качались на ветру, скрипели, будто подпевали морю. Глядя на волны, на сам остров, я вспоминал всё, что знал про эти края и, прежде всего – про богов, которым поклонялись люди, живущие на краю мира. Да, они знали о православии, исламе, буддизме, но сама мысль о том, что бог может быть только один, многим была не понятна, они не понимали, как это: не слышать предков, не верить в то, что у всего в этом мире есть душа. Им, северянам – настоящим северянам – было мало одного бога, чтобы справляться с трудностями, из которых состояла их жизнь. Что мы, живущие в квартирах со всеми удобствами, интернетом и телевизором, можем знать о настоящей жизни? Мы за всем этим себя-то слышать перестали, а тут ещё поди заставь услышать каких-то там предков. Не докричатся через наушники...

Пока я медитировал на волны, Ежка ходил кругами, пытаюсь поймать связь. Стемнело.

– Нет, ну это совсем уже атас. Я жрать хочу, – прогундел он наконец.

У меня даже сил не было ему ответить.

А ещё мне было хорошо здесь. В тот момент я действительно понял, насколько устал. Устал от всего – от большого города, от информационного мусора, который я вольно или нет впускаю в свою голову. Там места не остаётся для чего-то другого, что может быть созидательным и настоящим. Мультики одни. Вот тут, на этом острове, под этими деревянными идолами я бы поставил себе чум, сделал бы бубен и колотил бы в него на каждом рассвете.

Нас забрали спустя ещё час. Было почти совсем темно. Никита, один из олневодов, прикатил к нам на катере. По дороге мы рассказали ему эту историю.

– Духи вас запутали», – сказал он серьёзно. – «Что-то вы такое сделали или должны сделать, что они отпускать не хотели.

– А что там за место с черепами? – спросил я.

Никита помолчал, а потом сказал:

– Не помню такого места на Хэбидя-я.

Мы с Ежкой переглянулись.

– Вы ничего оттуда не брали? – слишком уж серьёзно спросил Никита.

Мы заверили его, что нет.

В последний день нашей поездки случился отвратительный по всем параметрам снегопад. Я сто раз пожалел, что оставил запись пары стендапов на потом, и теперь раскаивался, стоя на промёрзлой земле и качаясь от сильного ветра.

– Ты успел записать хоть немножко?

– Да успел, успел, – отмахнулся Ежка.

Провожали нас всей толпой. И наша приёмная семья вручила нам с Ежкой подарки: пояса и костяные тотемчики. На Ежкином был выбит волк, на моём – кит. Мне показалось это несправедливым, потому что волков я однозначно любил больше, но дарёному оленю – в моём случае, киту – в зубы не смотрят, поэтому молча отправил подарок в карман.

– Ну, хоть побрякушки дали, – сказал Ежка уже в вахтовом самолёте, на который мы сели в маленьком аэропорту.

– Не побрякушки. Это для них священные вещи, – сказал я, трогая в кармане кита. Он был гладкий, приятный на ощупь.

– Ой, – Ежка отмахнулся. – Не начинай, а?

– Ты в их религию не веришь, это твоё дело, но уважать-то надо.

– Кому надо, пусть тот и уважает. Для меня жрать сырое мясо и поклоняться деревянным развалинам и черепам – это полный бред. На вот, – он протянул мне тотемчик с волком.

– Живи и помни.

А потом устроился в кресле.

– Меня не кантовать. Как прилетим, разбуди.

– Если сам не усну.

Всю дорогу я слушал храп Ежки и ещё десятка вахтовиков, а в голове столько мыслей было, что я не мог, как изначально хотел, начать складывать отснятый материал хоть в какую-нибудь логическую историю. Мне хотелось рассказать сразу обо всем: как Ямал впервые встретил нас холодным ветром, как мы ехали на нартах, как впервые вошли в чум, увидели шамана, попробовали оленину (я – сырую), как заблудились на Вайгаче. Хотелось рассказать об этих верованиях, традициях... И при этом уложиться в положенные сорок минут. Мне это казалось невыполнимой задачей, потому что из интервью с одним только Игнеем мог получиться тридцатиминутный фильм, а я писал всех. Всех подряд. Ежка плевался, а мне было интересно послушать Варку, которая показывала, как шить пимы, охотников, которые резали оленя, Петра, который всё-таки «посмотрел» меня.

Я всё вспоминал его обряд. Он не был похож ни на один из тех, что я представлял. Пётр не прыгал с бубном. Он просто взял его в руки, сел на низкий стульчик, мне велел глаза закрыть, а потом медленно стал бить. В темноте я услышал сло-

ва, которых я не знаю, на языке, который я никогда не слышал. Пётр пел, и пел так, как мне казалось, должен петь Север. Раньше, думая о шаманских обрядах, я представлял вибрации варгана, протяжные напевы и вскрики, но в этих звуках мне слышалось всё разом, хотя не звучало ничего подобного. А ещё я слышал шум моря, гул ветров, фыркание оленей, скрип снега под ногами. Потом стал чувствовать свежесть, аромат трав, чая, кипящего в котелке мяса. То ли сон, то ли правда – не знаю, но когда Пётр закончил, я с трудом открыл глаза и вернулся в реальность. Мне правда понадобилось время, чтобы понять, где я, и что вообще происходит.

– Уснул ты вот и всё», – фыркнул потом Ежка.

Но я знал, что это не сон. И Пётр тоже мне сказал. Ты, говорит, с духами ходил, не все это могут. У меня от такого явления мурашки побежали.

А после Вайгача я и вовсе понял, что что-то меня к этой земле приковало. По-хорошему так приковало, как к родным местам, как к дому. Меня даже пробрало немного, когда самолёт взлетал.

Вся чертовщина началась уже после приезда. Во-первых, когда я взялся отсматривать материал, я обнаружил, что на кадрах, где мы снимали задний двор возле шаманского чума, нет звука. Пётр рассказывал нам про сотворение земли и о верховных божествах. Претензии я предъявил Ежке, но тот отмахнулся:

– У тебя там километры материала, выберешь что-нибудь. Я писал звук. Из-за этого долбаного снега, может, полетело.

Спорить было бесполезно. Я расстроился так, что не мог нормально работать. Но это было только начало.

«Во-вторых» огорчило меня ещё сильнее, чем «во-первых».

Наше путешествие на Вайгач начиналось с кадров на лодке и заканчивалось тем, как Никита спас нас, голодных и холодных, с острова. Уже на катере я записал стендап. Была лодка,

была наша высадка, пара планов общего вида, был мой стендап в темноте. И всё. Ни идола, ни наших прогулок, ни священного места – ничего! Вообще.

Меня взяла такая досада, что я всерьёз психанул и высказал Ежке всё, что я о нём думаю безо всякой цензуры. На мои вопли сбежалась половина студии, а я разогнался до хрипоты и дрожащего голоса. Ну это надо быть таким идиотом?

Ежка блял и оправдывался, но мне было противно слушать его оправдания, которые знали ещё больше, особенно когда я вспоминал, с каким лицом он ездил по Северу.

В итоге, накричавшись всласть, я пошёл домой и напился. Первый раз в жизни, за все свои двенадцать лет работы я надрался как свин – так обидно было.

С Ежкой я не разговаривал месяц. И не пересекался с ним. Правда, нет-нет, да вспоминал, глядя на тотемчик – тот самый, с волком, который я поставил себе на стол. Свой с китом я носил в кармане. И его-то я и сжал до синяка на ладони, когда услышал от Динары, моей коллеги, что Ежка разбился в машине по дороге на съёмку.

– В смысле?

Мы всегда задаём глупые вопросы, когда слышим то, что нас удивляет. Тут важен не сам текст вопроса, а, скорее, желание показать, что ты не веришь в сказанное.

– В прямом, – сказала Динара. – В реанимации. Там у него какие-то жуткие травмы. И позвоночник, и всё на свете.

Я сел обратно в кресло и тупо уставился на тотемчик. А потом спросил, где конкретно лежит Ежка, забрал тотем и поехал в больницу.

Пустить меня к нему не пустили – я не родственник, но в это время с Ежкой была его тётка. Она нам телемост по соц-сети устроила.

– Вишь, какое дело, – слабым голосом прошелестел Олег. Называть его Ежкой – этим дурацким прозвищем – теперь

язык не поднимался. Лицо у него было в синяках, губы едва двигались.

– Ты как?

Ещё один дурацкий вопрос, чтобы заполнить тишину. «Я не знаю, что сказать, но сказать очень хочется» – вот, что означает это «как ты?».

– Лежу. Ног не чувствую, – горько усмехнулся Олег.

– Как вышло-то? – спросил я, чувствовал, как срывается голос.

– Да как... Ехали, ехали, а потом упырь на встрече за чем-то решил на обгон пойти. И мы там перестраивались.

– Лобовое?

– Почти. И, знаешь, что самое-то смешное? На Жеке почти ни царапинки. А я, как назло, на первое сиденье сел, где ты обычно сидишь.

Я вздохнул.

– Что за съёмка-то была?

– Да трассы какие-то открывали.

У меня похолодела спина. Я отказался от этой съёмки буквально за пару дней до того. Я кричал и ругался, говорил, что не успеваю с фильмом и мне плевать, что ехать некому. И ребята решили послать одного оператора.

Олег вздохнул мне в ответ.

– Может, – вдруг сказал он, – и прав ты был со своими приёмами. Не надо было эту штуку дурацкую брать.

– Какую штуку?

– Тотем этот.

Я вытащил его из кармана.

– Отдавать не надо было.

– Не-е, – вдруг отмахнулся Олег. – Я не про этот.

– А про какой?!

– Помнишь, мы в это заколдованное место пришли на

Вайгаче? Там полно всяких черепушек валялось мелких. Ну, я и взял одну по приколу.

Я тупо смотрел на Олега, не понимая, что я хочу сделать: испугаться, накричать на него или посочувствовать.

– Духи недовольны, – улыбнулся он. Вернее, постарался улыбнуться.

Всю следующую неделю я общался с Олегом – так же, по соцсети, а в голове зрела мысль, которая не давала мне покоя.

Последней каплей стало заключение врачей, которое Олег прочитал мне едва ли не в слезах. Много длинных слов, но суть одна: на ноги он с вероятностью в девяносто процентов уже не встанет.

– Олег, где эта штука, которую ты подобрал? – спросил я, когда мы снова созвонились.

– Дома где-то валяется, а что?

Я подумал, собираясь с мыслями.

– Как мне её забрать у тебя?

– Зачем?!

– Надо. Скажи тётке, пусть меня в квартиру пустит, я при ней найду.

– Я скажу, она принесёт, – сказал ошалевший от моей просьбы Олег.

– Нет, не надо эту штуку никому трогать. Я сам.

Я правда не знал, что из этого получится, но оставить Олега вот так я не мог. Мы не были друзьями, но в тот момент мне казалось, что я единственный, кто знает, как можно помочь Олегу.

На Ямал я отправился своим ходом. Чудом выпросил месяц за свой счёт и сел на поезд. Это дольше, чем на самолёте, но я хотел добраться любыми путями. Уже в дороге созвонился с координатором, что курировал нашу съёмочную группу, и договорился, что он поможет мне найти наших кочующих друзей – Петра, Игnea и иже с ними. Всё

это время я думал о том, что лежит у меня в обувной коробке, завернутое в невероятное количество тряпок. Зачем Олег вообще подобрал такую гадость? Это был маленький, размером с мячик для пинг-понга череп. Кому он принадлежал, я так и не понял, но он был разрисован какими-то символами и рисунками. Что они означали, понимал только тот, кто их нарисовал. А единственное, что понимал я – это надо положить на место.

Мне повезло. Снова. Я нашёл их относительно быстро. Игней встретил меня, как члена семьи, а когда узнал, что я приехал к Петру, тут же отвёл к его чуму.

Пётр сидел у входа возле сложенных горой шкур и точил кость. Наверно, это он в прошлый раз вырезал нам тотемы.

Разговор вышел долгим.

– Плохо, – выслушав меня, сказал Пётр. – Разозлился на него Нга. Наверно, его святилище было, а друг твой забрал у него душу.

– Надо вернуть, – сказал я. – У меня с собой, я привёз.

– Толку нет, – отрезал Пётр. – Тут дело в том, что он уже взял, что на себя набрал.

Я посмотрел на Петра умоляюще.

– Что делать-то?

Шаман задумался, глядя куда-то сквозь меня, взгляд его остекленел, а когда вышел из этого состояния, сказал:

– Надо просить Нга. Чтоб вернул здоровье. Чтоб не гневался.

– Как просить?

– Туда отправиться, вниз, к нему в мир. В подземный.

У меня всё перевернулось внутри. Мне, жителю столицы, мира, где люди могут жить в космосе и осваивают аэротакси, предлагают путешествие по мирам. Я ощутил себя персонажем компьютерной игры.

– А как отправиться? Вы отправитесь?

– Не, – сказал Пётр. – Я не пойду. Я не смогу...

Он запнулся, подбирая слова.

– От души не смогу. Я не простил его ещё. А ты сможешь.

– Что смогу?

– Попросить за него. Уговорить духов. Ты говорить умеешь, вот и скажи.

У меня голова пошла кругом.

– Тут вот какое дело, Пётр, – я замялся. – У меня опыта нет.

– Это не важно, – ответил он. – Я подскажу. Делай, как я скажу. Будешь?

– Это опасно?

Пётр пожал плечами.

– Ясно-понятно.

Я задумался. Вспомнил Олега, его лицо с синяками, беду, которая свалилась на него из-за глупости. И уж не знаю, что это было – неведомая сила или просто внутреннее убеждение, программа, которая сработала в подсознании Олега, но оно притянуло беду. И если её можно отвадить...

– Ладно, – сказал я.

– Ладно, так ладно. Жди.

Петра не было около часа. Всё это время я разглядывал бубны – маленькие, средние, большие. Один – тот, в который Пётр бил, был украшен черепом, маленькими рогами, перьями. Мне захотелось взять его и начать бить. Бить и взывать к духам, как бы это ни делалось.

В чуме становилось жарко – печку Пётр раскочегарил так сильно, что я разделся. А когда пригляделся и понял, что делает шаман, меня стало мутить. В этот момент он взял чашу и поднёс её мне.

– Пей.

Он протянул мне чашу.

– Это обязательно? – спросил я.

– Пей, – повторил он. Не требовал, не злился, просто констатировал факт.

Стараясь не думать, что у меня на глазах он вывалил в эту чашу чей-то жир, бог весть, что ещё и разбавил оленьей кровью, я сделал три глотка. На вкус это было так же отвратительно, как на запах, но если это был единственный способ прекратить всю эту дрянь, что происходила после поездки, так тому и быть.

Я был готов есть землю, только бы всё прекратилось, но физиологию не обманешь, неподготовленному желудку всё равно, какие ты там высокие цели преследуешь.

– Меня сейчас стошнит, – предупредил я.

– Смотри, – сказал он и начал колотить в бубен.

Это видение было быстрым и длилось целую вечность, и когда оно довело меня до «здесь и сейчас», тут же погасло. У меня было чувство, что я остался в полнейшей темноте, но при этом вокруг было светло. Полная дезориентация.

И тут я понял, что сижу на спине огромного кита. Он медленно, почти незаметно двигался вниз. Я чувствовал его движения, слышал, как поднимается и опускается его хвост, но взглянуть не решился – внизу больше не было темноты, там была глубина.

Морская глубина.

И я понял, почему вселенная сделала так, что под толщу не попадает солнечный свет, сквозь прозрачную воду люди не видят и не осознают эту глубину. Смотреть в неё – все равно, что стоять наверху какого-нибудь дубайского небоскрёба и глядеть вниз.

Это завораживает и одновременно ужасает настолько, что перестаёшь осознавать само понятие ужаса. Ты им становишься.

Кашалот опускался всё ниже, ниже.

Я разглядывал морских тварей, которых не видел никогда.

Они проплывали мимо, огибали нас, как волны – волнорез или нос крейсера.

Сколько длилось это путешествие? Не знаю. Мне подумалось – целую вечность. Но это потом, а в момент этого путешествия я вообще не думал и не осознавал ни страха, ни времени. Тут ровным счётом не было вообще никаких чувств, только покой.

Мы спустились ниже, ещё ниже. Так низко, что воды кончились, и началась глубина земли. Мы скользили сквозь неё, вонзались, как бур. Глубже, ниже – до самого сердца земли. Я начал слышать голоса, какие-то звуки, они становились все громче...

А потом я увидел его.

– Как себя чувствуешь? – спросил шаман.

Я приподнялся – лежал на шкуре, на полу. Голова гудела, а тело болело так, будто я сутки проторчал в спортзале. И, самое интересное, что я в тот момент вообще ничего не помнил. Последнее, что осталось в памяти – я захожу в шатёр. А ещё была мысль о том, что я должен что-то сделать. Пётр дал мне выпить – уже нормально и по-настоящему. Судя по вкусу, это была какая-то настойка из морошки.

– Нормально вроде. Что это было?

– А это только тебе знать, – сказал шаман.

Я посмотрел на Петра, на обстановку в чуме. Когда я наткнулся на коробку из-под обуви, меня осенило.

– Можно, кто-нибудь меня отвезёт на Вайгач? Надо всё-таки вернуть череп.

Пётр внимательно посмотрел на меня и кивнул.

Ночевать я остался в чуме у Петра. Наутро меня полоскало так, что мама не горюй, но днём я отправился на Вайгач. Сначала – на вездеходе, потом – на лодке, и вот я снова перед взором Семиликого.

Море пенилось и шипело, билось в берега, ветер подхватывал брызги и разносил по острову.

Я вздохнул и, положив череп к подножию идола, отправился обратно к лодке. Мне очень хотелось оглянуться, но не мог – мне запретили.

– Так что это всё-таки было? Сон или не сон? Можем ли мы говорить, что там, на Севере действительно есть какая-то сила?

– А почему нет? Если мы во что-то не верим, это не значит, что этого не существует. Тем более, если речь о сакральных местах с историей старше всего человечества.

– Хорошо, и что потом? Ваш коллега поправился?

– Когда я возвращался в столицу, написал Олегу, чтобы тот удалил фотографии с идолами. Он, на удивление, не стал спорить. Позвонил он мне сам. Сказал, что реабилитация много времени займёт, но, вроде как, шансы есть.

По приезде я, наконец, увидел свой фильм, который показали уже после моего путешествия.

– И после него вы и закончили карьеру в этой сфере. Почему?

– Я не считаю себя великим режиссёром или журналистом, но я увидел в этом фильме свой творческий потолок. Почему-то мне казалось, что ничего круче я уже не сниму, не напишу.

Может, об этом говорил Пётр, когда после камлания рассказал мне о разочаровании, которое придёт в своё время? Не знаю.

Тотем я Олегу вернул. Свой же оплёл шнурком и повесил на шею.

А через год я снова ехал на Ямал. В Салехард. Я не смог бы стать кочевником – для этого надо родиться в чуме. Я родился в городе, менять свою природу я не собирался, иначе Север сломал бы меня. А мне хотелось, чтобы он меня воскресил, заставил жить заново, уже так, как я хочу.

Но я не раз встречался со своей приёмной семьёй, пару раз даже перекочевал с ними, съездил в одно из святилищ.

– И последний вопрос: а почему именно научную сферу деятельности выбрали?

– Что ещё даст такие возможности для изучения Севера? Это уже не просто фильмы, это рассказы о том, что уже изучено, о том, что изучается сейчас, и то, что только будет изучено. Это открытия в прямом эфире.

Ведущий ещё раз представил меня зрителям. Я всё ещё странно чувствовал себя под прицелом камер, в другой, незнакомой мне роли. Интервью вызывали лёгкое чувство ностальгии. К тому же я всегда испытывал муки совести из-за того, что позволял себе немного врать, отвечая на вопросы, которые у всех был одинаковы. Почему на Север, почему наука, почему бросили профессию... Я говорил то, что они хотели услышать – плавали, знаем. А отвечать честно мне не хотелось примерно по той же причине, по которой северяне не называют своих имён незнакомцам. Север таинственен, Север сакрален, Север уникален. Я понял это и влюбился в эти края.

Север стал моим домом. Теперь уже навсегда.

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

**на рассказ Натальи Олеск
«Сказ о птице синей или
Как рай Уссурийский искали»**

Произведение «Сказ о птице синей или Как рай Уссурийский искали» посвящено осмыслению переселенческого движения на российский Дальний Восток. Автором очень уместно выбрана форма сказа: она позволяет широко использовать фольклорные мотивы и элементы повествования, вплетённые в описание событий, которые происходят в реальности. Такое тесное взаимодействие фантастического и реального, представленное на страницах рассказа, кажется весьма удачной авторской находкой. Любое событие, происходящее за гранью обыденности – например, в снах главного героя – находит отражение в повседневной жизни: мистическая синяя птица может оказаться соседкой по вагону или реальным лесным фазаном. Этот приём крепко удерживает внимание читателя и делает повествование насыщенным, увлекательным, напряжённым. При каждом новом сюжетном повороте задаёшься мыслью: то, что приснилось герою или было рассказано ему как сказка, отразится на его жизни? И каждый раз грань между реальностью и сном оказывается столь тонка, что события «иномирного» становятся толчком для целой цепочки событий в реальной жизни. При этом автор не злоупотребляет волшебной составляющей: мы видим, что герои добиваются своих целей собственным трудом и решительностью. Художественное осмысление именно этой идеи кажется основным посылом произведения: только целеустремленность, каждо-

дневный труд и взаимовыручка позволят добиться желаемого, а «земной рай» – это то, что ты можешь создать собственными руками.

Автор демонстрирует прекрасное владение фольклорным, историческим и этнографическим материалом и изящно использует его в качестве фона повествования.

И здесь совершенно неслучайными кажутся выбор места и времени событий: Дальний Восток, 1913 год. Именно там и тогда происходили реальные события, описание которых помогает художественно осмыслить идею ценности межнационального диалога, взаимной поддержки, крестьянского труда. При этом заданная в самом начале хронологическая граница событий, символизирующая для современного читателя надвигающуюся катастрофу, дает возможность держать напряжение повествования, задаваться вопросом, получится ли у героев хоть что-то, учитывая, какая эпоха стоит на дворе. Эта же граница заставляет воспринимать финал произведения как открытый. Мы знаем, что герои нашли свой земной рай, их не коснулись события начального этапа Первой мировой войны. Но что ждёт их через пять лет? Через десять? Через пятнадцать?

Так или иначе, после прочтения рассказа остается светлое чувство, связанное с пониманием значимости в жизни таких основополагающих вещей, как человеколюбие, целеустремленность, взаимное уважение.

Юрий Костылев, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник топонимической лаборатории УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Наталья Олеск
СКАЗ О ПТИЦЕ СИНЕЙ ИЛИ
КАК РАЙ УССУРИЙСКИЙ ИСКАЛИ

По улице брёл парнишка, лет семнадцати-восемнадцати, не боле. Грустил, думал о чём-то, по сторонам мало смотрел. Росту был он среднего, одет не то, чтобы как дворянин, но и не как крестьянин, лицо умное, серьёзное. До Петербурга добрался он из деревни своей на перекладных только к обеду. Долго ли, коротко ли шёл, только встретил он старика.

– Здравствуй, дедушка, меня Николаем зовут! – поклонился молодой человек.

– Здравствуй-здравствуй, юноша! – отвечал ему старец, внимательно встречного разглядывая. – Меня Ксенофонтом кличут. Куда направляешься, что ищешь?

– Ох, смута везде, говорят, пришли времена последние. Родителей у меня нет, и посоветовать некому. Вот и решил для себя: как встречу старца седовласого, спрошу у него, что делать, в какую сторону идти и как жить дальше. Даже в Петербург приехал, здесь мудрых людей больше, чем в деревне моей.

К слову сказать, приближался тысяча девятьсот четырнадцатый год, переломный год для России-матушки...

Задумался старец, подслеповатые глаза прикрыв. После долгой думы ответил юноше:

– На востоке, где солнце встаёт, есть место одно – Беловодьем зовут. Леса там могучие, реки многорыбные, земли урожайные, просторные, а жизнь свободная – всем места хватает. Рай там земной, или Ирий по-нашему. Синие птицы живут в тех краях, песни поют неземные, птицами счастья называются. Поезжай, неча в Петербурге делать, думаю, и без тебя тутошки разберутся.

– Дедушка, а как попасть в сторону тамошню?

– Я сейчас записку напишу. Береги её пуще глаза. Заверни в несколько холщовин, дабы не промокла. И никому про неё не сказывай. Помни: язык твой – враг твой. Читать-то умеешь? – старик с хитрецей на Николу поглядывал.

– Конечно, дедушка, умею. И языки разные знаю!

– Откуда же выискался такой, да не в царской одежде ходишь? – старец смешливо прищурился.

– Маменька с папенькой трудились не покладая рук, все деньги на моё образование тратили. Один я у них. Кроме французского и немецкого, много наук разумею. Родителей как два месяца не стало. Вот и мыкаюсь, не знаю, как дальше жить.

В это время старец Ксенофонт на чистой белой тряпице карандашом буквы старательно выводил. А вслух проговаривал:

– Край тот Ассирийский называется, лежит близ Тихаво моря-окияна. Место благодатное там. Возьми билет, по железной дороге поедешь. Будешь три недели добираться, но не пужайся, время быстро пройдёт. Сердце своё слушай, оно тебе всё подскажет. Трудные времена сейчас, лихие. Может, и спрячешься, спасёшься. Возьми! – и протянул записку.

– От кого прятаться-то, дедушка?

– Ох, беда-беда будет! – шептал старец, на вопрос не отвечая. – Помни: встретятся на пути люди разные. Но ты всегда товарищей в подмогу и в радость ищи, не будь один. И перо возьми. Оно тебе путь укажет. Это перо птицы Сирин. Сказочная она птица, но кто знает, что на пути далёком приключится. Перо ведь как-то попало ко мне, – подмигнул Ксенофонт и, пока Никола в поисках вокзала по сторонам оглядывался, старец, словно дым, рассеялся. Звал его Никола, звал, но дедушки нигде не было.

***

«Ладно, сам сыщу направление!» – решил молодой человек. Вспомнил, что вокзал должен быть недалеко, и направился вдоль Невы-реки. В кармане записка заветная лежала и небесного цвета перо птицы Сирина. «Сирин-Ассирийский... – вертелось в голове у Николая. – Похоже-то как! Уж не из тех ли краёв эта птица чудесная?»

Молодой человек размышлял-размышлял, а уж и к вокзалу приблизился. Тот был полон. Все куда-то ехали, спешили. Возле кассы совсем растерялся Никола. От волнения подзабыл, как место называется, куда ехать собрался. Сзади напирали, надо было вспоминать поскорее. Сквозь шум да гам плохо слышал, о чём кассир его спрашивал.

– Имя, имя своё говори, – подтолкнула сзади женщина.

– Николай... а, вспомнил! Ассирийский! – и десять рублей протянул.

Кассир, недолго думая, быстро что-то написал, дал незадачливому пареньку сдачу, затем билет. В нём было указано: город Никольск-Уссурийский, отправление через час.

«Ну, была не была!» – махнул рукой Никола, зашёл в вагон и место своё занял. Из вещей в котомке у него были только чистая рубашка да сапоги. Не в его привычках принимать было скорые решения. Но то ли горе от кончины родителей глаза как мгла какая застелила, то ли старец словно околдовал, он и сам не понял. «Будет плохо, вернуться всегда успею!» – рассудил Никола и задремал.

***

Снились ему дуга заливные, реки молочные полноводные, берега кисельные плодородные... Всюду цветы яркие: голубые да красные, а посреди поля-полюшка сидела птица невиданной красы: сине-голубого цвета, с длинным хвостом переливчатым; перья сверкали то серебром, то золотом. Увидала пти-

ца Николу, не улетела, стала спрашивать: «Куда ты, Никола, путь держишь?» Удивился тот, что птица разговаривать умеет, имя его знает, но виду не подал. «Еду в край Ассирийский, искать рай земной. Есть, говорят, место волшебное – Беловодьем зовут, всё для жизни там есть, благодать одна». Птица долго на Николу смотрела, затем крыльями взмахнула, в воздух поднялась и крикнула ему: «Возьми перо моё, как станет невмоготу, подуй на него, загадай желание, и если светлое оно, то исполнится!» – и улетела.

Проснулся Никола. Уж ночь наступила, и так темно было, что и попутчиков не видеть. На коленях искрилось что-то. Пригляделся юноша, потрогал и понял, что пёрышко это. «Ох, как же могло оно из кармана выпасть?» – забеспокоился он. Но в кармане лежало другое, то, что старец Ксенофонт передал. «Так это был не сон?» – обрадовался Никола и снова уснул, теперь уже крепко и без сновидений.

На следующий день Никола аж после обеда проснулся. Долго глаза не открывал, всё руками-ногами шевелил.

– Любишь ты поспать! – раздался звонкий девичий голос.

Напротив него сидела девица, его возраста, чернобровая, с длинной косою тёмно-русою, в голубом платье и синем, с бахромой, платке на плечах. Она насмешливо глядела на него. Никола сначала понять не мог, где находится, потом враз всё вспомнилось, и первой мыслью было следующее: «Что же я наделал!» Сунул руку в карман, хотел пёрышки проверить, нашёл одно только. «Неужто привиделось?» – расстроился он.

– Да всё хорошо! – словно угадала его мысли девица. – Ещё недельки две-три и доберёмся до Беловодья!

Никола недоверчиво смотрел на неё. Это же была тайна – его и Ксенофонта!

– Да никакая это не тайна! – снова, будто зная, о чём юноша думает, произнесла девица. – Все туда едут! В край Асси-

рийский – за раем земным и от зла повсеместного. Ты билет свой всю ночь в руках держал, вот я и подсмотрела, в какую сторону направляешься. И я туда же, так что нам по пути с тобой! А меня Саедана зовут. Старорусское имя это. Обычно меня все Седанкой называют. При жизни родители мои Беловоде всё искали. Не стало их – я и засобиралась. Благо, человек добрый путь подсказал. На последние деньги билет купила и вот – сижу с тобой в поезде. Уж не знаю, что меня ждёт в краю далёком, но, верно, будет не хуже, чем в Петербурге.

– Седанка... очень приятно. А я Николай, можно Николой звать, – представился молодой человек.

– Ух ты! Тебя как нашего царя-батюшку зовут! В честь него самого? – улыбнулась Седанка.

– Не знаю, только деда моего так величали, – засмутился Никола.

– Мы в Никольск-Уссурийский едем, значит, судьба твоя там, ведь у города имя твоё!

Вчера это в голову ему и не приходило. Он только о птице Сирин думал да о крае заветном Ассирийском.

– Говорят, там много народу разного живёт. И море тёплое есть, – продолжила Седанка задумчиво, подперев рукой голову. Затем в окно глядеть стала. Там простирались леса бесконечные, густые, тёмные; станций мало, останавливались редко. Поезд шёл неторопливо, на поворотах сильно ход замедляя, и Николе казалось, что на лошади в Беловоде он доскакал бы пошибче. О том, что тоже сирота, Седанке не обмолвился. Как-нибудь потом, при случае.

***

«Ух, шустрый какой!» – заговорила птица синяя. Никола старался поймать её, по полю бегая. «Как зовут-то тебя? Каждую ночь снишься, а имени твоего до сих пор не знаю!» – спрашивал он. «Си-и-и-рин!» – протяжно закричала птица

и стала петь песни дивные. Голос её завораживал, проникал в душу самую. Никола не мог с места двинуться – так прекрасно было птицы пение. А пела она о грядущем блаженстве, о счастье великом и о радостях человеческих. «Только человек, чистый душой, может песни слушать мои, дурной человек рассудок теряет!» – такими словами закончила свою музыку птица Сирина и улетела. «Чудо какое!» – радовался во сне Никола, стараясь повторить мелодию, но у него ничего не получалось.

Так и прошло время в пути. В разговорах, думах и снах. Юноша больше молчал, слушая Седанку да сны в голове перебирая. Он уж и не знал, что ему больше нравится: то ли на девицу смотреть, то ли синей птицы токование слушать.

... Однажды Никола всё же смог к птице Сирина подобраться. Как уж та не заметила – непонятно. Видимо, на синичек-невеличек засмотрелась. Схватил птицу за хвост, насилиу та вырвалась. Взлетела с шумом и стала кружить над Николой:

– Негоже так со мной!

– Я до тебя дотронуться хотел, уж больно ты красивая и будто настоящая!

– Как же настоящая! Я ведь перо тебе подарила, куда девал его?

– Не знаю, драгоценнейшая Сирина! Оно как сквозь землю провалилось!

– А ты поду-у-май! – протяжно пропела птица и улетела. Затем вернулась и добавила: – Ты оберегать и лелеять меня должен! Счастье – оно хрупкое! А в Беловодье в самый раз пригодится!

Никола боялся, что птица Сирина больше не явится в его снах и долго не хотел просыпаться. Но когда-нибудь делать это надо, и, открыв глаза, увидал, что Седанка подол платья своего зашивала.

– Ух, зацепилась где-то, надо же! – проговорила с досадой она, взгляд Николы заметив.

Слова птицы Сириин долго из головы не выходили у него. А Седанке про свои сны ничего не сказывал. Боялся, что засмеёт – девицы они такие! И почему в Беловодье счастье должно пригодиться? Неужто нет его там? Значит, обманул старик?

– А Ксенофонта многие знают, – произнесла Седанка, в который раз мысли Николы угадав.

– Почему ты о нём заговорила? – с удивлением спросил он.

– Да так, вспомнила. Ты во сне несколько раз имя его произнёс. Ксенофонт жизнь прожил долгую, трудную. Он не обманщик. И не каждому совет даёт. Он с батюшкой и матушкой моими знаком был, несколько раз к нам в дом хаживал. Всю Расею пешком обошёл. И про Беловодье столько нам сказывал! Но где находится, сам недавно вызнал. Поведал, что добраться в края те не сможет, сил уже нет. Вот за него я и решила ехать в земли дальние!

Только-только Никола заметил, что у девицы глаза синие-синие, искрятся и словно видят его насквозь. Аж головой замотал. «Полюбилась что ли?» – мелькнула мысль у него, но прогнал её тут же. Вслух только произнёс растерянно:

– Я и не знал, что во сне разговариваю...

***

В одном из снов Никола птицей Сириин любовался не в поле, а в саду яблоневом. Деревья молодые были, полностью усыпанные спелыми наливными яблочками. Птица Сириин ела яблочки одно за одним, семечки вниз бросала. «Возьми эти семечки! Плоды райские из них вырастут! Будешь возвращать их, жить безбедно да меня вспоминать!» Подобрал Никола семечки. Все были крупные, доселе таких не видывал.

Проснулся, а Седанка яблочко доедает. Спелое, красное, хрустящее. «Соседи угостили! – объяснила она. – Тебе тоже передали!» – и протянула Николу второе яблочко. Как съела своё, семечки в кармашек сложила: «Пригодятся: может,

в саду райском яблони не растут!» Никола семечки со своего яблока Седанке отдал. «У тебя целее будут!» – сказал он.

***

– Скоро Никольск-Уссурийский! – было раннее утро; смотрители ходили по вагонам, загодя станцию объявляя.

Никола с Седанкой встрепенулись. Чай допили с последними пирожками и были таковы. А что, вещей у них – по узелку на каждого да к выходу давно приготовились. Восемнадцать дней промелькнули в пути – не заметили.

– Никола, может, в новом краю будем вместе держаться? – робко, но с надеждой спросила Седанка.

Встрепенулся юноша, подумал враз: по-иному он и не мыслил. А вслух произнёс только:

– Конечно, Седанка! Как тебя я брошу?! Ты же девица и одна. Я оберегать и лелеять тебя должен!

Девушка поглядела на него с улыбкой и благодарностью. Погладила косу длинную, расправила небесного цвета платье и направилась к выходу.

А на перроне что творилось-то! Люди сновали туда-сюда, гомонили, грузили вещи многочисленные. Это Никола с Седанкой налегке приехали, остальные везли с собой весь скарб домашний: как-никак новую жизнь на краю света собрались обустраивать.

Седанка первой шла, Никола за ней. Она спешила: словно знала, куда путь держать. Когда из толчеи выбрались, девушка остановилась.

– Дай отдышаться! Передохнуть надо, – а сама из кармашка записочку достала. – Вот адрес... Там живёт родня моя дальняя, давай у них остановимся, разузнаем, как в Беловодье попасть.

«Надо же, оказия какая! – обрадовался Никола. – А Седанка не говорила, что есть, у кого жить. Верно, испытывала меня!»

Встретили их родные очень гостеприимно. Рассказали, что рядом со столицей Уссурийской, городом Владивостоком, есть урочище такое – Седанка.

– Это в честь девицы нашей назвали! – шутили родные.

Про Беловодье ничего не ответили. Только одно: все его ищут, а привыкнут к месту, получают как переселенцы казённые деньги с землёю, вмиг забывают. Ведь переезжают семьями, с детьми и вещами. Кто и животину с собой берёт. Пока обустроятся, все мечты забывают.

– Это вам, молодым, есть время Беловодье искать. Вот и в путь вам дорога! Потом расскажете, где оно. Может, и нам кусочек счастья достанется!

***

Я жду тебя, ведь ты появишься,
Мой долгожданный, мой миленький.
Я вижу губы твои алые
И подарю платочек синенький.
Я жду тебя, когда ты явишься,
Когда войдёшь в мою ты дверь,
Как назовёшь меня по имени,
Хочу к тебе я поскорей¹, –
тихо напевала Седанка, то заплетая, то расплетая длинную косоньку.

У девушки получалось чисто, душевно, и слушать её голос хотелось всю жизнь.

– Седанка, откуда песню знаешь? – спросил Никола, услышав мелодию, с детства знакомую. – Её маменька моя при жизни пела...

– При жизни? У тебя тоже матушки нет в живых?

– Да, я, как и ты, сирота. Не хотел говорить, всегда гру-

---

¹ стихи автора

стить начинаю, как вспомню, что я один... Раз уж вырвалось, так знай про это, – Никола понурил голову.

– Это любимая песня моей матушки. Мне порой кажется, когда я сплю, она меня этой песней убаюкивает... – и девица снова запела.

Никола призадумался: «Как много общего с Седанкой у нас, будто сестра моя родная».

***

Ночью приснилась не птица Сирин, а кукушка серая. Сидела на дереве и искоса на молодого человека посматривала:

«Никола-Никола, не проходи мимо. Отгадаешь три моих загадки, ключик волшебный дам! С ним ты свой Рай откроешь!»

«Так прежде найти его надо!» – ответил юноша.

«Найдёшь, как пора придёт! Горы и леса ты уже преодолел на коне железном!»

«Загадывай!» – решительно ответил Никола и слушать стал внимательно...

«Летит птица по синему небу, – начала кукушка. – Крылья распластала, солнышко застлала».

«Ох, это и дитяtko малое знает! Туча!» – обрадовался юноша, что ответ знает.

«Ты рано-то не торжествуй! Следующая загадка: махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером».

Никола невольно карман свой похлопал: тут ли перо? «Над ответом надо размышлять, а не перья считать!» – промелькнуло в голове у него.

«Ночь!» – быстро выпалил юноша.

«Верно, ишь быстрый какой! Вот и третья, не всяк ответ на неё знает. Подумай, прежде отвечать-то! Двенадцать орлов, пятьдесят две галки снесли одно яйцо».

Никола вспомнил уроки арифметики и быстро ответил: «Год!»

Бросила кукушка к ногам Николы маленький ключик, а сама улетела. Забренчал он, по земле покатился. Пока бежал за ним юноша, проснулся. Стал глазами хлопать, уснуть старался, чтобы ключик отыскать, но не получилось.

Солнышко ещё не встало, а все родные Седанки уже по двору и по дому ходили, собирались, кто куда, каждый по своим делам: кто животину кормить-поить, кто траву косить, кто стирать-убирать. Никто без дела не сидел. Сама девица на столе ключи по кучкам раскладывала. Все ключи по форме и размеру разными были. Увидав, что Никола проснулся, разъяснила ему:

– В стайке, во дворе нашла. Дядя сказал, что ничейные, делай с ними, что хошь. Так как же ничейные? Негоже, чтобы добра столько пропадало! Наведу в них порядок, авось, пригодятся!

***

Вечером, как обычно, начались посиделки всей семьей дружной. Начинали говорить старшие, за ними и младшие подтягивались.

– ... Ещё, говорят, староверы до самого царства Опоньского добрались. Туда токо по морю попасть можно. Рядом с источниками горячими жили, кашу да яйца в них варили!

– Это что ж за царство тако сказочное?

– Япония это. Вот что за царство!

– Так это наше слово получается, что ли, – Япония?

– Не знаю, наше, али как, а Опоньским царством кличут.

– А про источники не заливай – не бывает таких!

– Вот доберёшься туды и проверишь! А я правду говорю! И церковей там больше ста сорока нашенских!

– Говорят, старец у них есть, Ксенофонтом кличут. Так он Абиссинию всю прошёл и даже в Сирии побывал, на поклон к святыням ходил. Всё Беловодье искал, Рай земной. В том Раю

всё само в изобилии растёт! Даже сирский язык Ксенофонт знает, на котором в Раю беседуют. И птицу Сирина отыскал, та ему путь верный указала! А самое главное, во всех странах и сторонах, где староверы Беловодье ищут, потом вера наша русская, церкви везде стоят!

– А мож, в самом Владивостоке Рай этот? Недаром у них на вокзале столь птиц разных!

– Живут они там, что ли?

– Да нет, на стенах изразцы, а на плитках тех изразцовых птицы сказочные, одна другой краше. Какая из них птица Сирина – Бог его знает!

– Да нет там птицы Сирина. У той голова прекрасной дивы, а не птичья, на стенах нет таких...

– Ещё староверы по-особливому ставенки расписывают. Узоры на них такие, что всю жизнь стоял бы да рассматривал!

– Ох, хватит байки на ночь глядя сказывать! – это жена старшего дяди завозмущалась. – С нами дети мал мала меньше да души неокрепшие. Уши развесили, того и гляди, среди ночи пойдут Рай искать, – и после слов этих все спать отправились.

Не стал Никола ничего говорить. Зачем старшим пере-
читать? Утро вечера мудреней...

***

Во сне птица Сирина гуляла среди домов с крышами красными, среди церквей с куполами золотыми. Сафьяновые сапожки на ней были надеты, а голова прекрасной дивы. Пригляделся Никола да обомлел: на Седанку похожа она, только старше. За птицей в ряд вышагивали голуби белые, а замыкала шествие кукушка серая, та, что загадки загадывала.

– Обронил мой ключик... – сокрушалась птичка.

– Найду я его, обещаю тебе! – клялся Никола.

– Ох, быстрее ищи, затмение скоро, совсем темно станет!

После сна Никола все карманы проверил: вдруг заваялся ключик. Нет, нигде его не было.

– Седанка, ты разобрала ключи, те, что взяла во дворе? – спросил он у девушки.

– Да, по мешочкам полотняным разложила, только один никуда не подходит: самый маленький, жёлтенький.

Николу как молния пронзила... Враз догадался: это тот самый, что во сне поймать не сумел.

– Седанка, дай мне его, пожалуйста, хотя бы на время. Очень уж надо!

То ли взгляд какой особенный был у него, только Седанка даже спрашивать не стала, зачем Николу ключ тот понадобился.

***

А вечером опять разговоры говаривали:

– Ещё у них, староверов, или кержаков по-иному, не различают, кто ты есть: русский, литвин, поляк али ещё кто... Им всё равно. Главное для них – вера православная. Немного иная, чем наша. Гоняют их за неё, начиная с Петра Первого. И они себя все русскими называют: ведь на русском языке говорят, русские обычаи у них, на Руси живут и матушку-Русь почитают.

– Так казаки себя тож русскими считают. Русь защищают, и она их кормит-поит.

– Эти да... Дружный народ. Не хотел бы попасть на иную сторону от казаков. Вмиг прикончат! Бравые ребята! Благодаря им границы нашенские стоят! Это вы сейчас, можа сказать, с ветерком докатились – за осьмнадцать-то дней! А ране казаки по два-три года в края эти шли. Не все добирались: мёрли кто с голоду, кто с холоду. Потом пароходы из Одессы пустили по морям южным. Ужо быстрее стало – три месяца на путь уходило. Да и эту дорогу не все выдерживали. Ехали

в теснотище-то! Качка морская не всем подходит. Зато земли много давали, по сто десятин на мужскую душу! Тебе, Никола, тож земля положена, токо меньше, пятнадцать десятин. Умерили выдачу, да и верно, не все знали, как с наделами такими поступать! Корейцам в аренду сдавали, китайцам. На твоих пятнадцати десятинах и дом можо поставить, и сады взращивать! А фрухты в почёте здесь!

Никола вспомнил про семечки яблоневые, Седанкой припасённые. Как знала, что сгодиться могут!

– Верно сказано, казаки давно здесь живут. Без штыков и ружей ейных нам совсем плохо было бы! Вот ведь народ: кто кажный из них по отдельности, какого роду-племени – непонятно, а все вместе – казаки! Они надёжа и опора наша! С верой сюда православной ехали, она им во всём помогала!

– А бабы с девками какие у казаков: статные, красивые, наряжаться любят, краlechки, одним словом, а песни запоют – заслушаешься! Настоящие птички певчие!

– Да и от мужиков своих не отстают: как беда, вилы с косами враз берут, любой враг далёко бежит!

– И поморов в крае Уссурийском хватает! Говорят, долго царь думал, как народ морской славянский сюда привлечь-то. Ведь ни казаки, ни старoverы здешние кораблей строить не умеют. Ещё не всякий может рыбу уссурийскую ловить да морских гадов – устриц – растить. По обыкновению китайцы этим промыслом занимались. Они и в каботаже преуспели, только за перевоз дорого брали. Вот и надумали эстов зазвать. Те поморы бывалые. Сначала ходоки от них прибыли. Понравились им земли нашенские. А уж через год-два с семьями и всем скарбом домашним перебрались. Расселились по бухтам удобным. Цены у поморов меньше были, нежели у китайцев. Вот в выигрыше и оказались!

– Богат наш край Уссурийский: всем и земли, и моря хватает!

– Да и иноверцы – местный народ – порой помогают: тропы подсказывают, на охоту с собой берут, учат, как на зверя охотиться!

– Иноверцы со многими хорошо ладят! Живут они в крае нашем в тех же сёлах, что и русские, только земли не пашут, на охоту всё ходят, травы полезные собирают да растут в огородах своих, – пояснил старший дядя Седанке с Николой.

– Корейцы же в сторонке ото всех держатся: они больше рисом занимаются. Уж такие мастаки в этом деле! – добавила жена его.

Так за разговорами о жизни здешней, с небольшими поучениями да шутками проходили посиделки. Пока говорили, без дела никто не сидел: женщины шили-штопали, а мужчины утварь домашнюю починяли.

***

Ночью, во сне Николы, птица Сирина вновь по улицам городским ходила. Теперь в её свиту казаки brave прибыли: все красавцы черноусые, в папахах, сапогах, начищенных до блеска, на ружьях штывки вверх. Шли, песню пели:

Поехал казак на чужбину далёко
На добром коне своём вороном,
Да свою он родную краину
Да на время, на время спокинул,
Сам да не мог да он возвернуться,
Он в отеческий дом.
Напрасно казачка – жена молодая –
Утро-вечер выходит на север смотреть.
Ой, да всё ждёт она, поджидает
Ну с далёкаво края,
Ну когда, когда ко мне милай,
Ну казак-душа прилятит²...

---

² казацкая песня

А после как грянули хором: «Душу – Богу, сердце – людям, жизнь – Отечеству, честь – никому!»

Птица Сирий посматривала на всех с одобрением, шагая важно да чинно. Тут кукушка серая рядом с Николой оказалась; поблагодарила, что нашёл её ключик. Затем с поисками места благодатного стала торопить. «Не забудь, вход в Ирий через воду!»

«Вот и новая подсказка-загадка! – подумал Никола, проснувшись. – Что же делать? Как путь в Рай искать?»

Вышли с Седанкой на улицу, к общему колодцу. Возле колодца на завалинке дедушка совсем старенький сидел, всё на них посматривал и воду из берестяной кружки попивал.

– Ох, вода-то кака сытяна! – утирал бороду дед да с хитрецей на Николу с Седанкой поглядывал. – Говорят, вы земли счастливые ищите?

– А кто говорит, дедушка? – отозвалась девица.

– Да уж не тайна ни для кого! Есть у меня цветник, а в нём буквы раз-ные... – и старик стал книгу перелистывать.

– Почему цветник, дедушка? – спросил Никола.

– Дак запрещены книги эти старOVERские, вот название и зашифровано.

Низко над книгой старик склонился, всё губами шевелил и пальцами по строкам водил.

– Вот, нашёл! Это ж рядом совсем! – смотрел он глазами ошалелыми на Николу с Седанкой. – Благодатным зовётся! Мож, Беловодье то самое?

Сверился лишний раз Никола с запиской своей: верно всё, так и есть, место благодатное указано.

– Сёл Благодатных в крае Уссурийском аж целых два! Одно казачье, в другом – старOVERское. У старOVERов озеро есть, так и зовут – Озеро Небесной Благодати! И море-окиян рядом! Рудознатцы там славные живут, но народ суровый, ничего вам не скажет!

Никола с Седанкой переглянулись.

– Конечно, нам к озеру! Ясно ведь: раз так названо, значит, Ирий взаправду нашёлся! – и оба заспешили в путь-дорогу собираться.

– Да обождите вы! – одёрнул старик молодых. – В краю нашем волости Чугуевской есть хутор один, дак он Раем зовётся!

Приздумался Никола.

– Нет, мы вперёд к озеру пойдём!

– Пойдут они! Не так уж и близёхонько! Не торопитесь с решениями! Изматаете себя дорогами тяжкими, потом ни в жисть ничаго не захотся!

– А что ты предлагаешь, дедушка? – спросила Седанка.

– Вот, это по мне! – обрадовался старик. – Надо исчо местного народу поспросить. Не у одного меня цветники есть. Мож, в другой книге иное сказано!

– И то верно, дедушка! – согласились с ним Никола с Седанкой. – А у кого нам спросить-то?

– Вы пока на речку сходите, скупнитесь, рыбки половите. Мож, голова прояснится, и мысль кака важна придёт. А я туточки поспрошаю.

Стал Никола с Седанкой советоваться:

– С одной стороны, прав дедушка, обождать надо, с другой – засиживаться не стоит, до холодов надо в Ирий попасть. А как думаешь ты, Седанка?

Девушка долго не отвечала.

– Давай ночь переждём, вдруг что-нибудь переменится! – предложила она.

– Верно говоришь, в нашем деле одна ночь ничего не решит, – согласился Никола.

***

Во сне птица Сирий на золотом троне сидела и ей дары подносили разные. Среди гостей много иноверцев было. Те птице Сирий всё шкурки соболиные дарили, головы склоняя. Она сидела спокойно, царственно, будто всё так и должно происходить. Тут к птице Сирий молодец подошёл в кафтане золочёном, в высоких сапогах, папахе, и шкатулку ей отдал. Шкатулка была серебряная с золотыми узорами, нежными, точно кружево. Из замка шкатулки ключик торчал. Точь-в-точь как тот, что Никола у Седанки выпросил. Стал рассматривать молодца и понял: да это он сам стоит, взрослее только! А что в шкатулке лежало, не разглядел. «Ох, взглядом бы с самим собой не встретиться! Страшновато как-то!» – испугался Никола и проснулся.

– Никола, Никола! – тормошила его Седанка. – Дедушка в цветнике другом слова про Рай нашёл. Это совсем недалёко отсюда! Давай туда ходим! Потратим день-два, только ближе это – не в другую же волость ехать! А Озеро Небесной Благодати солёным оказалось! Уж не знаю, любит ли такую воду птица синяя?

– Сначала нам надо в края, где кузнецов много знатных да искусных живёт! Закажем шкатулку им тонкой работы, а ключ у нас уже есть, – сказал Никола, доставая тот самый жёлтый ключик из кармана. – А Рай после искать отправимся!

– Откуда знаешь про шкатулку? Кто сказал? – Седанка глядела на него пристально глазами своими синими, и у Николы голова отчего-то закружилась. Но быстро в руки себя взяла.

– Знаю и всё! Старец Ксенофонт указал!

– Ну, если он самый, – задумалась девушка и замолчала. – Конечно, будь по-твоему! – и глаза её ещё боле заблестели. – Надо узнать, где такие мастера есть в края Уссурийском!

***

– Прошлый раз мы про литвинов вспоминали или белорусов по-нашему, – начал старший дядя на посиделках. – Тоже у нас свои сёла обживают. Уж шибко они хозяйственные! Порядок везде, коров много жирных, ухоженных. Сена им много готовят. По характеру простые вроде, а чем больше узнаёшь их, видишь, что смекалка у них отменно работает! И при любой власти держатся! Не всем дано это. Да, сейчас така жисть, только успевай вертеться!

– А поляки, что к нам приехали, тож не бездельничают: на железной дороге любят работать!

– Ну, я слышал, что они и лошадей с оленями растут!

– Да, везде преуспели! Как говорится, твой пострел везде поспел!

– Черниговцы с полтавцами, тож хорошо хозяйство ведут! У себя на родине бедней бедного были, изголодались, а здесь кум коромыслом: и земля, и дома, и все сытыобуты. Вода только, код* из берегов речных выходит порой, урожаяи губит. Но это не та беда, что у них в Малороссии была.

– А я думаю, больше всех досталось русским пахарям крестьянским! Те вместе с казаками пешим ходом да на телегах сюда добирались! Ох, и трудно пришлось им, кода в край переселялись наш! Здесь леса таёжные, непроходимые, зверья скок дикого! Корчевали чащи тёмные, много сил положили! Всё преодолели, всё превозмогли. Смекалкой брали!

– Да, край Уссурийский потому и вырос людьми, что с казаками крестьяне шли. Одним штыком не прокормишься!

– Штык и соха как брат и сестра!

Все одобрительно засмеялись.

– А сколько за сорок лет домов понастроили! Видимо-невидимо! Во Владивостоке, говорят, улица Светланская вдоль само моря идёт, и конца-края ей нет. Вкруг неё дома богатые, точно в Петербурге!

– Да и Никольск наш не хуже! Меньше, конечно, но дома один другого краше! И каменные, и деревянные, каждый старается лучше соседского построить!

– А вы сами из каких мест будете? – робко, когда все замолчали, спросил Никола.

– Мы откуда? – старший дядя всех взглядом обвёл. – Мы, как и ты, питерские! Батюшка мой служил здесь на телеграфной станции, а я сменил его. С моей матушкой переехали сюда сорок лет назад. По всему краю станций этих настроили великое множество! Не всякий науку телеграфную постичь может. Посмотрю на тебя, мож, сгодишься мне в преемники, а то у меня одни девки, сына нет, – и подмигнул Николе.

Тот зарделся, не знал, что ответить.

– Эт хорошо, что ты не бахвалистый. Мне таки нравятся, и земляк наш. Оставайся у нас. Но сначала Рай поищи свой, чтоб душа не болела.

Никола кивнул. И было непонятно: то ли остаться согласился, то ли Рай свой искать, а то и всё вместе. Затем набрался храбрости и спросил, к старшему дяде обращаясь:

– Алексей Тимофеевич, а где кузнеца для тонкой работы сыскать можно?

– Кузнеца, говоришь... А что надобно от него?

Никола подумал-подумал, следует ли секрет выдавать, да решился:

– Надо шкатулку узорчатую сваять, с замочком.

Старшие переглянулись. Самый младший дядя ответил (его, несмотря на молодость, все дядей Сергием за ум и мудрость величали):

– Дак я в кузне раньше работал. Это сейчас в землемеры подался, как учиться кончил. Давай посмотрю, что надо. План али чертёж есть?

– Только по памяти. Но я нарисовать могу! – с радостью

предложил Никола. И вскоре в его тетрадке чертёж появился, даже с размерами.

– Хорошо рукой владеешь! – похвалили все. – Знатно рисуешь!

***

Во сне птица Сирина вновь на троне золотом сидела, а рядом царь Николай. Царь во сне молодым был. С гостями всё по-иностранным изъяснялся. Подошли два молодца, в цветных халатах с широкими поясами, волосами чёрными, в косы длинные заплетёнными, да с мечами острыми. Никола призадумался: «Что за диво: совсем не для воинов одеяние и особенно волосы». Тут один к царю кинулся, мечом прямо в голову метясь. Птица Сирина взмахнула крылом своим и закрыла царя. Меч плашмя прошёл. «Живой, живой... ранен, но живой!» – радостные вздохи облегчения в толпе раздались. А птица Сирина без крыла стояла и горько от боли плакала. Никто на неё и внимания не обращал, всех только царь интересовал. Но он на свою спасительницу даже не оглянулся.

«Нельзя так с птицей счастья! Да ни с кем нельзя...» – говорил Никола.

И отправилась птица Сирина прочь, волоча за собой отрубленное крыло и ни разу не оглянувшись. Дары свои возле трона оставила.

Проснулся Никола с тяжкими думами: «Что за беда с царём приключилась? И что с птицей Сириной? Неужто не найдём мы с Седанкой Беловодье?»

А вечером на посиделках дядя Сергей, тот, что землемером стал, рассказал, как двадцать пять лет назад в Никольск и другие казацкие станицы царь Николай Второй приезжал. Он тогда цесаревичем был ещё. В Японии, перед тем как в край Уссурийский прибыть, его в голову ранили. Повезло: меч плашмя прошёл. Все изумлялись: как самурай мог такую

оплошность совершить? Но как случилось, так случилось. Царь, несмотря на ранение, бодро шагал перед строем казаков уссурийских и очень доволен ими был: за верность, терпение и доблесть с удалью в краю далёком. Долго ещё казаки гордились одобрением и похвалой самого Августейшего Атамана, Атамана всех казачьих войск.

Слушал Никола и диву давался: сны его в который раз на шаг впереди происходящего в жизни идут. Заодно всё решал: перед тем, как подарить птице Сирина шкатулку, что для вздоровления положить в неё надобно? Конечно, перо! То самое, что старец Ксенофонт дал! Никола твёрдо уверен был: сделав подарок такой, у птицы Сирина новое крыло враз отрастёт.

Пока юноша у дяди Сергия в подмастерьях был, и они шкатулку ваяли, сны ему не снились. Но молодой человек не беспокоился. Твёрдо знал: надо работу завершить, и как можно скорее, а там... куда кривая выведет!

***

Седанка тем временем в столицу уссурийскую, Владивосток, несколько раз съездила. По приезду всё про птиц певчих сказывала, какие на изразцах вокзала выведены. Очень уж они ей глянулись.

– А птицы Сирина нет среди них, – вздыхала девица, грустно голову повесив. – Спряталась в края глухие, сыщем ли мы её...

Затем садилась у окна и тихо песни заунывные пела, да так горестно, что плакать хотелось. Никто не спрашивал её, что случилось с ней, куда веселье прежнее девалось.

– Ох, чует сердечко моё, совсем скоро худо будет, – и вновь грустить продолжала. Щёки её побледнели, осунулись, а под глазами круги чёрные появились.

Никола всё шкатулкой занят был. На Седанку и вовсе не глядел. Уж очень спешил работу закончить. И не забывал про

слова кукушки серой: вход в Ирий через воду. «В реку или озеро нырнуть надо?» – размышлял он.

– Ты всё про Ирий думаешь? – спросил дядя Сергей однажды.

Никола аж вздрогнул. Что Седанка мысли его насквозь видит, он привык, а теперь и дядя...

– Конечно про него! Я ж сюда за этим приехал.

– Это верно, Ирий надо искать. Но не забывай, что вокруг тебя живые люди и полюбился ты нам. Как родной за эти месяцы стал! Оставался бы у нас!

– Дядя Сергей, спасибо за слова добрые! И у меня ближе вас никого нет! Ну уж очень хочется землю счастливую найти, а потом и вас всех, и Седанку с собой забрать!

– Да, про Седанку не забывай! Молодец, что в пути таком дальнем ей хорошим товарищем стал, век не забудем этого! Ты смотри, шкатулка наша почти готова! – и дядя Сергей стал к ней крышку приделывать. – Самое сложное – это замок, в который твой ключик должен входить. Но мы и это поправим!

***

На шкатулку новую Никола всё наглядеться не мог: узоры её тонкие поглаживал, открывал-закрывал, механизм замка проверял... Только не хватало чего-то, будто упустил важное. «Вспомню, не последний день живу на свете», – думал он и перо в неё спрятал, что старец Ксенофонт отдал. Закрыв на ключ и поставил под лавку.

Пока мастерил шкатулку, на Седанку и взгляда не бросил – так занят был делом своим. А девица совсем сникла. Ещё упала – на дворе уж зима была, скользко, снега полно, и морозы трескучие. Руку подвернула, та плетью повисла. На семейном совете решили девицу к Ключу Кислому отвезти, вёрст тридцать было до него, недалёко. Тут с Николы словно пелена спала. «Как же я про Седанку-то совсем забыл? Обещал,

что оберегать и лелеять её буду! Неужто для меня шкатулка с синей птицей важнее живого человека оказались? Словно наваждение на меня нашло! Перепутал день с ночью, а сны с явью! Теперь неизвестно, пройдёт ли хворь её... Ох, что же я наделал...» – не переставал корить себя юноша. Но надо было спешить, пока метели дорогу не занесли. Никола быстро запряг лошадей, укутал Седанку в несколько шуб и платков, тёплые валенки ей надел, усадил поудобнее. Та словно ватная была, как не видела ничего вокруг. И отправились в путь-дорогу. Возницей дядя Сергей вызвался.

– Ключ Кислый болезни разные лечит. Можно и просто воды попить, если кто привезёт. Но лучше самому съездить, подышать тем воздухом, на природу тамошнюю полюбоваться, с людьми поговорить, что тож за водой приезжают, совета у них спросить, – объяснил дядя Сергей, ловко лошаадьми управляя.

Дорога наезженная была, сани ровно шли, а лошади будто дорогу знали. Вокруг лес густой, непролазный. Ели вековые все снегом усыпаны, а под ними следы разные звериные.

– Много зверья у нас всякого, даже медведи с тиграми есть! Для медведя летом ягод видимо-невидимо, он их наестся и в спячку на зиму ложится. А для тигра оленей полно, он шибко ими лакомиться любит! – рассказывал дядя.

– Дядя Сергей, почему Ключ Кислым зовётся? – спросил Никола.

– Не всё полезно, что сладко, потому и кислый, – засмеялся дядя Сергей, – полезностей в нём много разных, а они, полезности эти, могут и кислыми быть, и даже горькими. Как пилюли врачевательские. Не раз мы там были, даже лошадки наши водичку тамошнюю любят! А животина что попало не пьёт!

***

Возле Ключа Кислого народ толпился. Вроде чаща лесная, а люди сюда попасть торопятся. Дядя Сергей остановил лошадей.

– Надо посидеть в санях, присмотреться. Мож, знакомых кого повидаем.

Тут недалеко птицы синие взлетели: тяжело, шумно крыльями махали. Никола засмотрелся на них, аж язык отнялся от неожиданной красоты такой. На миг почудилось, что крыльями своими птицы небо застлали – такими большими они показались.

– Ох, ружа не взял, – с досадой тёр шапку дядя Сергей.

– Как же можно синих птиц стрелять? – растерялся Никола.

– Так это фазаны наши уссурийские! – рассмеялся дядя Сергей. – Те же петухи, только в лесу живут, – пояснил он.

Никола из саней выскочил и несколько синих пёрышек подобрал, что птицы обронили. «Пригодятся, – подумал он. – Петухи – петухами, а птице Сирина надо крыло лечить». Вроде зарок себе дал, что не будет больше о птице беспокоиться, а не сдержался, подобрал перья. Видно, фазаны его больно впечатлили. Как-никак, синие птицы вживую не каждый день встречаются! После, пока Седанка спала, к роднику побежал. Воды в ведро набрал, сам напился, лошадей напоил вдоволь. В Ключе Кислом вода белая-белая была. Лилась толстыми струями, словно молоко. То ли от мороза такой была, то ли ещё от чего. «Ключ не Кислым назвать надо было, а Белым или Белой Водой. Ух ты, прям Беловодье получилось!» – крутилось в голове у Николы. Тем временем девица проснулась. Сперва юноша лицо из ведра ей умыл, затем к воде отвёл. Седанка долго пила глоточками маленькими, всё пальцы свои тоненькие под брызги подставляла. От воды и мороза ресницы её длинные инеем покрылись, и хоть вид у неё бледный и болезненный был, девушка ещё краше стала. Никола смотрел-смотрел

на неё и подул. Зачем? И сам не понял. А при этом сказал тихонько: «Только бы хвори Седанки прошли! Ничего боле не надобно!» В это время над ними фазан синий закружился, да низко, казалось, вот-вот крыльями заденет. Сделал несколько кругов и улетел прочь.

Дядя Сергей тоже вдоволь воды родниковой напился. Все флаги, что с собой брал, наполнил.

– Ну, дети, дальше хорошо дела пойдут! Столь петухов за раз я ни в жисть не видал! К здоровью это да удаче молодецкой! Хоть, говоришь, Седанка, беда будет, зато живы будем, а счастье райское само нас найдёт!

Глянул Никола на Седанку, а у той щёки разругались, глаза заискрились, давно такой весёлой не была! И на обратном пути в её песне давнишняя радость появилась.

– Дядя Сергей, как думаете, поправится Седанка от воды родниковой? – с надеждой спросил Никола.

– Поправится! Можешь не сумлеваться! Ну, милые! – подстегнул тот лошадей, и помчались они пуще стрелы.

***

С каждым днём Седанке становилось всё лучше и лучше: то ли от воды целебной, то ли от загаданного Николой. Вспомнились ему слова птицы Сирина: будет невоготу, подуть на перо, загадать желание и если светлое оно, то исполнится... «Так Седанка и есть птица Сирина?» – размышлял Никола...

Тем временем девица узоры на шкатулке краской золотой да серебряной расписывала. «Вот чего не хватало!» – вконец догадался юноша. А как работу кончила, Никола сложил в шкатулку все пёрышки: и Ксенофонта подарок, и те, что птицы синие на Ключе Кислом обронили.

«Какой же я?! – хлопал себя по лбу Никола. – Чуть счастье своё не упустил!» – продолжал ругать себя.

А в один из дней собрался рано поутру и уехал. Никому ни

слова не сказал, куда и зачем. Все уж беспокоиться начали: что случиться могло? Вечером довольный вернулся, лицо светится.

– Мне участок земельный дали, где я выпросил, недалеко от Ключа Кислого. И подъёмные тоже. Первым поселенцем там буду. Название испросил: Рай будет называться!

– Тако название дали? – изумились родные.

– Сказали, моё право, как первому жителю места этого, название выбирать! Ещё в кузнецы вызвался! Дюже ремесло мне это понравилось! Поставлю кузню возле дома своего, буду заказы принимать! А Седанка где?

– Ждала тебя весь день, заснула, видимо.

Поутру Никола разбудил девицу ни свет ни заря. «Собирайся, поедем!» – тихо шепнул ей и направился лошадей запрягать.

А как на место приехали, из саней выскочил, по сугробам стал бегать, точно шальной.

– Зачем Рай искать? Вот оно счастье наше! – кричал Никола и вверх снег подкидывал.

– Где же оно? – робко Седанка спрашивала.

– Глаза твои синие – вот оно счастье! Слова твои добрые – вот оно счастье! Любовь с тобой наша – вот оно счастье! – и, заскочив в сани, стал кружить девицу за стан тонкий. – Когда мы воду на Ключе Кислом пили, я понял, что нет без тебя мне жизни! Не нужно бежать никуда, искать ничего. Ведь это ты – моя птица Сирин, моя птица-счастливица! И век не простила бы себе, если б не излечилась ты!..

***

«У каждого своя птица счастья и рай свой. Не каждый знает, где их искать. А если найдёт, может не понять, что это то, самое... Здесь иной случай: быстро Никола наш со всем разобрался!» – говорили родные Седанки и не могли нарадоваться на молодых.

...А весной Никола с Седанкой кинули в землю семечки от яблок, что девица сберегла, и выросли на следующий год деревца малые. Тем временем Никола дом строил, и вся родня Седанки помогала ему в этом. Ещё кузню мастерил. Особо любил он замки дверные разные придумывать, а к ним – ключи с узорами цвета жёлтого. Даже на фронт, когда война Мировая началась, не призвали и добровольцем не взяли: власти местные не хотели такого мастера искусного отпускать. И дядя Сергей на фронт не попал. Сказали, землемеров отменных днём с огнём не сыскать! Так в тылу оба и остались. Через три года в Раю пошли урожаи яблок, да такие богатые! Все, кто к Ключу Кислому ехал, обязательно на Райский хутор заглядывал яблочек отведать. По вечерам фазаны токовали там да крыльями хлопали: то ли подружек зазывали, то ли песни детишкам Николы с Седанкой пели.

Вот так в крае Уссурийском люди добрые и прибывали. Держались дружно: семьями и землячеством. Выручали друг друга в трудные времена, нужный совет к месту давали. Все, кто ехал сюда, за птицей счастья бежали да рай свой искали. Не всем попадался он, а кто находил, понимали: счастье всегда рядом было.

***

Беловодье, «край Ассирийский близ Тихого моря-окияна», до сих пор будоражит некоторые умы. Есть версия, что Рай земной, куда указывает дорогу птица-счастливица с волшебным именем Сирина, действительно находится в городе Никольск-Уссурийский (ныне город Уссурийск Приморского края).

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ на рассказ Богдана Малого «Отцовский нож»

Рассказ «Отцовский нож» повествует о жизни семьи охотника-саха. Повествование начинается с практически идиллического описания уединённой жизни отца и сына в таёжной избушке, но на следующих страницах события достигают подлинного трагизма.

Удивительно, как в произведении малого жанра автор в каком-то смысле смог развернуть сюжет, подобный сюжету эпопеи: эпизоды личной жизни героев происходят на фоне трагических событий, касающихся судеб всей страны. При этом персонажи произведения живут в якутской тайге, уединенно и, казалось бы, в отдалении от перипетий истории. Но история приходит к ним сама и заставляет героев делать морально нелегкий личный выбор.

В не меньшей степени, чем эпохальные события, на судьбу персонажей влияют и сугубо частные эпизоды их жизни: неудача на охоте, приглашение на национальный праздник, случайная встреча на лесной опушке.

В рассказе неплохо отражены особенности культурной и бытовой жизни народов северо-востока России, их быт, праздники, представления о мире. Автор даёт понять, что человеку, оторвавшемуся от своих культурных корней, будет не по себе при встрече не только с носителями его культуры, но и с представителями других народов, особенно, культурно близких. Однако дружелюбие и искреннее желание приобщиться к национальным традициям может преодолеть любое

недопонимание. Ну, а сохранение моральных принципов в критической ситуации не просто даёт возможность сохранить чистую совесть, оно позволяет спасти себя и свою семью от тяжелой участи.

Особо хочется отметить мастерство автора в построении сюжета. Практически в каждой сцене читателя ждёт неожиданный сюжетный поворот. Автор умело перемежает трагические эпизоды сценами национального праздника и описанием спокойной семейной жизни молодого охотника. А построение основного конфликта, разрешающегося в финале рассказа довольно непредсказуемым образом, делает честь любому профессиональному литератору.

Автор явно подчеркивает: в каких бы обстоятельствах ты ни оказался, какие бы страсти ни бушевали в твоей душе, ты выиграешь, если будешь заботиться о ближнем и стремиться к сохранению общечеловеческих моральных устоев. И это не зависит от принадлежности к той или иной национальной культуре.

А остросюжетность становится прекрасным средством для того, чтобы изложить эти идеи в очень привлекательной для читателя форме.

Юрий Костылев, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник топонимической лаборатории УрФУ имени первого президента России Б.Н. Ельцина

Богдан Малой ОТЦОВСКИЙ НОЖ

У одной из многочисленных речек необъятной якутской тайги жили два Захара – отец и сын. Отцу шёл седьмой десяток, а сыну было двадцать пять. Жили они охотой и рыбалкой в своей маленькой избушке из лиственницы, крытой корой и дёрном. Мать семейства уже лет десять, как отправилась в мир иной, мужики давно привыкли к такой жизни. В тайге дичи было полно, а в реках и озёрах – рыбы, так что голода и нужды они не знали. Пушнину сдавали государству, а на вырученные деньги покупали порох, патроны и продукты.

Однажды Захар-старший – потомственный охотник, отправился проверять силки по короткому маршруту. Ему надоело сидеть дома и хозяйством заниматься, пока сын на промысле – пускай сегодня Захар-младший похозяйничает. Дело было ранней зимой, и Захар, напевая под нос любимую песню, на лыжах отправился на промысел. Мясо сохатого они еще осенью добыли, так что ружьё брать не стал – так легче передвигаться стареющему охотнику. День стоял солнечный, не шибко холодный, и лыжи будто сами скользили по снегу, прямо, как в молодости – думал про себя Захар.

Ничто не предвещало беды, и, радуясь свежему воздуху и последним тёплым лучам скудного северного солнца перед долгой зимой, старик не заметил притаившейся рядом опасности. Из-за кустов кедрового стланика за ним следил медведь-шатун, который из-за загноившейся раны на боку не смог как следует жир нагулять к зиме – вот и шатался в поисках еды. Он уже нашел несколько зайцев в силках и съел их, носовсем не наелся. Косолапый знал, что этот двуногий опаснее всех животных, которых он повидал в своей жизни, но голод сводил его с ума. Медведь был слаб, но тут либо он, либо двуногий – выбора не было.

Внезапно сбоку послышался треск сучьев, и Захар, обернувшись на звук, увидел прыгающего на него медведя. Зверь навалился на него всем своим весом, стал рвать и кусать старого охотника, который пытался прикрываться левой рукой, а правой нащупывал свой якутский нож. Несмотря на дикую боль, старик не потерял самообладания и смог достать свой нож. Изо всех сил охотник бил медведя в левый бок снова и снова, пытаясь достать до сердца, пока сам не впал в забытье от боли и потери крови.

Захар-младший почувствовал неладное, когда отец не вернулся к обеду. Он мог уже дважды обойти силки за это время... Может, ноша тяжела, и старик часто отдыхает? Может, деревце или сучок интересный приметил? Старик любил мастерить из дерева разных зверушек да птичек. Там, где обычный человек видел простой сук или нарост на дереве, Захар замечал соболя или кукушку, утку или лягушку – надо было просто ножом немного подправить. Таких скульптур вокруг их дома было множество. Но с такой ношей отец вряд ли стал бы заморачиваться на сучок – обычно пять-шесть зайцев в силки попадает, а это немалый вес для старика. Надо идти на помощь, может, спину прихватило или ещё что случилось...

Захар спешил, а лыжи словно тяжелее стали в два раза. Он бежал изо всех сил, но казалось, что он стоит на одном месте и никак не может дойти до нужного места. Наконец, вдали он увидел тёмное пятно, но никак не мог понять, что это. Пятно не двигалось – неужели отец лежит? Сын спешил как мог, но цель не приближалась. Нет, это не отец, а какой-то большой зверь в луже крови, лось или медведь – отсюда не разглядеть. Приблизившись на достаточное расстояние, Захар понял, что это мёртвый медведь. Сердце стукнуло, предчувствуя неладное – наверно, отец под зверем. И действительно, из-под туши медведя виднелись окровавленная голова и руки стари-

ка и, к великой радости Захара, изо рта его шёл слабый пар – старик был ещё жив.

Старик очнулся и не сразу понял, где находится. Всё тело болело, особенно голова и левая рука, которой он прикрывался. Было тепло, и запахи были как будто знакомые – он дома, только ничего не видит – голова чем-то перевязана.

– Воды..., – слабо застонал старик, и тут же рядом кто-то зашуршал и поднес ко рту чашу с водой.

– Что со мной? – спросил старик.

– На тебя напал шатун, но ты оказался крепче, чем он, – ответил сын. Захар вспомнил, как дрался с медведем – значит, нож всё-таки не подвел.

До посёлка было слишком далеко: два-три дня понадобится, чтобы фельдшера доставить. За это время старик может умереть без помощи. Захар-младший не понимал, что делать. Он перевязал раны на голове и лице отца, перевязал изуродованную и сломанную в нескольких местах левую руку, наложил шины из лучин. Другой помощи он оказать не мог.

– Отец, я мог бы за помощью в поселок отправиться, но...

– Я достаточно пожил и могу умереть спокойно, зная, что одолею напоследок врага своего. Но это может случиться, когда тебя не будет рядом, а этого я не хочу. Вряд ли я выздоровлю, даже если русский врач придёт или лучший тунгусский шаман за меня возьмётся. Ты, главное, будь рядом, когда я отойду.

Через несколько дней старик скончался, завещав сыну обязательно жениться, чтобы их род продолжался. негоже молодому человеку одному в тайге жить... Захар схоронил отца на берегу его любимой речки Солльуор, где испокон веков охотились все их предки, чтобы он мог смотреть, как она разливается бурными потоками весной; как, наполняясь пением птиц, зеленеют летом её берега; как она замерзает, постепенно покрываясь кружевами льда и засыпая на зиму, чтобы весной снова проснуться и ожить, как тысячи раз до этого.

Он стоял на берегу реки – единственный Захар в избушке и единственный человек на десятки вёрст вокруг. В руках он держал отцовский якутский нож – незаменимый инструмент, которым Захар-старший готовил еду, мастерил из дерева, обрабатывал кожу, охотился и победил лютого зверя. Издревле якутский нож ценился у всех народов Якутии от берегов Алдана на юге до Великого Ледовитого океана на севере. Эвены, эвенки, юкагиры и чукчи охотно выменивали якутский нож на самое ценное, что у них есть, потому что такой нож становился лучшим другом любого, кто жил в суровом краю.

Шло время. Долгая холодная зима подходила к концу. Солнце на востоке вставало всё раньше и раньше, а заходило на западе всё позже. Запахло весной. Захар коротал дни за охотой и хозяйственными делами, но стоило ему отвлечься от повседневных забот, как невыносимое одиночество и тоска грызли душу. Кроме отца с матерью да нескольких оленеводов-эвенков, он никого толком и не знал – всю жизнь прожил в тайге. Изредка с отцом ходил в посёлок, где сдавали шкурки в магазин, но ему там не нравилось – десятки, может, даже сотни людей, суета, шум, возня. В тайге лучше – тишина и покой. Только теперь этот покой стал для него невыносимым. Захару нужен был друг.

Однажды к Захару заехали два эвенка-оленевода, которые бывали у них и раньше. Старшего звали Егором, но все его знали по прозвищу Гарпанча. Он был другом покойного Захара. Сына Гарпанчи, возрастом чуть младше Захара, звали Петром, но всем он был известен, как Тыманча. Узнав о смерти Захара-старшего, Гарпанча долго сидел молча, а затем выдал:

– Приходи к нам на бакалдын. Найдем тебе жену. Нехорошо одному жить!

– Ну, не знаю, - замялся Захар.

– Я младше тебя, а женат уже несколько лет. Трое детей у меня. Сейчас они ждут меня в тёплом чуме. Приеду, а жена

меня накормит, а потом ещё и приласкает, - засмеялся Тыманча, обнажив белые зубы, – Эвенкийские девушки самые красивые!

После недолгих уговоров Захар согласился, чтобы отстали скорее. Наутро Гарпанча и Тыманча уехали, обещав гостеприимно встретить Захара на бакалдыне – эвенкийском празднике встречи лета. Чего они привязались к нему со своим бакалдыном? Он и на ысыахе ни разу не был, хоть сам саха. Мать Захара была из Центральной Якутии и часто рассказывала сыну, когда он был маленьким, что их народ в июне празднует ысыах – собираются тысячи людей из разных улусов и встречают лето, превознося молитву алгыс небесным богествам, прося у них изобилия и процветания. Мама говорила, что Захар, когда вырастет, станет богатырём и всех победит в соревнованиях на ысыахе. Он не мог себе представить тысячи людей – это же как деревья в лесу! Как они могут что-то праздновать или соревноваться? Никто никого не сможет услышать, будут метаться, как рой мошкеры туда-сюда. Думал, что это просто сказка, придуманная мамой, пока не вырос и не побывал в посёлке в первый раз. Оказывается, люди могут жить и сотнями в одном месте, и у каждого свой дом, своя территория, хоть и маленькая.

Пришла весна. Прилетели вороны, затем коршуны, а чуть погодя и гуси с утками. Все леса, озера и реки наполнились неугомонным птичьим гамом. Тайга ожила, а вместе с этим приближалось время праздника. Охотясь на пернатую дичь, Захар все время думал об этом празднике. С приходом весны его обуяло странное чувство интереса к бакалдын. Он страстно хотел туда, но в то же время стеснялся и боялся.

Закувала кукушка, что означало начало лета, а следовательно, пора было собираться в путь. Захар всю весну метался и всё-таки решил пойти на праздник – будь, что будет, может, он счастье своё найдет! Никто в этих краях – будь то саха или

тунгус, не ходит в гости без подарков. Взяв лучшие собольи шкурки, охотник двинулся в путь за своей судьбой.

На второй день Захар добрался до места празднества. Среди сотен людей он тщетно искал своих друзей, но они сами заметили его. Гарпанча и Тыманча пристально следили за проходящими на праздник людьми, и нетрудно было выделить среди эвенков одного-единственного якута. Он отличался от всех манерой держаться, своей одеждой и даже своим растерянным видом.

– Здравствуй, Захар! – услышал он и обернулся. За ним стояли улыбающиеся Гарпанча и Тыманча.

– Здравствуйте, друзья! – они обнялись, и отец с сыном повели Захара к чичипкану. По древнему эвенкийскому обряду каждый пришедший на праздник должен был пройти под чичипканом – небесными вратами из раздвоенной лиственницы, чтобы получить благословение духов. После этого Захара подвели к костру и обмазали его лицо золой, приобщая к местным обычаям.

Захару всё было в новинку. Он в жизни не видел столько людей. Все радовались и веселились от души. Куда бы Захар ни пошел, всюду его угощали и желали самого лучшего. Все местные знали якутский язык и охотно говорили на нём с Захаром, а он не знал эвенкийского и немного стыдился этого. Начались состязания по прыжкам через нарты, метанию аркана – маута и борьбе. Тыманча уговаривал друга попробовать свои силы, но Захар отказался. Сам же Тыманча выиграл состязание по метанию маута, показав нехилое мастерство в этом деле.

– А теперь самое интересное – будет сээдэ, как у саха осуохай, – сказал Тыманча. Захар и осуохай никогда не видел, так что понятия не имел, о чем говорит Тыманча. Друг подвёл его к кругу начинающих хоровод молодых людей, и они начали танцевать, подпевая за запевалой. Захар чувствовал себя не-

уверенно, двигался неуклюже. Он несколько раз хотел выйти из круга, но руки соседей по хороводу держали его крепко, а вырваться силой было неудобно. Темп танца в такт песне увеличивался, а шаги переходили в прыжки. И тут он заметил напротив себя прекрасную девушку в расшитом бисером замшевом костюме и тут же забыл обо всём. Он забыл о танце и двигался, увлекаемый общей массой; он не слышал песни запевалы, а только любовался этим чудесным созданием с белоснежной кожей и светло-карими глазами. Она так гибко извивалась в танце, что бисер на её одежде двигался в такт; она так искренне радовалась и смеялась, обнажая белые, как снег, зубы; её черные косы пускались в пляс, когда она мотала головой... Захар впервые в жизни влюбился. Он не помнил, сколько длился танец – пусть хоровод продолжается вечно, чтобы любоваться и любоваться этой красавицей.

– Вижу, тебе Кыдаана приглянулась, – заговорщически подмигнув, сказал Тыманча после завершения сээдэ. Все разбрелись – кто компаниями, а кто и парами. В это время Захар потерял из виду свою красавицу.

– Хочешь, познакомлю?

– Нет, не надо, она в мою сторону и не посмотрит, – грустно ответил Захар.

– Как не посмотрит? Уже смотрит – видишь? – показал Тыманча на компанию молодых девушек, которые хихикали, глядя на Захара, а среди них стояла покрасневшая Кыдаана, которая при взгляде Захара застенчиво отвела глаза.

– Пойдем, – увлек Тыманча парня за собой, взяв за плечо. Но пошли они не к девушкам, а к Гарпанча, сидевшему у костра в компании стариков. Сын подозвал в сторону своего отца, и они, немного поговорив о чём-то, подошли к Захару.

– Кыдаана – сирота, живёт у своего дяди. Он мой друг, и я могу поговорить с ним, если хочешь жениться. За неё никто не просватан, – лаконично сообщил Гарпанча.

Через два дня Захар возвращался домой счастливым и женатым.

Маленькая избушка у речки Солбуор наполнилась счастьем. Уходя на охоту, Захар весь день только и мечтал вернуться в объятия своей Кыдааны. Через год родился маленький Семенчик – смуглый, как отец, курносый и со светло-кариими глазами, как мать. Четыре счастливых года прошли незаметно, как один день.

Случилась беда – Кыдаана слегла от болезни, а что за хворь её поразила, не могли понять ни русский доктор, ни тунгусский шаман. И до того белолицая, Кыдаана побледнела так, что через кожу видны были вены, под глазами появились темные круги, сама сильно исхудала, потеряв всякий аппетит. Через несколько месяцев рядом с могилой отца Захара появилась ещё одна.

Захар остался один с четырёхлетним Семенчиком, который очень тосковал о матери. Говорят, беда не приходит одна – недалеко от речки Солбуор начали строить Колымскую трассу. Столько заключенных пригнали, что и не счесть. Среди них были и политические, и уголовные преступники. Одетые кое-как в рваные ватники, некоторые без обуви, с обёрнутым вокруг ног тряпьём и без рукавиц строили жилые бараки под надзором вооружённой охраны. Нося с собой уголь в консервной банке на проволоке, эки грели окоченевшие руки. Так и построили несколько длинных барakov с печками из железных бочек, которые быстро остывали, как только дрова догорали.

Многие из этих бедолаг так и остались под трассой, став её строительным материалом. Они, не вынося тяжелых условий, голода, холода и побоев умирали, а некоторые становились добычей меткой пули при попытке бежать. Никто их не хоронил, тела бросали прямо под насыпную дорогу, заваливая камнями. Всех беглецов рано или поздно настигали и уби-

вали. Местным охотникам платили премию в двадцать пять рублей или давали продуктовый паёк за убитого беглеца. Среди них находились те, кто думал о своей выгоде и становился «охотником за головами». Чтобы получить обещанную премию, достаточно было принести кисть убитого зэка.

В таких условиях зверья поблизости стало совсем мало, а далеко идти на охоту Захар не мог – кто присмотрит за сыном? Стало ясно, что приближаются трудные времена. Иногда охотнику благоволила удача, и он добывал тетерева или глухаря вблизи дома, но о крупной дичи приходилось только мечтать. Во время охоты маленького Семенчика приходилось оставлять дома одного, что было очень опасно. Захар тосковал по тем счастливым временам, когда с добычей возвращался к любимой жене и сыну. Без Кыдааны ему приходилось тяжело.

В тот февральский день, который раз возвращаясь с охоты с пустыми руками, Захар уже думал сдаться и переехать в поселок к людям, чтобы спасти своего сына от голодной смерти, но ему было жаль бросать родные места, любимую тайгу и речку, где он вырос и жил всю жизнь. Перед глазами возникло исхудалое лицо Семенчика, который всё время плакал и просил есть. Даже погружённый в думы, охотник не потерял бдительности и заметил, что по опушке леса идёт человек. Захар быстро юркнул в заросли кедрового стланика и наблюдал за одиноким путником. С началом строительства трассы много разных слухов ходило о беглецах, которые и убить могут за тёплые вещи или оружие, а Захару нельзя было умирать, оставив сына сиротой.

Когда человек подошёл ближе, стало ясно, что это беглец. Он был безоружен и совсем обессилен. Перед Захаром встал выбор: поймать или убить беглеца и сдать властям за деньги или продукты, тем самым спасая сына, или отпустить этого совсем ещё юного паренька с голубыми, как небо, глазами.

Захар спас своего сына, который, повзрослев, получил образование, стал крупным партийным деятелем, женился и подарил отцу много внуков. О том случае в тайге, Семён ничего не знал – Захар Захарович давно умер, унеся тайну с собой в могилу.

После распада Советского Союза Семён Захарович стал руководителем крупного золотодобывающего предприятия. Однажды к нему на приём записался некий доктор Гордон Уильямс. Семёну Захаровичу, конечно, приходилось изредка встречаться с иностранцами, а потому большого удивления записанный на приём гость не вызвал. В назначенное время в кабинет вошёл высокий худощавый старик с небесно-голубыми глазами. Он был одет в элегантный костюм, дорогие кожаные туфли, а правая рука почему-то была затянута в перчатку.

– Здравствуйте, – на чистом русском языке поприветствовал гость.

– Здравствуйте, мистер Уильямс, – с удивлением ответил Семен Захарович.

– Возможно, мой визит покажется Вам несколько странным. Я старый знакомый Вашего отца, – произнёс Уильямс.

– Кажется, Вы меня с кем-то путаете. Мой отец был кадровым охотником и ни одного иностранца в жизни не видел, – ещё больше удивился Семён Захарович.

– Вы именно тот, кого я искал, точнее, его сын. К сожалению, я не успел увидеться с ним при жизни. В семнадцать лет я был арестован за кражу еды и отправлен в трудовой лагерь для строительства колымской дороги. Не имея сил терпеть издевательства и мучения в лагере, я сбежал. Тогда-то и встретил Вашего отца, который дал мне свой нож. Я сохранил его, он помог мне выжить в тайге. Я с благодарностью возвращаю его законному владельцу, – сказав это, старик вынул из внутреннего кармана пиджака обёрнутый в платок старый якутский нож и положил на стол перед Семёном

Захаровичем. На небесно-голубых глазах доктора Уильямса появились слёзы.

Семён Захарович, не зная, что ответить, молча смотрел на нож. Он, хоть и был тогда маленьким, хорошо помнил его. Отец с гордостью рассказывал, как дед маленького Семенчика этим ножом убил медведя-шатуна. Через какое-то время нож пропал и примерно в то же время отец принес домой много продуктов: муку, чай, консервы и даже сахар. Благодаря этому Семенчик тогда и выжил.

В тот день перед беглецом и охотником, казалось, было только два пути – один из них должен был умереть. Захар выскочил из кустов и прицелился в эка, которому некуда было бежать. Перед глазами совсем ещё молодого Гордея Вилкина пронеслась вся его жизнь: короткое детство, смерть родителей, голод. Кроме измученного голодом и холодом тела, в котором уже затухала жизнь, юноше терять было нечего. Правая рука была отморожена, от голода кружилась голова. Он уже мысленно попрощался с этим несправедливым миром и закрыл глаза в ожидании спасительной пули, которая положила бы конец его страданиям от такого же голодного, как и он, охотника.

Перед Захаром стоял, пусть и выше его ростом, но совсем ещё ребёнок. Он уже было нажал на спусковой крючок своего ружья, но что-то его остановило. Он нашёл третий путь: отвёл парня в старую избушку своего отца, располагавшуюся недалеко от нынешней, в которой они иногда с хранили вещи. Там он ампутировал отмороженную кисть Гордея, чтобы поражение не распространилось дальше и прижёт рану огнем. Бывалый охотник всё это сделал не хуже любого хирурга, – он с самого детства разделывал туши добытых зверей одним ножом. Отрезанную кисть руки беглеца Захар отнёс ВОХРовцам в обмен на продукты, которые спасли жизни Семенчика и Гордейки. Каждый день Захар ходил в старую избушку отца

присматривать за раненым – готовил еду, носил воду, заготавливал дрова. Благо в тот отрезок времени никто не бежал, и никто не пришёл в избушку в поисках беглеца. Через месяц окрепший Гордей с якутским ножом, продуктами на дорогу и в тёплой одежде Захара продолжил свой путь. Он перенёс много тягот в пути, чудом избежал смерти, но на пути ему попадались добрые люди – эвенки, юкагиры, чукчи, которые, как бы это невероятно ни звучало, помогли ему добраться до берегов Аляски, где смоленский парень Гордей Вилкин стал Гордоном Уильямсом и начал новую жизнь. Невероятно и то, что не знавший ни слова по-английски на момент прибытия в США русский паренёк получил образование и впоследствии стал видным учёным-этнографом. Он побывал с экспедициями в африканских племенах, у амазонских индейцев и аборигенов Папуа-Новой Гвинеи. И где бы он ни был, доктор Гордон Уильямс носил с собой якутский нож. Нет – он уже не пользовался им, это был его талисман на удачу.

Семён Захарович понял, что волею судьбы не только отец спас беглеца, но и беглец спас их от голода. Даже после ухода удивительного гостя он долго сидел в кабинете, прижимая к груди старый якутский нож, и беззвучно плакал.

**СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ
«ЗА СОХРАНЕНИЕ
ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»**

**Инесса Фахрутдинова
КУВШИНКИ ДЛЯ ЮХИ**

Это было очень давно, лет сорок назад. Я тогда только закончил школу и поступил в институт на инженера-строителя. А перед началом учёбы поехал в деревню навестить свою абием, бабушку по-татарски.

Деревня по тогдашним меркам была от города очень далеко, автобусы до неё не ходили. От дороги по просёлкам нужно было километров пятнадцать, а то и двадцать добираться. Мне повезло, Ильдар-абый³, деревенский конюх, вёз из районного центра фураж. Я к нему на телегу и подсел.

Июльское солнце замерло в самом зените. Горячий воздух, наполненный ароматом полевых трав и звоном мошкары, был так плотен, хоть ножом режь. У меня, городского жителя, аж голова закружилась. Еще и Ильдар-абый песню затянул о любимой сторонке. Эх, красотища!

Вот в дрожащем от жары воздухе колыхнулась вдали гладь реки. На берегу рассыпаны домишки с подворьями – это деревня, откуда родом мои родители. Давно я не приезжал сюда, после четвёртого класса летом только пионерские лагеря да футбол с друзьями.

Наконец доехали и до околицы. Здесь я спрыгнул с телеги, Ильдар-абый свернул на конюшни, а я направился к своим по берегу нашей Карамалки. Карамалка – речка небольшая,

---

³ абы, абый - дядя (старший); ани – мать, мама

но быстрая и глубокая, а вода в ней прозрачная-прозрачная, можно с мостика увидеть, как рыбы снуют в толще воды.

За мостом и наша улица. Деревянные дома с мансардами, обшитые досками в «ёлочку», по обычаю покрашены чересполосно – жёлтый, зелёный, голубой. Белые резные наличники. На воротах цветные звёзды да лебеди. Рядом с воротами скамеечка для аксакалов. Перед домом палисадник с сиренью да калиной – окон не видать. Да у татар и не принято частную жизнь напоказ выставлять.

Стал спускаться с моста, заметил на берегу босоногую девчонку лет восьми. Белокожая, волосы медью отливают, что-то собирает – камушки ли, ракушки. Подняла голову, глянула на меня зелеными глазами, аж мурашки по коже пошли – такая маленькая, а взгляд острый.

– Аниса, кызым⁴! – послышался женский голос. Девчонка вскочила, побежала, еще раз глянула на меня, как порезала...

Дошёл я до нашего двора, а во дворе Аниса с моей абием кур кормят.

– Ой, улым⁵ приехал! Какая радость! – бросила ведро невысокого роста пожилая женщина в белом платке, и давай меня обнимать!

А Аниса стоит, насупилась, смотрит исподлобья.

А поздно вечером, когда в доме все уснули – бабай⁶ на полатах, Аниса на печке, мы с абием пили чай с матрешкой⁷, всё не могли наговориться. Я тогда и спросил:

– Абием, а что за девочка у вас живет? Я вроде не слышал, что у меня сестрénка есть.

– Ой, Амир, это мы сиротинушку приютили, соседская девчушка без родителей осталась. Мы подумали, соседи нам

---

⁴ кыз, кызым – дочка, девочка

⁵ улым – сынок

⁶ бабай – дедушка

⁷ матрешка – душица

уже как родственники, а дети в городе, внуки не приезжают. Что мы с бабаем, не справимся разве? У нас силы есть, поднимем. Да и жить веселее, а в старости помощь будет.

– Да что-то она странная немножко – за день ни одного слова от неё не услышал.

– Нет, она не немая, но не разговаривает. Может, от испуга – родители страшной смертью умерли. А может, в бабку – та тоже ни с кем не разговаривала.

– А что случилось с её родителями?

– Сейчас, улым, расскажу. Только история долгая, айда, ещё чаю налью.

И абием начала свой рассказ:

– Дело давно было. Прадед твой, Фарук, ещё жив был. Как Волга-Илеть разлилась, в нашей речке тоже вода поднялась, целая заводь образовалась. Что только не прибывало тогда на берег – брёвна, утварь всякую. Говорят, как водохранилище построили, много селений тогда под воду ушло. Рыбаки деревенские домой не с рыбой возвращались, а с тем, что река несла. В одно утро вынесло на берег женщину. Думали, утопленница. Мало ли, может, родной дом не захотела покидать, или что случилось. Но как стали её поднимать, оказалось, что живая. Только ходить не могла – ноги ей бревнами перебило. И не разговаривала, молчала как рыба, только головой качала. Ни имени, ни откуда она, не могли узнать. Даже милиция не смогла выяснить.

А Фарук, отец мой, всё от неё не отходил. Говорил, что похожа она на любовь его юности, еще довоенной. Была у него в невестах одна кулачка, так тогда зажиточных людей называли. Но, времена, сам знаешь, суровые тогда были. Семья этой девушки пропала – то ли сослали их куда, то ли сами бежали, кто знает? Леса-то у нас за рекой нехоженые. Говорят, там в тридцатые годы много новых шурале⁸ появилось. Ну да лад-

---

⁸ шурале – мифологическое существо типа леших

но, кто она, откуда, осталось неизвестным, но Гайшабика⁹, как её называли, осталась в нашем селе. Рашид, сосед наш, вдовец, её себе в жены взял.

Отец мой, говорили, год сам не свой ходил. Вот от моей ани ему доставалось, ревновала она. Да как не ревновать, Гайшабика хоть и инвалидом до конца жизни осталась, но красивой была – рослая, грудастая, волосы густые, с медным отливом, глаза яркие, зелёные. Деревенские старухи шептались, что не иначе она не человек, а Юха-кыз¹⁰, змея, облачившаяся в человеческий образ. Уж больно все мужики на неё засматривались. Да и особенность у неё ещё одна была – без воды жить не могла, каждый день ей нужно было баню топить или просто водой обливаться.

А Рашид сил не жалел, воду носил, дрова колол, баню топил, чтобы жёнушке угодить. Полати в доме ей сделал особые, чтобы могла она по ним ползать – ноги ведь так и не ходили... А как стала она жить с Рашидом, привалила ему удача, дела начали спориться. То в лотерею выиграет, то на премию зарабатывает, то на повышение по должности пойдёт. Точно, Юха ему досталась, они, говорят, если под покровительство берут человека, то обогащают его. Вскоре и дочка у них родилась – Надирой называли. Красивая, вся в мать – волосы золотые, глаза зелёные, шея лебединая. Вот и Аниса в их породу.

Только вот со временем что-то случилось. Рашид-абый то ли устал от трудов домашних, то ли возгордился – к тому времени, как дочь подросла, он уже большим начальником стал. Да только всё меньше и меньше жене внимания уделял, бывало, и двое суток в доме не появлялся. Гайшабика болеть начала, кожа её потрескалась, корками покрылась. Мой отец

---

⁹ Гайшабика – татарское женское имя: Гайша (живая, живущая; живучая) + бика (девушка; дама, госпожа)

¹⁰ юха, юха-кызы – мифологическое существо. Девица-оборотень

иногда к ним захаживал, приносил воду, да всё это скандалами заканчивалось – то ани на него накричит, то Рашид с кулаками полезет.

Долго ли, коротко так продолжалось, но однажды Гайшибика пропала. Исчезла. Люди говорят, видели, как она к реке ползла. Или им это показалось? Но нигде её не нашли – ни живую, ни мёртвую. Юха, точно, Юха – из воды пришла, в воду и ушла. А может, её шурале утащили...

Абием приумолкла, задумалась. Слышно было, как тикают ходики, да посапывает бабай у печки.

– Ты, улым пей, пей чай. В городе у вас такого нет. – Абием снова потянулась к чайнику. – Это ещё не всё, дальше слушай.

Как Гайшибике пропала, словно порча нашла на дом Рашида. За год от какой-то болезни скотина вся пала. В саду деревья плодовые помёрзли да высохли. Из начальства его прогнали. Да сам Рашид сохнуть начал, обессиливаться, так однажды и помер. Отец мой тоже недолго прожил – и его как-то быстро скосило...

Осталась Надира одна. Но к тому времени она уже выросла, школу закончила, сразу работать пошла в наш колхоз. Парни вокруг неё так и кружили. Да что парни, женатые мужики всё старались нашей улицей пройти, чтобы на Надиру поглазеть. Быстро отыскался и жених ей, Карим. Видный такой парень. Трудяга. Да только оказалось, что ревнивый слишком.

Как Карим с Надирой женились, так началось – крики, драки. Всё ей запрещал – туда не ходи, платье такое не носи. Кто на жену глянет, берегись, мог и кулаком захватить. В милицию не раз его забирали, да только хуже – начинал скандалить, выяснять, где без него ночью Надира была. Даже рождение Анисы не помогло, как ревновал...

Ещё хуже, что Надира, как и мать, без воды жить не могла – всё ей купаться надо. Днём не пускал, так ночью тайком на реку бегала, благо близко. Или в бане плескалась. А в прошлом году беда случилась – Карим на посевной задержался, приехал

домой, а Надира не встречает. Зато из бани песнь слышна. В Карима будто шайтан вселился, заорал:

– Ах, ты, Юха проклятая, изменяешь мне! - бросился к бане, закрыл её снаружи да поджёг... Кинулись мы с бабаем да с соседями пожар тушить, но не успели Надиру спасти – угорела наша красавица.

Карима, конечно, посадили. Только недолго он сидел, в изоляторе повесился... Анису мы тогда к себе и взяли. Кто знает, а вдруг она родня нам? Может, мы не всё про Фарука знаем. Да только кто расскажет? Стариков у нас в деревне, гляди, и не осталось, мы с бабаем на смену идём...

Абием вздохнула, покачала головой.

– А ты, Амир, на моего отца похож, смотри-ка, – показала на один из портретов, висевший над столом. С портрета с полуулыбкой смотрел на нас молодой лейтенант Фарук...

Через неделю я снова уехал в город. Скоро и забыл про эти истории.

Жизнь закрутилась, завертелась. Сначала учёба, потом работа. Влюбился, женился. Сколько лет прошло? Наверно, десять, как собрался родную деревню навестить, абием и бабаю свою жену молодую показать.

И снова просёлочная дорога. Те же поле, лес и река. Только время, если помните, какое тогда наступило – перестройка, тьфу на неё! Колхозы развалили, вместо ферм руины, дома в деревнях пустующие... Зато я, на плохенькой, но «девятке», с гордостью подъехал к своей деревушке.

Из окна заметил, у реки девушка сидит, волосы цвета меди гребнем расчёсывает, словно Су Анасы¹¹ из Тукаевской сказки. А рядом парни что-то не поделили. Спорят, задираются. Девушка смотрит на них, смеётся.

– Так это же Аниса! – вырвалось у меня, жена аж встрепенулась, – Надо же, какая выросла!

---

¹¹ Су-Анасы – мифологическое существо, водяная

– Что ещё за Аниса? Ты смотри у меня! - недовольно буркнула моя избранница.

Абием с бабаем за эти годы, конечно, постарели, совсем маленькие росточком стали. Но встретили так же радушно. Пожурили, что внук забыл про них, не появляется.

– Если бы не Аниса, давно загнулись бы здесь от тоски! – укорила аби. – Но девка бедовая. Её красота жизни спокойной никому не даёт. Устали от ухажёров отбиваться. Да и парням беда – кто вдруг топиться от неразделённой любви задумает, а кто соперника за углом поджидает, убить готов. Наверно, в город ей надо – учиться да партию себе хорошую найти, чтобы не как мать...

– Ой, если в город, то общежитие ей устроим, у нас ей жить не дам! – строго посмотрела на меня жёнушка.

– А я что! Я ничего! – засмеялся я тогда. Но холодок по коже пробежал, как Аниса в дом вошла. Высокая, стройная, волосы ниже пояса. Глаза огромные и взгляд – тот же острый...

Долго мы тогда не гостили, уехали через пару дней, и снова я надолго забыл про поездку. Такова уж жизнь – как закрутит, так и кружишься в своих заботах. С женой мы не так много прожили, лет семь, наверное, восемь. Разошлись, детей не назвали. Потом и другие женщины были, но и с ними не складывалось.

Год назад занесло меня по делам на окраину города в новостройки. Зашел в местный супермаркет, пива на вечер взять. На кассе, как очередь подошла, поднял глаза на продавщицу, чтобы ещё и сигареты спросить, и обомлел – зелёные глазщи, и взгляд такой пронзительный...

– Аниса? – закружилась голова...

– Аниса, Амир-абы, узнали? – ответил нежный голос...

Что было потом, мне рассказывать сложно. Дождался закрытия супермаркета, подождал, когда Аниса выйдет с работы. А потом... луна, облака, хлопанье крыльев, язык, будто

обвивавшийся вокруг моей шеи. Зелёные глаза дракона или ящерицы? Потеря сознания...

Резкий вздох и я очнулся в пустой комнате. Где я? Голова кружится, ничего не могу понять. Слышу, женский голос песню напевает, словно ручей журчит. Пошёл на голос, открыл дверь, а там в ванной Аниса в воде плескается, песню поёт, а в воде кувшинки плавают.

– А кувшинки откуда? – с изумлением спросил я.

– Так ты же мне их вчера и нарвал, не помнишь?

– Юха, точно, Юха!

Вот так, дорогие мои, и закончилась история. Через какое-то время бросил я всё в городе, уехал в деревню, в дом абием, что в наследство достался. Тут и живу... Ну всё, хватит болтать, пойду воды в баню наберу. Аниса моя любит париться...

Анатолий Батомункуев

КОРНИ

Пастушок Доржик деловито покрикивал, постукивая по крутым кудрявым бокам баранов, чтобы те не разбредались. По другую сторону дороги шел его дедушка Амгалан. Они гнали отару в соседний улус на стрижку. Было раннее утро, но летнее солнце, плывущее по голубому безоблачному небу, уже напекло голову мальчишке. Пыль поднималась над блеющим стадом, витала в воздухе и вновь садилась на Старую тропу. Впереди показался огромный старый кедр, росший посреди не дороги. Мощные корни расползались вокруг, прочно удерживая деревянного исполина. Мальчик досадливо поморщился. Дорога около дерева раздваивалась и, если не уследишь, то молодые бараны могли отбиться от отары и уйти по развилке. Сколько раз так было, приходилось потом бегать и собирать их. Доржик приложив ладошку ко лбу «kozyрьком» смотрел на макушку кедра, которая, казалось, опирается в небо.

– Нагса аба¹² – зачем это дерево на дороге? Мешается же, спилил бы кто.

– Нельзя его трогать – старик медленно погладил свою редкую седую бородку. – Оно как памятник. Хочешь, я расскажу тебе о нём старую легенду? Расскажу так, как когда-то давно, мне рассказал её мой отец. Думаю, что ты уже достаточно взрослый, чтобы понять её смысл.

Доржику стало приятно, что его назвали его взрослым. Он повернулся к дедушке и приготовился слушать.

– Когда-то давно, когда прадеды моих прадедов ещё не родились, шла война. Хан Хату решил покорить все земли, о которых знал. Много битв выиграл он, много княжеств покорил и добрался до наших земель. Армия хана разбила местное войско. Небольшой горстке людей удалось бежать. Среди спас-

---

¹² Нагаса аба (бурятский) – дед по материнской линии

шихся был парнишка по имени Тумэн. При войске он чистил лошадей, собирал дрова и кизяк для костра, носил воду. При отступлении князь доверил Тумэну родовой стяг, сделав его знаменосцем. Когда беглецы добрались до этого места, их догнали и окружили. Погоню возглавлял сам воинственный хан Хату. По его команде лучники расстреляли оставшихся воинов и смертельно ранили князя. Умирая, тот сказал:

– Тумэн – твоё имя означает «тысяча». Значит, ты один стоишь целого войска. Будь сильным, не опозорь наш стяг.

Оставшийся в одиночестве парнишка стоял, вцепившись в древко, и озирался по сторонам. Под хохот и улюлюканье кто-то пустил стрелу ему под ноги, и он отскочил, вызвав новый град насмешек. Тумэн со злостью пнул стрелу, она отлетела в сторону хана. И вместо неё просвистело несколько других. Две пробили ноги, три обожгли руку и грудь. Парнишка рухнул на колени, и чтобы не упасть, оперся на стяг. Слёзы катились по его щекам. Было очень больно и обидно. Он, батрак, стал важным человеком, знаменосцем, но этого не увидит никто из близких. Умирая здесь, в одиночестве, он уже не может ждать помощи. Слёзы душили, подступая к горлу. Досада и отчаяние давили на плечи.

– Будь сильным! - сказал знакомый голос. Тумэн медленно повернул голову вправо. Сзади стоял его отец. Но это был не седой старик, каким он запомнился при последней встрече. Это был молодой и могучий богатырь, седина ещё не тронула его волос, ещё не перебито сухожилие на руке и пальцы могут разгибаться.

– Мы с тобой, держись! – подбадривал голос маминого отца. Тумэн оглянулся влево. Тоже юный, одетый в доспехи, дед улыбался внуку.

И словно из воздуха возникали фигуры других предков, молодых и сильных. Сквозь набежавшие на глаза слёзы знаменосец уже не мог сосчитать блистающих на солнце остриями,

железных и бронзовых копий. Словно два крыла, выстроились позади предки, готовые к сражению. Отец положил руку ему на плечо, сказал:

– Веди нас, сын!

И Тумэн, наполненный нахлынувшими на него гордостью, радостью от неожиданной помощи, и восторгом предстоящей битвы, преодолевая боль, поднялся и, перехватив стяг как копьё, с криком кинулся на врага, увлекая за собой бесчисленное воинство.

– Нагса аба, – Доржик перебил деда – прости, я не понял. Тумэн поправился?

– Нет, он так и умер. Сидя, опираясь на стяг, пронзённый стрелами, в окружении врагов. Пронзённый, но не побеждённый. Это его непокорённый дух продолжил битву. Он со своим войском и сейчас охраняет эти места. А хан подошёл к Тумэну, посмотрел на юное лицо и подумал о своём сыне, который где-то далеко, за много дней пути, ждёт его возвращения. На этом самом месте Хату приказал посадить деревья, как пограничный знак привязал к дереву стяг Тумэна. Из всех деревьев прижилось только одно. Этот кедр. Поэтому помни о своих предках, помни о своих корнях. Возможно, когда-нибудь и ты расскажешь эту легенду своим детям.

Доржику было жалко Тумэна и даже захотелось расплакаться, но потом он вспомнил, что уже взрослый и сдержал слёзы. Оставив отару на попечение бабушки, он подошёл к кедру, провёл ладошкой по тёплой шершавой коре. Хвоя шелестела, поскрипывали ветки и можно было подумать, что это не кедр, а далёкие предки разговаривают с ним, шёпотом рассказывая свои истории. Доржик пообещал им, что будет беречь это дерево. И, ещё раз погладив кору, побежал догонять бабушку.

Прошли годы. Доржик после службы на флоте вернулся домой. За три года он успел побывать в разных местах, в

разных передрягах и всегда легенда о Тумэне придавала ему сил и помогала достойно выходить из неприятностей. Полгода назад умер дедушка Амгалан. Доржик решил пройтись по Старой тропе, как они делали это вместе, вспомнить прошлое. Незаметно дошёл он до кедра. Тот был на своём месте. Почти. Растопырив во все стороны света свои корни, гигант лежал на обочине тропы. Года два назад неподалёку было обнаружено месторождение вольфрама. Началась разработка, приехали геологи, пригнали специальную технику, огромные грузовики, которые не могли разъехаться около дерева. Привязав тросы к стволу, несколько машин одновременно выдернули кедр и отволокли в сторону. Возмущенные местные жители перекрыли дорогу. На время урегулирования конфликта работы приостановили. Затем в стране наступил очередной кризис, разработка месторождения стала нерентабельной, и геологи вместе с грузовиками уехали. Вот так в погоне за деньгами разрушается вечное.

Как когда-то давно, Доржик провел ладонью по шершавой коре, словно прося прощения у кедров за то, что не смог его защитить. Идя вдоль ствола, от кроны к корням он думал, как можно исправить случившееся. Вдруг что-то нежно-зелёное мелькнуло в черно-коричневой массе из земли и корней. Это был маленький зелёный побег.

Елена Водопьянова
НАНАЙСКИЕ ТАПОЧКИ

– Никогда больше у меня таких тёплых и удобных не было...
– грустно вздохнув, Галина Ивановна перевернула очередную страницу альбома со старыми фотографиями.

– Ты про что, бабуль? – Вера под села на диван к бабушке и обняла её за плечи.

– Я – про тапочки нанайские. Вспомнила молодость далёкую. Вот, смотри – на этом фото я с подружкой Любой. Нам здесь по двадцать три года. Как же давно, пятьдесят пять лет уже прошло! Это в Хабаровском крае, в рабочем посёлке, километров пятьдесят от Амурска. Я там после пединститута три года географию в школе преподавала. А Любочка в младших классах работала. Эльбан посёлок называется.

– Эльбан... Название такое интересное.

– Ну да, необычно звучит. Местные рассказывали нанайскую легенду. Как будто когда-то давно охотник увидел с сопки чудесную солнечную долину и крикнул от удивления «Ульбин!». Так и получилось потом название – от нанайского «солнечная долина». В посёлке много нанайских семей жило: Бельды, Гаер, Ходжер, Тумали, Одзял, Киле...

– А Люба? Она тоже из местных была? Симпатичная такая на фото. На метиску похожа.

– Люба из смешанной семьи была. Мама у неё русская, а отец – охотник из местного рода Заксоров. Вот у своей бабушки по отцовской линии Люба и научилась шить тапочки нанайские. Какие же они тёплые да уютные! Непременно с традиционным национальным узором и мехом оторочены. Мне Любочка перед моим отъездом подарила пару с беличьей опушкой и сказала: «Это тебе тапки от человека земли на долгую память!»

– Интересно как. А почему «человек земли»?

– А это нанайцы сами себя так называют: нанай – человек земли.

– Ты тогда уехала из этого посёлка в Приморье навсегда?

– Ну да. Вышла замуж за твоего деда Володю. Он военным был. И мы уехали сначала в Хабаровск по его службе, потом – в Уссурийск, а уж после – сюда, во Владивосток...

– А с Любой за эти годы виделась?

– Нет, Верочка, ни разу. Переписывались недолго. Но с нашими переездами связь прервалась. Жалею сейчас очень...

– Бабуль, так можно же попробовать найти твою подругу!

– Думала уже об этом. Да ведь не знаю ни фамилии её новой, ни адреса. Помню, что она замуж собиралась за парня из Амурска. Вот так-то...

– Поэтому ты и заскучала и по подруге, и по тем тапочкам! А что за цветы у вас в руках на этом фото?

– Так это же лилии лесные. Очень красивые, яркие такие! Мы их саранками называли... – Галина Ивановна опять вздохнула и закрыла альбом с фотографиями.

– Бабуль, ты не грусти! Попробую поискать через соцсети твою Любочку с саранками! Скажешь её отчество, год рождения... И ещё. Ещё тут, знаешь, какое совпадение – у меня командировка через три дня в Амурск на «Дальполиметалл». Там наверняка смогу купить для тебя тапочки нанайские!..

В Амурске, закончив рабочие дела, Вера отправилась искать для бабушки нанайские тапочки. И это оказалось очень непростым делом! В многочисленных городских магазинчиках их не нашлось. На большом местном рынке господствовали китайские товары. А в краеведческом музее пожилая женщина-экскурсовод развела руками: «Очень давно у нас в городе такие тапочки не продают. Местных мастериц немного осталось, в основном, в национальных сёлах по Амуру. Да и те уже обычно продают через интернет-магазины. Всё по-современному!» Когда Вера уже отправилась к выходу, побла-

годарив за интересную экскурсию и рассказ о быте местных народностей, экскурсовод окликнула: «Девушка, подождите! Кажется, я знаю, где можно посмотреть. У нас тут недалеко есть крохотный базарчик. Местные пенсионерки торгуют дачными овощами и ягодами. Вот там иногда видела бабулю с тапочками. Одна-две пары – рядом с огурцами и помидорами. Сходите! Я вам покажу, куда».

За двумя деревянными прилавками под навесами несколько старушек торговали овощами и зеленью. У одной аккуратные кучки огурцов и помидоров дополняло ведро с садовыми ромашками, у другой овощной натюрморт украшали два высоких пластиковых стакана с аппетитной крупной малиной. Вера купила ягоду и, заметив, что блузку пожилой продавщицы украшает вышивка с национальным орнаментом, спросила:

– А вы случайно не знаете, у кого здесь можно купить настоящие нанайские тапочки? Очень надо! Я бабушке обещала.

– Знаю. У меня и можно. Сама шью, но очень редко. И зрение уже не то, и артрит мучает. Сегодня не выносила на продажу. Внук с дачи меня привёз. Вот, продаю, что утром там собрала.

– Ой, как классно! А у вас есть тридцать седьмой размер?

– Есть, деточка, есть. Одна пара – тридцать седьмой, одна – маленькие, детские. Можно прямо сейчас пойти и посмотреть, понравятся ли. Мой дом – вот тот, пятьдесят метров отсюда...

В небольшой уютной комнате хозяйка усадила Веру за круглый обеденный стол, накрытый красивой скатертью, выставляла перед ней пару тапочек тридцать седьмого размера с нанайским орнаментом и меховой опушкой, а сама ушла на кухню: «Рассматривай, деточка, моё рукоделие. А я пока свежего чаю со смородиновым листом заварю. Попьём чайку, познакомимся, поговорим...»

Тапочки Вере понравились – тёплые, уютные, красивые. «Бабушке Гале обязательно понравятся», – подумала она и стала рассматривать обстановку в комнате. Напротив стола, над комодом, на стене висели фотографии в рамках – чёрно-белые и цветные, старые и современные. Вера, встав, начала разглядывать людей на фото... «Не может быть!» – захотелось крикнуть ей, когда взгляд остановился на одном старом фото. Точно такое же она видела несколько дней назад у своей бабушки: две молодые подружки-учительницы – Галя и Люба – стояли, улыбаясь, с большими букетами лесных саранок...

Габдель Махмут
«СИБИРСКАЯ БАЛЛАДА»
пьеса-легенда в двух действиях

Действующие лица:

Павел – унтер-офицер губернского полицейского управления;

Фрол и Агафон – конвоиры-казаки;

Черкес Абдул – приговорённый в сибирскую ссылку;

Багман – староста аула;

Сабир – работник у Багмана;

Нафис – дочь Багмана.

Татарская деревня в Сибири конца XIX века.

Первое действие

Картина первая

Возле окна на саке круглый стол на низких ножках. За ним на корточках расположилась Нафис, крутит ручкой швейной машинки. Прострочила линию, подняла верхнюю часть платья, примерила на себя, снова склонилась к машинке, строчит, напевая мотив татарской песни «Кара урман». Услыхав собачий лай и голос «Тпру!» с улицы, глянула в окно между печью и буфетницей, сгребла в охапку машинку с пошивкой, задвинула под нару. Подняла, подкатила стол к переднему краю саке, накрыла одноцветной скатеркой, направилась открывать входную дверь. Тут же глянула в зеркало, поправила на голове платок, подвязала повыше на поясе фартук, крутнулась вокруг себя, осталась вполне довольна собой, подбоченилась.

НАФИС. Хм! И такую-то красавицу!? За первого некумеку в деревне выдать? Родной атам называется. Ну, никакой гордости родительской у человека. Подумаешь, зажиточная семья! Сам-то ведь тоже не лыком шит. Мне ведь не со скоти-

ной его отца, а с мужем с таким жить. А он рохля, каких свет не видывал. Ни «нихэл» при встрече, ни «хуш бул», прощаюсь, а тут на тебе – «яхшыма-здрасти». Никто из девчат не позарится, я-то чем хуже? Нет, ну хотя бы с приятностью какой-то был, что ли, человек? А этот... Как ни крутни его – ни лицом, ни умом, ни манерами не вышел. Разговаривает, будто картошка застряла в глотке... Вот не будет по-твоему, атам, и всё тут (топнула ногой), понятно?! (Отпирает дверь. В дом вползает прохладный туман. Нафис уже смиренно с отцом). О! быстро же ты, ата! Замерз? Или что-то забыл дома? Хотел ведь за сеном ещё. (Закрывает за ним дверь)

БАГМАН (Входит с небольшой охапкой дров, проходит вперед, неспешно, за разговорами, складывает их за печкой). Да нет, замёрзнуть пока не получается, кызым, ведь ещё только ноябрь на дворе. Канишне, дела идут как должно, кызым, а ты как думала? Иблис алгыры, Сабира не дождался вот. Опять со своей брагой задружил, наверны... Снега в лесу мало ещё, вот и обернулся быстро с дровами. Снова хотел, как говорил, за сеном уже. Да в ауле чужие люди объявились, сказали мне, кого-то ищут. Раз так, то и к нам ведь тоже могут заглянуть, а меня дома не окажется, нехорошо будет... Выйду во двор, пока начну складывать дрова, а ты на всякий случай приготовь-ка чего-нибудь к чаю... Ну и.., сама знаешь, хозяйка же... И веди себя как положено при гостях, подобающе мусульманке, вот. Может, они мимо, может, ищут проезда на Усаклы за рыбой. Если так, то они первые нынче за Олы-кульским карасём. В любом случае, надо принять достойно, всё же редки в наших местах гости-то...

НАФИС. Наш дом в деревне крайним стоит, да в стороне от дороги, может, и не заедут, поди. Откуда такая весть, ата? Не с ветром же в ухо влетела?

БАГМАН. «Влетела» тебе. Твой жених Сатрутдин попался навстречу, тоже в лес выехал. И молодец, что предупредил,

а то бы свалились незваные, как снег на голову. Предупреждённый есть вооружённый, считай. Сказал, сначала в мечеть направились приезжие. Почему, интересно? Говорит, издали заметил розвальни-сани крытые, какие тут отродясь не появлялись, да в сопровождении двух всадников с ружьями. А кто в кибитке, он не видел.

НАФИС. Это, может, для тебя Сатрутдин «зять» уже. Мне же он «жених» никакой. Ата, я ведь сказала тебе: не пойду за него, хоть порежь меня на ремни.

БАГМАН (встав, обескураженно). Что за времена-то пошли нынче, скажите-ка мне, люди, а?! Отпрыски родителей своих ни в грош не ставят! Где это видано, чтобы дочь отца ослушалась, а? С кем же в таком случае прикажешь породниться мне? С нищесбродом всяким? Равный с равной должны заключать браки, такой порядок везде, и ты знаешь это. Сатрутдин же с уважением к нам, сватов солидных подослал, родители с подарками пришли, калым хороший будет, сказали. Да мне и не важен этот калым ихний, подумаешь, калым. Главное, чтобы ты семью заимела, пока в старых девках не засиделась...

НАФИС. По мне, так лучше умереть старой девой, чем с таким всю жизнь...

БАГМАН. Да если хочешь знать, о таком родстве... возмечтает всякий! Его отец, сама знаешь, до Омска санные караваны водит с орехами да клюквой! А мы с тобой до Тубыл-Тора еле-еле... на хромой кобыле.

НАФИС. Всё равно не пойду за него! Вся деревня смеётся над полудурком этим. Добра всякого родители нажили, а на умишко для сынишки пожадничали.

БАГМАН. Молчи уже, заталдычила одно и то же: «не пойду», да «не буду». Он не глупей нас, тот хитрован ещё, почище предков своих будет. Смотри мне, будешь упираться, за первого встречного выдам! И вассалам на этом! Собирай на

стол, давай. Уразумела, поди, возможно, не одни с тобой будем сегодня ужинать... Ну, я пошел. Эх, хорошо бы, канишне, заранее знать, с чем гости пожаловали-то... Вдруг, арестуют отца твоего, будешь знать вот?! Говорит же: с ружьями всадники сопровождают... (Выходит).

НАФИС. Не арестуют. Долгов не имеем, ничего от людей не скрываем. Тут что-то другое... На самом деле, знать бы, с чем пожаловали чужаки?.. Ну, моё дело маленькое, мне, главное, с угощением в грязь лицом не упасть. ...Так, в первую очередь надо... Ну, супа с обеда у меня (Заглядывает в миску на плите), понятное дело, на такую толпу не хватит. Может, просто картошку сварить? Не-е, отец не одобрит. Так-так, подброшу-ка дров ещё (берет, заталкивает в печь-плиту два полешка). И... ой, голова кругом уже. И начинает трясти эта неизвестность. (Заглядывает в шкаф) Так, сметана, катык, айран... Вспомнила, у меня же капуста, грузди солёные есть, варенье!.. (Бросилась во вторую половину дома. Некоторое время в тишине слышится отдалённое её пение... Обрато Нафис появляется с открытыми крынками в руках, ставит их на стол, из шкафа достает тарелки, ложки, пиалы. Размышляет). И так, на сколько же человек мне рассчитать? Два всадника, и кто-то в кибитке. Уже трое. Вдруг, там ещё кто? Да отец с ними. Всего пять-шесть человек наберётся, как пить дать, а может, и семь-восемь ртов будет, как вчера, когда заявили родители Сатрудина... Ну, я ещё устрою этому женихальщику кощееву казнь! Чего родителей засылать, когда самому было сказано, чтоб забыл дорогу в наш дом, даже не мечтал ступить в нашу сторону!..

Открывается дверь. С охалкой дров в руках входит Сабир, по-деревенски Сабирка, работник у Багмана, из бедных родственников. Сабир без слов проходит вперёд, сдвигает занавеску на печи и, став на скамейку, аккуратно складывает дрова, затем отступает к двери, снимает с головы, мнёт безухую шапку в руках.

САБИР. Нихаль, Нафис туган! Багман-агай сказал, ты гостей ждёшь?!

НАФИС (Из-за печки). А, Сабир ая, яхшыма! Какие гости могут быть у меня из непрошенных? Просто собираю на ужин, да побольше, как велел атам, вдруг, на самом деле заглянут и к нам чужаки. Кто бы ни оказался в доме, само собой становится кунаком, не так ли, Сабир ая?.. Тебе чего-то надо?..

САБИР (Виновато склонив голову). Да... Вчера, ты знаешь, не работал, вот... Ну и... Сама понимаешь...

НАФИС (Смеется). Да, подвёл ты нас, Сабиржан ая! Коровы, считай, последний ковшик воды допивают. И за дровами отец один отправился, а вдруг бы там волки его, а? Ты же знаешь, если он что-то задумает, не отступит... Тебя не будет, сам всё сделает. Так что исправляйся, давай.

САБИР. Да я уже извинился перед Багман ая. Но у него теперь одни чужаки в голове, не стал слушать, обматерил только. Сейчас помогу ему разделаться с дровами. Ты мне это... Ну, не... а?.. А то он закончит уже. И поеду за сеном, пока светло, если повелит. Сказал ему, чтоб Тайгу не распрягал...

НАФИС (достает из шкафа графин, наливает в кружку, подаёт солёного огурца с тарелки на столе). Хороший ты дядя у меня, Сабир ая, да больно слабый на салдымить. Ну, с какой такой большой надобности напился вчера, а? Гости были, или горе какое-то свалилось на голову? Нет же! Разве не говорили тебе, что сегодня с утра понадобится? Говорили. А ты наклюкался, будто в последний раз добрался до бражки той, еле к обеду очухался. Так женитьбу свою проспал когда-то... На уж, подлечись. Нельзя тебе выходные давать, вот что я скажу!

САБИР (пьёт, задыхается почти). Угу, г-хм, ты права, ка-нишне... Рэхмэт, спаси-субочки тебе, сесе-стри-ричка! Скоро отпу-пустит (взял огурец). Ну все, я пош-пошёл... Дай, Аллах, доброго жениха тебе, Нафиска, ей-ей не дала помереть родному чело-ловеку (уходит), рэх-хмэт!..

НАФИС (извлекает из нутра печи каравай, нарезает на столе всю буханку, куски фигурно складывает в тарелку. Распределяет по столу чашки. В раздумье садится. Почти тут же вскакивает). Вай Аллам! Да что я гадаю-то, чуть не забыла впопыхах: какой суп, какая картошка? У меня же пельмени на лабазе морозятся! Вот и будет от пуза вам, дорогие незваные. На столе закуски есть, в чугуне вода закипает, как раз на пельмени... А чай... чаю заварю, успею, пока кушают. И милости прошу, эфенди-гости, за стол!.. (С печалью в голосе) Да-а..., была бы мама с её заготовками?.. Ох, инэу... (Услышала собачий лай, чужие голоса с улицы, глянула в окно). Ай, Аллам! Подвода и всадники! Чужаки подъезжают уже! Надо же, прямиком к нам. Сабир ая ворота во двор отворяет... Теперь его никуда не отпустит атам... Въезжают! Значит, надолго, может даже заночуют? Почему к нам-то? Что делать, что делать? (Быстренько взбегает по лестнице на второй этаж).

С улицы доносятся невнятные переговоры, собачий лай, некоторое время стоит тишина, и вот слышен топот ног в сенях, и как веником с обуви смахивают снег. Затем во всю ширь распахивается входная дверь. Папахами вперед, еле протискиваясь в дверь, одновременно входят двое в зимней казачьей форме, оба с саблями на боку, винтовками за спиной.

ПЕРВЫЙ КАЗАК (тихо). Да не пихайся же ты, в раскудык твою, куда напирашь-то так?.. (Снимает папаху. Громко) З-здравствуй-те!.. (Обождая чуть) Я извиняюсь..., есть тута хто, эй?.. (Напарнику) Так, это...тут гостей не ждуть, однакось...

ВТОРОЙ КАЗАК (Снял папаху, обсматривается). Дык, какие мы гости-то? Нас никто суды и не звал. А незваный гость, он хто?.. То-то! А мы таки к вам приперлися, называются. Погодим, таперича спешить некуды, увидим и хозяйку. Нам не на её глазеть, а в доме обсмотреть велели... Ну, как ты думаешь, правильно, что вот в таки хоромы его, а? Это же для

него царски палаты будут, однако, а? Я сам в такой хате не супротив бы отбивать...

ПЕРВЫЙ КАЗАК. Согласен. Это, считай, типа кунацкого вселения будет для него, не ссылки. Да..., неисповедимы пути господни. И за что так государь милостив оказался к нему, не пойму. Ведь убивец же, головорез, кому каторга положена, не так ли?! Я бы тут же на кол таких...

ВТОРОЙ КАЗАК. Ай..., что тут говорить? Наше дело помалкивать, да приказы как должно исполнять. Ты прав: пути господни... Так, ты это, покамест твоя очередь, давай, волоки этого шайтана сюда (садится на скамейку), пока хорунжий с хозяином здоровкаются. Оне, видать, сыздавна знают друг друга (обсматривает комнату).

ПЕРВЫЙ КАЗАК. Ну, так тому и быть. (Выходит. Чуть погодя повторяется действие в снях. Толкая сзади, вводит в дом ЧЕРКЕСА, продолжая начатый разговор). Повезло тебе, шайтанский сын, в хорошу хату поселям. И, видно, к хорошим людям. А видел места-то здесь, а!?!.. Вона каки богаты, никак райские, можно сказать: озёра кругом да река прям бурлят от рыбы, и в тайге всяка дичь – сами в руки прут... А то бы топал и топал сейчас с другими арестантами во глубь промозглой Сибири, незнамо куда, или на север к белым медведям. (Показывает на сундук, сам садится на свободное место рядом с товарищем, винтовку ставит меж ног, расстегивает верхние пуговицы на шинели). Вот тут сиди пока.

ЧЕРКЕС (в папахе и бурке черной, руки спереди связаны тонким кожаным арканом, конец закручен вокруг шеи и завязан на затылке, сам обросший густой бородой. Обсмотрелся, развязал тесёмку на бурке, движеньем плеч скинул на сундук, туда же кинул папаху. Остался в выдавшей виды бордового цвета черкеске, у предплечья которой заметен арестантский («бубновый») знак – грязно-коричневого цвета ромб. Голос с хрипотцой, как от простуды). Ас-салям уагалеюку! О, Ал-

лах, дай мира хозяину этой сакли, (провёл ладонями по щекам, сел, прислонился к стене головой, и тихо) бисмилляхи рахмани р-рахим!..

ВТОРОЙ КАЗАК. Хорошо натоплено. Пора бы разоблачаться, однако, не у кого разрешения испросить...

ПЕРВЫЙ КАЗАК. Быстрее отогреемся с дороги. Много терпели – малость сдюжим, успеем и раздеться. Зайдут унтер-офицер, вдруг дадут какие-то ещё распоряженья... А и правда хорошо живёт татарин, аккуратно, скажи? Печь, глянь, больша, беленая, а окна второй рамой утеплены, дом добротный, как у купцов в Тоболеске...

ВТОРОЙ КАЗАК. Дык, сказал же хорунжий: хозяин с караванами до Тоболеска, Ялуторовска два раза в год мотатся. Тоже купец, однако... Ну, дык вот, идут и сами, слава богу...

В сенях движение, разговоры. Первым заходит ПАВЕЛ в зимней форме унтер-офицера. За ним, продолжая давать распоряжения своему работнику, входит БАГМАН. Увидя их двоих, казаки и ЧЕРКЕС почтительно встают, садятся по жесту ПАВЛА.

БАГМАН (в сторону сеней). Ты, Сабир, как все сделаешь, сразу домой не уходи, понял? Понадобишься ещё. И не забудь собаку с цепи...

САБИР (голос улицы). Хорошо, так и сделаю, Багман акия. Закончу, зайду, скажу.

БАГМАН (раздеваясь, ко всем). Ну, располагайси, уважайм гости, хто где хочете, сигодня мой дом – ваш дом. Хозяйка здесь – моя Нафис. Скоро приготовит кушать, будим ужинывать. А ты, дарогой Павлуша, ни биспокойсы, мой Сабирка все сделает, как ты сказал: лошади распригёт, в канюшну завидёт, сена, овса даст, (показывает у столика на саке) син утыр вот суда, да Расскажи тепирича, с чем к старику Багману пожаловал. Дело нынча у сына моего друга Митрия, кажис, очин важный?..

ПАВЕЛ (не спеша, снимая португепю и шинель) Ты прав, Багман ая, дела у меня нынче, так сказать, государственной важности. Я ведь чуточку продвинулся по службе-то. Отец наверняка хвастал тебе?

БАГМАН. Этото я знай, да... Митрий говорил, сильно тосковал по вам, когда в Тобол-Тура отправил учитсы вас. И беспокоилсы, и гордилсы за твою пирлистра-тора службу, работ вить отвесенный очин. Я вот декабре снова сбирался в Тобол-Тура с товары, обизательны заеду по путя к ему. А как жы, как всегда, сам знаишь...

ПАВЕЛ. ...А вот с энтого года, покамест, назначен помощником уполномоченного по делам каторжников, ссыльных, пересыльных, других пришлых людей. Занимаюсь этим делом, конечно же, не сильно-то в охотку. На почте перлюстратором от полицейского управления спокойней было, да всегда вовремя дома...

БАГМАН. Эйсм, аха! Но писмя – трудный работ вить, много читать нады, глаз портить, однак. Обратны хочишь, чё-ли?

ПАВЕЛ. Это да, мороки там было хоть отбавляй, как же. И ответственность больша была. Ведь почерки-то у всех разны, иных через лупу, и то еле разглядишь, а неправильно истолкуешь, из-за тебя человек может пострадать, во как. На этой... На этой тоже хватат всякоразной бумажной работы. Сопроводиловки, мы их называм, это документы, идущие на ссыльных. Зато выезды таки вот бывають, за что и премии больши, если без побегов. ...Теперь я в унтер-офицерском чине, как видишь, а это и оклад выше, ну и уважение, конечно, а как же, не без этого. Значит, справился на прежней, значит, доверят начальство. Так что придётся привыкать. Опять же вот - первый же выезд мой в новом чине, и на тебе – на родину захал, разве не удача это?!

БАГМАН. Этто хорошо! Вот за эт я очень рад. И папа-мам рад, думаю?

ПАВЕЛ. Точно так. Сегодня от них едем, потому и успели засветло... Беспокоился батя, говорит, не подведи руководство, не упусти... Нынче вот какое дело у меня, Багман ая. Приказано доставить до крайнего в волости магометанского села энтого вот кавказца – бубнового, как говорят, то бишь ссыльного, приговорённого в сибирску ссылку. Потому дали мне нарочных пересыльщиков в подчинение – вот энтих бра-вых казаков конвойными. Я сразу и подумал: пристрою-ка его к тебе, потому как все же не колодник он. А тебе работник будет, тоже выгода...

БАГМАН. Молодца, Паша, вись получился в свой отца Митрий Иброхи... Эий... никак сразу не скажу вить...

ПАВЕЛ. Иохимович он. До сих пор путашь с вашим Ибрагимом...

БАГМАН. Эйем, Ди-митрий Ио-хи-мович он, да! Он вить тоже унтер-офицер служил, рассказывал мне, а как кончил службу, к отставки ему амператор пинсию дал, во какой человек-то отиц твой. И ты в его пошёл, получаитси. ...У мине пинсия нет, какой там!..

ПАВЕЛ. Государева служба это, Багман ака, потому и положена пенсия... И мне дадут, дай бог дослужить.

БАГМАН. Дай Аллах, дай Аллах, Павлуша!.. А получимши отставки, отиц твой издалекий город Тыверь с отцом и жена в Себер пришил, в таком же мундир, как на тебе, я жы помню. Вот так зимляком стал он мине, другом лучшим стал! Каких джигитов воспитал он за эти двадцать пять летов-то! Я сильны рад за него, за тибя, за твой брат Костя. А вить недавно под стол бегали, пацан были, теперича большим люди стали в Тубыл-Тора!.. Кажный раз по путя из Тора ночую у твоих родители, никогда мине, ни мой попутчиком ни отказали, за это я всегда спасибобый ему.

ПАВЕЛ. Дык, знаю же, мы тоже обязаны тебе, сам хорошо помню! С детства врезалось, как ты приехал с работ-

никами, и вместе с отцом моим строили мельницу. Ты мне еще топорик подарил тогда, учил обзолы у досок строгать. Тык-тык делай, говоришь, показывая, как надо сперва подрубить боковинки эти (демонстрирует), потом топор будто сам скользит по прямой. Хорошие уроки от тебя были, полезные на всю жизнь... Да, сколько воды утекло с тех пор... На новом месте отцу моему первыми соседями стали вы, местные. Как папа подмечат, ты ему и друг, и советчик был все эти годы, грит, поддерживашь-помогашь до сих пор, что повезло ему с первых дней. Ну как же не быть радым такому соседу-то, Багман ая?!

БАГМАН. Я очень уважаю Митрий друга. Харош он человек, да-а! Я всякий урус видал в Тубыл, Ялутыр... Такого, как Митри-друг на свите нет, точно гаварю.

ПАВЕЛ. Батя мой тоже дорожит дружбой вашей. Ещё когда с семьей в Сибирь прибыл, рассказывал он, первым встретился ему ты. Догнал их по пути из Тоболеска, на время приютил у себя. Затем поехали вокруг, и ты помог ему выбрать хорошее место, а после пособил отстроиться, разве такое забывается? Он тебе большой привет передал. А еще вот...Тэк... Фрол, Агафон, сходите-ка, развяжите сзади саней рундуки, и занесите-ка их сюда.

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ КАЗАКИ (Вскакивают). Бу сделано, ваше благородие!

ПАВЕЛ (Продолжая разговор с Багманом). Повезло сильно этому кавказцу, смертную казнь ему сам государь заменили вечной ссылкой в Сибирь. Но даже ссылный, он не мед кушать прибывший сюда. Так ведь, Абдул? (АБДУЛ встает, кивает, садится) Потом расскажу, что и как он должен тут. И мы подпишем надлежащи бумаги. Сам-то он малость ослаб дорогой, наверно, простыл южных кровей человек, в тепле сейчас отойдет, тоже ведь служивый был, закалённый должен. Сейчас надо определить ему место, чтоб переспать только.

Это пока до завтра, а там решишь, где он у тебя будет дни свои коротать.

БАГМАН. Эх, боюсь, Пашка, вить у мене охран нету, как я удержат буду его?

ПАВЕЛ. Не думай об этом, Багман ака. Нет ему резону убегать. Сбежит ежели, он знат, что будет расстрелян там же, на месте поимки. А от хорошей жизни не бегают, не правдали, Абдул?

АБДУЛ. Выбор у меня есть: сбрить бороду, или аркан на шею (рукой проводит у горла).

БАГМАН (не поняв, вопросительно смотрит на Павла, и шёпотом). Слушай, а он харашо по-русский, а?

ПАВЕЛ (тоже шёпотом). Что есть, то есть, я именно потому и зауважал его. Сам потом расскажет тебе: в детстве был отдан на воспитание в семью какого-то русского графа, служившего на Кавказе. Брить бороду станет, если смирится, осядет. Не понравится – сбежит, эт-точно. А то и повесится. Уж такого ндраву эти горцы кавказски. Смерть их не пужат вовсе. (Во всеуслышанье) Так что давай, ты их троих накорми первыми, чем бог послал. Нам с тобой негоже с имя, потому пройдемся, обсмотрим дом, хозяйственны постройки, где на-завтре его жить определишь.

Не торопясь поднимаются на второй этаж. В дом обратно заходят конвоиры, заносят рундуки, ставят их на полу возле двери.

ПЕРВЫЙ КАЗАК (видит, что в зале один Абдул остался). А догадайсь-ка, Фрол, что в рундуке у бубнового может быть, а? Ведь не всякий арестант следоват в ссылку с вещами-то!

ФРОЛ. Конечно, без вещей, да пешедралом, сколько раз видел, каторжников гонют, однакось. А энтого, вишь ли, (изображает) как барина, в санях доставить велели. Сколько мороки с имя, да казённые расходы?!. В жись не угадаю, что там в рундуке может быть у арестанта, наверно, хорунжий знат, ключи-то у него...

АГАФОН. Вот и я не знаю. И хорошо, что не знам, а то каждого шороха арестанта пужались бы: вдруг там бомба? А теперь и давно пропал интерес, главное, до места доставили, и без приключений на задницу...

Вниз быстро спускается НАФИС. Прикрыв лицо краем платка, поздоровалась: «Здрассти!», юркнула за дверь второй комнаты.

АБДУЛ. (Резко встает, кивком головы, вслед ей, отдает поклон) Салом алейкум, туташ!

АГАФОН(проежая взглядом). Здравствуйте, ба...арышня! Ух, кака шустрая! Молодка, видать... Неужели хозяйска жена? И всё это время она наверху чуралась нас?

АБДУЛ (Не спеша садится). Лицо скрывают незамужние.

АГАФОН. Незамужние, говоришь? Я извиняюсь, значит, это дочь хозяина? Красавица, видать, глаза-то сияют как, й-йэх!...Ну-ка, проведу, чего это она там (встает, поправляется, идет к двери, но спотыкается о подставленную ногу Черкеса, падает, вызывает смех у коллеги. Встав, хочет наброситься на Абдула, да тот упреждает, валит его снова на пол, сам же поднимает, трясёт за грудки. Фрол растерян, не знает, что предпринять)?

АБДУЛ (тихо, чтобы не слышала Нафис). Знай свое место, казак! Тебе приказано меня стеречь...

ФРОЛ. А и правда, Агафон. Что это с тобой вдруг? Затмение нашло? Ты не у себя, чтоб за девками...

АГАФОН (успокоившись). Чья бы корова не мычала... А тебя, сосланец, я так достану, узнашь ещё. Ишь, гад какой, приёмы знат. Будет тебе ответный от меня приемчик-в задницу патрончик...

Заходит Сабир. Озирается, ищет кого-нибудь из хозяев, мнётся, не зная, что сказать, снимает шапку.

САБИР. Опеть драстути, ызнакум урус люди!.. М-М... Э-ий, Багман акя!.. Нафи-ис! Я всё сделал, лошадям кушать

дал. Сейчас за водой собираюсь, Тайгу запряг в водовозку. Ещё зайду.

ФРОЛ. Здравствуй «опеть», мил человек... Как зовут-то тебя, «ызнакум»?

САБИР (В шутку, будто не понимая, показывает рукой в сторону шкафа, плиты) Савыт?.. Какуй савыт? А.., савыт-мискэ, савыт-тарелька, чугунка? Такуй савыт – это Нафис, я ни трогай савыт...

АБДУЛ. Исеменне эйт, дустым.

САБИР. Вай! Ты по-нашему?.. Ай-яй-яй, дурной башкам! Моя имя вам надо, да, ызнакум? Имя у мене Сабир. Аульский люди гаварит мене Са-бир-кэ. А как жинюс, жина мене скажит: Са-бир-джан, дарагуй, давай мене пацилу-уй!...Усек, урус людям!?..

(ФРОЛ и АГАФОН хохочут, Сабир уходит).

АГАФОН. Смешно балабонит твой «мил человек», Фрол. А ты-то хоть понял, Абдул, что он сказал?

АБДУЛ. Лошадям корм дал, поехал за водой. Хозяину сказал, не вам.

ФРОЛ. А ты, что, и татарский знаешь?.. Агафон, откуль могут быть таки знания у арестанта, а? В пересыльных тюрьмах учат? Без году неделя в Сибири, а кавказец их язык уже понимает. Я –закоренелый здесь, а ни слова ни бельмеса по их. Или у вас языки схожи, а?

АБДУЛ. Четыре дня ехали, много рассказал командиру...

ФРОЛ. ...Да-а-с... поговорили, называются... Ты чё-нить понял, Фоня?

АГАФОН. Да с энтима басурманами будто и поболташь, да никогда ничего не понимаешь.

ФРОЛ. Вот и я говорю... А зря тебя не расстреляли, чертяка с Казбека. По-людски поговорить, и то не хошь... Не мы же виноваты, что в Сибирь тебя погнали поганой метлой.

Спускаются БАГМАН и ПАВЕЛ. Из соседней комнаты

возвращается НАФИС с миской в руках. АБДУЛ вскакивает с места, садится по жесту ПАВЛА. Нафис сыпает пельмени в чугунок.

ПАВЕЛ. Прошу любить и жаловать, казаки, это наша хозяйка Нафис. Мы с нею, считай, росли вместе, каждое лето то я у них, то Нафис у нас. И не заметили, как научились языкам друг у друга. Как сестрёнка она мне, так что никаких экивоков в её сторону. Вера у них строга на этот счёт. Усвоили?

АГАФОН и ФРОЛ (в один голос). Так точно, вашбродь!

ФРОЛ. Да мы с имя в Тоболексе, считай, каждый день встречаемся, как не знать-то, одно слово – инородцы...

БАГМАН. Ну, эта, вы раздивайси, пожалста, за столу садись, кушать будгы.

ПАВЕЛ. Так, казаки, вы тут трапезничайте, но не шибко-то засиживайтесь, понятно? У нас дела есть с хозяином, как знаете (накидывает на плечи шинель, портупею кладет меж казаков, выходит)...

БАГМАН(дочери). Кызым, син эйдэ, лампы зажги, пожалсты, темнеет уже. (выходя) А про дойку сама помнишь...

Абдул из газырницы вытащил патрон, откуда извлек два куска ниток – белой и чёрной – пропустив вокруг указательных пальцев, посмотрел через них на улицу, вернул все на свои места, приблизил ладони к лицу и стал молиться про себя. Нафис молча делает свои дела. Помешала в чугуне пельмени. С комода подняла поднос с самоваром, установила на скамейке у печи, наполнила самовар водой, накрыла крышкой. Взяла совок, открыв дверку плиты, извлекла угли, сыпала их в самовар. Сверху самовара пристроила гнутую трубу и, открыв на печи круглое отверстие, короткий конец трубы вставила в него. Присев, осмотрела низ самовара, помахала в ту сторону нижней частью фартука. Все это время за ней неотрывно следят три пары глаз. Когда Нафис работала к ним спиной, Агафон толкнул соседа локтем, руками в воздухе очертил фигуру

девушки, поднял вверх большой палец, и оба вздохнули «Да-а-а!..». Теперь Нафис оставалось зажечь керосиновую лампу и повесить над столом...

Вторая картина

Та же сцена. Над столом, заливая комнату ярким светом, висит лампа с металлическим отражателем сверху. Нафис пронесла полное ведро молока в комнату справа, обратно зашла с берестяным коробом, села возле окна и буфетницы. Из берестяного короба стала выбирать разноцветные лоскутки тканей, по своему вкусу раскладывает-перекладывает их на саке, не подходящие бросает в перевернутую крышку короба, найдя нужный, берёт иголку с ниткой, нанизывает.

Прислонившись к печи, на скамейке возле самовара сидит Абдул, не спеша, с аппетитом пьёт чай из пиалы. Иногда застывает, внимательно вслушиваясь в разговор двоих за столом.

С двух сторон круглого стола расположились Багман и Павел. За спиной Павла стоит распахнутый рундук. На столе разложены несколько листов бумаги, над которым склонился Павел, читает, откладывает в сторону; перед ним чернильница и ручка со стальным пером, подносит к глазам один из листов.

ПАВЕЛ. Так, ... с приговором суда, полицейским предписанием ознакомил... Теперь прочитаю твою Расписку, слушай внимательно, Багман ая: «Я, Багман, сын Богаутдина и внук Бадрутдина, староста аула Тугуз, Уватской инородной волости, Тобольской губернии, принимаю из рук хорунжего Сазонова Павла Дмитриевича, служащего в Тобольском полицейском управлении помощником уполномоченного по делам каторжников и ссыльных, на поселение у себя приговоренного к пожизненной ссылке гражданина Российской империи магометанина черкесской национальности Алмазова Абдула

Ибрагимовича. Сим обязуюсь выполнять предписания относительно ссыльного, с коими ознакомлен под роспись, а именно: не позволять ему жить своим домом, жениться на ком хочет, уезжать за пределы аула Тутуз без сопровождения, а также каждодневно нагружать ссыльного Алмазова А.И. всякой полезной для села работой, выходные позволять по усмотрению моему, в мечеть по пятницам соизволять. Обо всех его трудах, как и передвижениях в связи с работами, буду вести учёт, с тем, чтобы не менее одного раза в год сообщать о сём в Тобольское губернское полицейское управление. Написано в моем присутствии, под чем, в виду необученности русскому письму, ставлю свою тамгу в виде отпечатка большого пальца, рядом делаю роспись по-магометански. Двадцатое ноября, Одна тысяча восемьсот девяносто пятый год»... Всё понятно, Багман ая?.. Тогда макни палец сюда (подсовывает штемпель), приложись им сюда (подвинул к нему Расписку), подпишись вот тут...

БАГМАН (выполняет). Понятны, Павлуша, понятны. Ох, валил ты большой беда на мой малой башка. Не справлюсь, однак, точна гаварю. В тюрьме не могут удержать, а тут... Приехай другой чиновник, ни за чтоб ни дал подпис. Только из уважений к тебе, твоём родители...

ПАВЕЛ (кладёт бумаги в папку, со стола все предметы отправляет в рундук). Да не переживай ты сильно-то так, Багман ая. Он же приговорённый, а это значит, в любой момент ты можешь сам исполнить вынесенный ему приговор, даже повода искать не надо, оправдают. Ну что, Абдул, тебе, надеюсь, тоже все понятно?

АБДУЛ. Как не понять? Жизнь моя, что бумага твоя, взял – и порвал.

ПАВЕЛ. С этого дня, Абдул, закончилось твоё путешествие по казненным дорогам. О женитбе и семье не вздумай только, накличешь беду себе и другим... И будь хорошим ра-

ботником, помощником во всех делах хозяину, с добром принявшего тебя, не подведи. И ты знаешь, что будет с тобой, посмей только нарушить предписание.

АБДУЛ. Я сказал, командир.

ПАВЕЛ. Вот, держи ключ. Теперь можешь распоряжаться своими вещами, как заблагорассудится. И дай-ка, освобожу тебя из пут твоих (развязывает). Считаю, окончилась твоя арестантска подконвойна судьба, начнется новая. Отныне ты свободный в этих пределах человек. Держи на память аркан свой (вручает). И благодари Аллаха за жизнь, дарованную тебе лично императором российским, везунчик наш.

АБДУЛ (берёт у Павла аркан и ключ, возносит руки кверху, коротко молится про себя, вслух произносит) Аллахи акбар!

ПАВЕЛ. Вот и я так думаю, акбар так акбар тебе после этого, Абдул. Знаешь, недавно мы отправляли двадцать семь человек осетин по этапу. Это куда-то далеко в Иркутск, докуда три раза столько же им топать, как до Тоболеска шли... А ты у нас распределён в Тобольску губернию, к единоверцам, коих в Иркутске не было б. Так что цени и дорожи!...

АБДУЛ. Ты прав, командир, повезло мне.

ПАВЕЛ (потирает руки). Ну что, Багман ая, официальна часть меж нами завершена, теперь можно и по рюмашечке на грудь, а?!.. (Из рундука своего вытаскивая) Вот, Багман ая: батя мой, твой дружан, передал тебе бутылъ медовухи собственной гонки... А тебе, Нафис, с детства нашего любяща тебя маман, не знавшая дочерей, передала гостинец – махотку мёду из таёжного разнотравья. Так что, давайте, други, посидим по-свойски!..

НАФИС (ставя в шкаф). Ой! Мама Фрося, моя названная, вторая моя мама мне – мёду!?!.. Дай Аллах ей долгая жизни – большой спасибо ей! Я очинь дорожу её подаркыми, только в праздник кушаем, даже прошлый мёд не весь съели ещё...

БАГМАН (радостно). Ай рэхмэт, ай спасибы другану моему! Вот радовал твои родители Багмана и мою Нафис, что ни забывает. Эх!, все такой же друган Митрий – без подарка не отпускает никогда, а?! Пиредай ему и мамка наши спасибы, жилаим имя многая здоровья! Нафис, кызым, дай-ка нам эрюмки, и закус, пожалсты (Нафис подает, он наливает, вдвоем с Павлом чокаются, выпивают, звучно занюхивают каждый своими кусками хлеба, закусывают. Всё это время Абдул перебирает свои вещи в рундуке).

АБДУЛ (про себя. Звучит его внутренний монолог). Вот так сюрприз!.. Ну, дёт папэ! (Осторожно извлекает гармонь) Даже пщине мою не забыл, втиснул в рундук – упсоу-упсоу, папэ!.. Так-так, здесь бельё завёрнуто... – очень нужные вещи, как же без них-то! Сукно красное... это на новую черкеску будет, конечно же...Кусок овчины – на папаху, разумеется... Ой-ей-ей, мой Аллах, обнова-таки будет у меня!...Расческа, бритва моя, зеркальце, помазок, ножницы... и даже мыло! Об этом, конечно же, только мамэ могла – упсоу, упсоу, мамэ, чтоб не болела твоя седая голова! Так... гармоника моя отчего-то... Хм!.. (Берет на колени, поворачивает всяко) Отчего же потяжелел ты, друг мой пщине?... (Нажимает на клавиши, тянет меха) Подозрительно... (Громко) Э-эй, хозяин, Багман абый, подай, пожалуйста, нож свой. (Получив нож, начинает вытаскивать крепежные штырьки, осторожно отрывает мех от правого корпуса. Про себя). О, Аллах, ты воистину великодушен! (Во всеуслышанье) Уважаемые, смотрите, отец вложил сюда ...кинжал мой! (Извлекает из нутра гармошки кинжал, ножны. Чуть поколебавшись, встает на ноги, берёт в зубы кинжал, вскидывает руки, вихрем крутнулся в лезгинке, завершая, вонзает его на пол перед собой, ликующе застывает). Командир! И хозяин! Уважаемые! Позвольте оставить при себе мой родовой кинжал, а?.. Мне его дадэ мой вручал в тот день, когда воспитатель вернул меня в родной дом, к папэ мо-

ему... Мамой клянусь, и Аллах свидетель, уважаемые, кинжал я один раз в жизни...

ПАВЕЛ. Что скажешь на это, Багман ая? Теперь он в твоей власти... У нас трое таких близ Тоболекса объединились в артель, охотничают, меха добывают – с ружьями своими не расстаются...

БАГМАН. Эий, на все воли Аллаха. Пусть будит так, од-нак...

АБДУЛ (Кинжал вложил в ножны, ножны вдел на ремень, ремень застегнул на поясе... И в поклоне головой, приложив руку к сердцу) Ну, спасибо, командир! Рахмэт, упсоу, хозяин! На Кавказе говорят: черкес без кинжала, что беззубый барс. Без него черкеска эта (показывает на одеяние) всё равно, что платье на женщине. У нас без кинжала на людях могут быть только женщины и дети...

ПАВЕЛ. А гармонь-то твоя ль, Абдул? Или она лишь для отвода глаз, чтобы спрятать клинок?.. Может, сыграшь нам что-нибудь? В такой-то день, а?!..

АБДУЛ. Гармонь?.. (Еще раз пристальней осмотрел ту часть, где мехи у инструмента, извлекает оттуда небольшой сверток, тут же кладет его внутрь сукна, обратно собирает гармонь) Гармонь? А... с удовольствием, уважаемые! Ведь я и сам соскучился по нему! Нафисэ, сестричка, танцуй, дорогая!..

Абдул поразила пальцы, затем, пробуя, пробежался ими по клавиатуре. Довольный, хмыкнул, сосредоточился, и темпераментно заиграл лезгинку. Нафис с удивлением, восторгом наблюдает, слушает, какое-то время колеблется, но музыка захватила её, глаза заискрились, степенно покидает свое место. Раскинув руки, она грациозно встала в позу, и заскользила в танце, пусть и татарскими знакомыми ей движениями. Сама всё так же с прикрытым лицом, только глаза сияют. Абдул поднимается, не прерывая игру, с гармонью в руках кружится следом за Нафис... Как только заиграла музыка, Агафон и Фрол

спустились сверху, с любопытством наблюдают из-за борта лестницы, а по окончанию танца восторженно аплодируют: «Ай, молодцы! Bravo- bravo!..»

АБДУЛ (успокоившись). Эх, знали бы вы, уважаемые: я будто звуки гор услышал, родным Кавказом повеяло рядом! Упсоу вам!.. С гармошкой теперь не так тоскливо мне будет. Черкесы говорят: песня быстрее возвращает горца домой...

ПАВЕЛ. Ну, порадовал же ты нас, Абдул, прими ответное спасибо наше! Есть в тебе дар божий, большой дар. Убедился, не зря милость проявил к тебе государь... И тебе рэхмэт, сестричка Нафис, я ведь знал, крепко ты умеешь! Ты у нас готовая невеста на выданье, иначе не скажешь – точно ведь покоришь всех на свадьбе своей! Не так ли, Багман акя?.. Эй, очнись, хозяин! Я говорю, может, нальём музыканту, а?

АБДУЛ (приложив руку к сердцу). Э!, не могу, уважаемые, сейчас мне чай полезней...

БАГМАН. ...А я себе разришай по чуть. С тих пор, как утонули болоте моя Бибинур и дочь Бану...Эи-ий, налей, Павлуша!..

ПАВЕЛ (наполняет рюмки. Ища тему после наступившей паузы). Ты... там это-с... ещё что-то обнаружил, Абдул?.. Или секрет это?..

АБДУЛ. Не могу знать, уважаемые (извлекает сверток, разворачивает. Это цветной шелковый платок. Оттуда вываливаются на пол три листка бумаги, сложенные вчетверо). О, тут даже письма есть, оказывается!..(Подбирает, одно из них раскрывает, читает про себя. Звучит голос матери) «Здравствуй, сын мой Абдул. Пишет твоя мамэ. Мы каждый день благодарим Аллаха и царя русского, подарившим тебе вторую жизнь, и молимся за здоровье твое. Мы с папэ как-нибудь приедем к тебе. Устроись на новом месте, напиши, как добраться к вам. ...Платок этот мне дарила мамэ твоего отца в день нашей свадьбы, теперь ты подари его хозяйке дома, где тебя поселят

жить. Надеюсь, будет носить в праздники, и вы поладите. Будь послушен новому хозяину во всем, ибо такова воля Аллаха, не позорь имя свое. Пусть все в твоей Сибири будут здоровы. Храни тебя Аллах, сын мой!» (Абдул прерывает чтение, задумывается. В доме наступает тишина. Затем он встаёт, идёт к Нафис, говорит вслух) Нафис! Моя мамэ написала, чтобы я подарил тебе этот платок шёлковый, который дал ей счастье быть замужем за моим папэ. Прими, пожалуйста, и носи на здоровье. Дай Аллах, чтобы никогда не болела голова твоя (накидывает ей на плечи)!

НАФИС. Мине!? Платок от твоя мамы? Из далёкой Кавказ?! Ой-ей-ей!.. Большой-большой рэхмэт твоя матери!.. (Идет к зеркалу, обсматривает себя с платком так и сяк) О таком платок мечтала я, каждый раз просила атам, чтоб купил, когда едет в Тубыл-тора. Спасибо!...

Третья картина

Тот же зимний вид за окном. За столом по-турецки сидит и пьёт чай из самовара Багман с голым торсом, на шею большое полотенце. С клубами морозного пара в кальсонах после бани в дом забегает Абдул, он с аккуратно подстриженной по-кавказски бородой и усами, вытирается на ходу.

БАГМАН. С лёгким паром, джигит! Ну, как баня, Абдул? Вижу, побрился ты. Помолодел, почти юнцом выглядишь!..

АБДУЛ. Баня была очень вовремя, Багман абый, рэхмэт, хорошо попарился-помылся. А то ведь в дороге я чуть было не завшивел. Теперь жить хочется. Ну, а побриться мечтал и подавно. Спасибо, уважаемый, за такой подарок...

БАГМАН. Благодарение Аллаху, баню хорошую справил я в своё время, а как же без этого, ведь она не только тело, но и душу очищает. Ну, расскажи теперь, сходил с Сабиркой, познакомился с кузнецом, с местом, где будешь жить и работать?..

АБДУЛ. Я пятнадцать лет был военным, Багман абый, привык исполнять приказания с первого слова. Как ты ска-

зал, сразу и пошли... Обсмотрел я кузню, познакомился с Кабир ага – видно, ремесло своё он уважает. Я ведь в кузнях часто бывал... Что сказать? Да, смогу я и кувалдой теперь, как мечом в свое время, помахать, силой-то не обделил ходай... Но, думаю, Багман акия, в конюшне твоей я бы с большей душой работал, и рядом во всех твоих делах бы помог. Лошадям подковы менять научен с тех пор, как в седле держусь. Кормить и выхаживать их люблю так же, как на гармонии играть. Ты ведь знаешь: в этом деле любовь и наука вместе идут, что не каждому можно доверить. На Кавказе любовь к лошадям в крови у каждого. А у вас, я знаю, скачки на сабантуях в почёте?..

БАГМАН. Я учту, Абдул. Ты прав, канишне, скакунов к сабантую подготовить, это большое дело, а как жы. Мы это обсудим ещё, время есть. Но в кузне у нас нужды больше пока. Наверное, заметил, Кабир агай старится уже, можно сказать, прямо на глазах слабеет, ему молотобоец крепкий нужен. А его последователь, внук Закир, на кого надеялись, выучился, и удрал, предатель. Теперь в Ялуторе устроился в кузню, там ему за каждый день плотит сам кузнец, говорит. Я как-то ходил туда, пробовал уговорить домой, куда там! В городе пряник вкуснее пришёлся ему. Паршивец этот, наверное, в кабаках просаживает заработанные. Или к девкам продажным бегаёт. В общем, на него надежды нет уже, так что в кузне ты нужнее. А жилое место мы тебе устроим. Видел там дверь в другую комнату? В этой каморке Кабир ага переодевается, обедает, вот там теперь и будет жильё твоё, койку и постель отнесёте с Сабиром...

АБДУЛ. Я это высказал, как предложение, хозяин, а так, буду служить там, где надо тебе, я человек подневольный.

БАГМАН. Не мне надо, Абдул, аулу нашему, односельчанам. И перестань звать меня Хозяином. Я в нашем Тугузе многим даю работы, никто не зовёт хозяином, а все с уваже-

нием: Багман ая... Ну, милости прошу, присаживайся к самовару, после бани чай всегда вкусней, разве не так?!

Абдул устраивается к самовару, наливает себе чаю. Сверху шустро спускается Нафис в новом платье, что шила в первой сцене. Увидя полууголого Абдула, смутилась, тут же отвернулась, прикрыла лицо платком, чуть помешкавшись поворачивает обратно.

НАФИС (уходя). Ой! Извините! Думала, ты с Сабиром разговариваешь, ата...

БАГМАН. Кызым, ты это, погоди там чуток, мы тут по делу с Абдулом. Как оденемся, я крикну. И покажешь нам обнову, хорошо?

НАФИС. Я поняла, атам...

В это время открывается наружная дверь. Входит Сабир.

САБИР. Ас-саяму уагалейкем, эфэнделяр!

БАГМАН и АБДУЛ (почти одновременно) Уа-галейкем ас-саям!

БАГМАН. С хвалебной думой ходишь, Сабир, к столу пришёл. Так что присоединяйся к чаепитию.

САБИР (раздевается, проходит к столу). Кто бы отказался? Чай мне очень кстати, надо чуток согреться, а то на улице Мороз-бабай серчает уже. А чай у тебя, Багман ая, всегда особенный, сам ведь собираешь травы-то, сам и завариваешь. И потому ещё, что от чистого сердца предлагаешь всегда. С легким паром вас!

БАГМАН. Рэхмэт, Сабиржан, умеешь подластиться, хитрун. Я травы собираю с покоса, как знаешь, нарочно не ищу. Ты вот почему так же не поступаешь, не пойму никак. Ну да ладно, рассказывай, кого успел обежать, есть ли что сказать к нашему плану на послезавтра.

САБИР. Канишне, что сказать имею, Багман ая, я так и пошёл по порядку, к тем же односельчанам, с кем всегда, кто по нашу сторону Агитки живут. Багман ая, говорят, не обми-

шуливает, не зажимает, как это делают с зареченскими Салахутдин-бай с сынком своим Сатрутдином. Поэтому наша сторона придут к тебе с охотой, как всегда. Тут уже с утра будет толчея, я думаю. Много рыбы даст Шарафутдин аяк – конечно, чебаки, в основном, но несколько крупных щук, даже с пятток линия видел, да десяток вот таких язей (показывает) – как раз при мне рассовывал по двум мешкам.

БАГМАН. Насчет продажи чебаков не уверен, ведь тоболяки их тоже умеют ловить... Ну да ладно, возьмем. У нас еще караси будут – не сегодня-завтра подъедет твой сосед Гали, он неделю назад ещё на двух подводах уехал к родственнику в Агытбаш. Что дальше?

САБИР. Шкуры всякие есть, уверяет Кашшаф ага, даже будто их немало у него, хотя ведь охота только пошла. Еще показывал тушки глухарей и куропаток, может, даже зайчатину предложит. Когда успел человек? На всякий случай во второй дом заглянул во дворе его. Так, его зять Хасан пять сетей за лето связал, оказывается, – тоже будет предлагать, думаю... Саттара семья хвасталась: детские пимы на всякие размеры сваяли, и для взрослых будут, говорят. Думаю, валенки в городе раскупятся мигом.

БАГМАН. А вот это очень похвально, ведь в прошлые годы только пряжу да шерсть предлагали они, а тут готовые пимы – продукция, считай. Молодца! Вот что значит, новый человек появился в семье – это его невестка валяет пимы...

САБИР. Конечно, она большая умелица у них, повезло с невесткой Саттару, а сыну с женой. Дальше... Идрис аяк думает ещё, может, бочки и кадушки предложит, хотя для себя делал, говорил. Вот будет место, куда рассовать мясо твоё, если даст.

БАГМАН. Бочки в городе быстро расходятся, там ведь народ тоже огородами живёт, для соления бочки само то. Очень хороший товар, конечно, берём. А клюкву и орехи кедровые

никто нынче не навязывал?.. Привыкают, что вот уже третий год припасаем их на весенний базар, когда они дороже становятся... И кто ещё?

САБИР. Вроде, всех вспомнил, Багман ая... Ну, а основные товары будут наши, канишне. А как жы. Я нынче почти в два раза больше заготовил инструментов для косьбы, ты знаешь. Ну и...те же наши шкуры: коровьи, телячьи, особенно хороша овчина, ведь лето выдалось богато на разнотравье. Про Нафискины заготовки даже не говорю: масла и творога она в две фляги втиснула, я видел. Да и мяса – баранины, говядины твоих – на две сани будут, считай. А, чуть не забыл: железок тоже немало наберется у Кабир агая... Может, ещё кто-то проснётся с желанием? Так что караван получается на шесть-семь возков, не меньше.

БАГМАН. Это хорошо. С каждым годом всё больше старания показывает наш аул. Расшевелились, наконец, люди-то, чуть ли не соревнуются – каждый хочет лучше другого зажить. А что прикупить им в городе, запишу завтра. Есть ли хоть нынче-то такие, кто сами хотят поехать с нами?..

САБИР (с иронией в голосе). Ты же знаешь, Багман ая, наши бабы мужьям своим не доверяют! Пропьют, говорят, всё, что выручат, это как пить дать, стоит им вырваться на волю. А мужики?.. Они к бабам своим за юбки вцепились, от себя никуда – боятся, как бы не загуляли с чужими мужьями в Тобол-Туре. Вот такая карусель, получается (все трое смеются)! Так что доверенность твоя на холостого, на меня лишь действует пока. Да! Нафис как-то говорила, что желает нынче с тобой отправиться! Но об этом она сама пусть скажет..

БАГМАН. Про Нафис я ещё подумаю... Надо мне и самому пройтись по дворам, может, кто семьей надумает поехать, все же товару многовато набирается... Ну, мы ещё Кабир-ага возьмем с собой. Отдохнёт от кузни своей, давно хотел повидаться с родственниками. А мне помощником будет, ведь

товару, пока не распродашь, глаз да глаз нужен. Да, если закончил обшивку кожей, не забудь седло, занеси. Хочу друг-соседу Дмитрию завезти по пути.

САБИР. Канишне, Багман ая, меня стремена только и держивали, Кабир ага на днях сковал-доклепал, осталось приладить, это я вечером закончу, так что подарить новое седло другану своему...

Багман показывает мужикам на кисет свой на столе. С Сабиром берут по щепотке, занюхивают табак, чихают, будто соревнуюсь, кто громче, что не удержался Абдул, смеётся.

САБИР (между чиханиями). Багман ая, можно задать вопрос? Сильно теребит меня любопытство по поводу Абдула: чего это чужого человека вдруг взяли, да оставили у тебя, а?

БАГМАН. Об том Абдул лучше меня знает, вот и расскажет сейчас, думаю...

САБИР. Ну, давай, Абдул, выкладывай, а то ведь сгорю от любопытства. Только не наври, понял!? У нас уже завтра весь Тугуз начнет ведь пытаться и спрашивать?

АБДУЛ (начинает одеваться). Разреши, Багман абый, сперва я прочту письмо. Потом и расспросите, хорошо?.. (достаёт из своего рундука письмо, разворачивает, читает. Звучит голос отца) «Здравствуй, сын. Не женился ты вовремя, когда мы с мамэ очень хотели этого. Теперь письмо это читаешь в далёком, чужом краю. Бессемейный джигит, ты был, что жеребец без узды. Но я тебя не осуждаю, сын мой, может быть, будь я на твоём месте, поступил бы так же. На другой же день, как узнали, что тебя арестовали, мамэ твоя собрала меня в дорогу. Я тут же поскакал к твоему названному отцу-воспитателю, уважаемому графу Гришкову Геннадию сыну Павла. Он теперь в отставке по выслуге, живет близ Ставрополя в своём новом имении, что подарил ему русский Государь за верную службу. Названный брат мой, и твой отец-воспитатель Геннадий свет Павлович все понял, как только я рассказал ему о тебе. Гово-

рил, что зря ты не мог погубить человека, что не так воспитан им и нами с мамэ. Значит, говорил твой папэ-воспитатель, человек тот был самым паршивым бараном в стаде, если тебя до такого поступка довёл. Я, говорил он, знал хорошо отца его – тоже негодяй был, значит, недалеко яблоко от яблони легло, возмущался твой воспитатель. Хвала Аллаху, брат мой Геннадий на другой же день выехал в Астрахань, желая поговорить с губернатором, может, говорил твой названный папэ, с его почтой удастся отправить ходатайство Императору Российскому о замене приговора на высылку, и что такое практиковалось ранее. Вот так мы с ним поговорили, сын мой Абдул, и этим моё дело, на что я додумался, было сделано. Видишь, у графа Гришкова всё получилось так, как он хотел, раз тебе заменили расстрел высылкой в Сибирь. Теперь нам остается молиться за тебя, за здоровье графа Гришкова, и благодарить Всевышнего и царя русского за милость, проявленные к тебе. Повезёт тебе ещё раз, если по воле Аллаха попадёшь в руки к хорошему хозяину – будь верным слугой ему, сын мой, и храни тебя Аллах от других дурных поступков. Твой папэ Ибрагим». Вот такое письмо от папэ было спрятано в гармонии, уважаемые... Теперь не сгоришь, Сабиржан?..

САБИР(очнувшись от дум).А?... Не-э! Кому тонуть, тот не сгорит, Абдул. Не так ли, Багман акя?.. Интересное письмо, кое-что начинаю понимать... А... ты? Ты на войне-то был, Абдул, приходилось урусов убивать? Может, на дуэли стрелялся, а?

АБДУЛ. К тому времени, когда я служил, война уже окончилась. Нет, ни войны, ни дуэли у меня не было, а то, может, и не сидел бы рядом с вами. Просто один шайтан в офицерской форме – не хочу вспоминать даже имя его – за карточным столом много раз оскорблял меня, ругаясь по матери, чего на Кавказе не позволяют себе даже ублюдки. И не прощается никем, если кто-то скажет «я твою маму имел». Сожалею о

том, что долго терпел его. Пытался вызвать на дуэль, чтобы на равных, а он, шакал паршивый, отказался, кивая на то, что дуэли теперь стали противозаконны. Он, знаете ли, уважаемые, опротивел не только мне, терпели из-за того, что сыном командира гарнизона был...

БАГМАН. Да... Ну и дела... Так ты, что, прилюдно застрелил его?.. Не мог втихую, гденибудь с глазу на глаз?

АБДУЛ. Не, исподтишка я никак не мог, таков закон гор: врагу в спину не стрелять, и свою не подставлять... Я его прилюдно. Приколол к стене его же кинжалом. И подался в бега.

САБИР. Ой-ей-ей, страшный ты человек, оказывается, Абдул. Представь, Багман ая, вдруг я рассержу его за что-то, а он мне нож под сердце, а?..

БАГМАН. Успокойся, Сабир. Сказал же, что достал его тот мерзавец. Матерно ругался. И ты, значит, попридерживай язык-то при нём. А то ведь тоже мастак по этой части – иной раз так сматюгнешься, что у скотины уши заворачиваются... И помни: не наше дело судить, человек и так осуждён... У меня такой есть интерес, Абдул: откуда ты... татарский-то знаешь? Русскому выучился, это понятно: отдали на воспитание. Но татарский, на котором казанцы говорят, это же...

САБИР. Ой, да-да, я тоже о том же хотел...

АБДУЛ. Это долгая история.

БАГМАН. Э-э! У нас сегодня нет других дел, а вечер только начался. Так что послушаем. Да, Сабиржан?

САБИР. Перед сном бабайские сказки я очень любил...

АБДУЛ. У меня не сказки, Сабиржан. Хотя, теперь кажется, точно на сказку была похожа жизнь моя до Сибири, особенно в детстве... Вы наверняка слышали про русскую войну на Кавказе?

БАГМАН. Наслышаны, как же. Долго шла эта война. Думали, конца ей не будет. Но русский царь силен, однако. Столько народу положил.

АБДУЛ. Положил... Да... И выселил много... А многие сами ушли за пределы Кавказа. Сотен тысяч родных не досчитались черкесы... Но именно нашего аула и соседских эта война не коснулась вовсе. Должный с войском своим выселять нас, граф Гришков, командир Астраханского гренадерского полка, один, без сопровождения, приехал в наш аул, и попросил созвать аксакалов. Он сказал им, что русский солдат давно не хочет воевать с кавказцами, но придётся, если не последуют горцы его совету. Объяснил, какую политику ведёт его царь с Османской империей: не хочет император, чтобы Кавказ был завоеван турками, ведь потом они снова вторгнутся в Россию. А черкесы, сами того не понимая, мешают русским, сказал граф Гришков, и предложил аксакалам заключить с ним союз, после чего он уведёт свой полк из этих мест, а границу оставит нашим смотреть. Заверил, что мы будем так же жить, как до сих пор жили, но в составе великой империи, не раз покорявшей османов. Такая доверительная беседа пришла по душе аксакалам, ведь до сих пор с мнением черкесов никто не считался. Все мы знали, сколько черкесского народу было выселено с родных мест, угнано и продано в рабство туркам. Нам грозила та же участь. А чтобы аксакалы поверили ему окончательно, русский командир припомнил им наши обычаи, и предложил своего наследника отдать на воспитание тому, кто согласится взять, а сам готов стать отцом-воспитателем тому мальчику, кого доверят ему аксакалы... Через неделю он приехал с сыном. Но никто не решился взять его к себе, уж очень он был хиленький, и всё время хныкал. Мой дадэ и папэ отдали меня ему на аталык, такой выбор был сделан аксакалами...

САБИР. Ух ты, какой правильный человек оказался русский командир. Молодца мужик!

АБДУЛ. Он не мужик, Сабир... Да, граф Гришков, мой названный отец-воспитатель оказался очень мудрый и справедливый человек.

БАГМАН. Так-так... Значит... Вон какие необычные обычаи есть, оказывается, у вас... Родного наследника - раз, и передал другому... Мы такое даже представить себе не можем, не так ли, Сабирка? Представь, что детство свое провёл бы ты в русской семье, а?..

САБИР. Не-э, что ты! Я бы на второй же день сбежал, или сдох бы...

БАГМАН. Это что же получается, Абдул?.. Ты, значитсы, пособил миру у себя в ауле?.. Сколько тебе лет-то было, миротворец?

АБДУЛ. Седьмой год шел в то лето. Всё понимал уже. У нас, если кто отдает сына на аталык, становится равным по положению того, кто принял. Это почётно для семьи. Но такое случается не так часто.

САБИР. Очень интересно, очень. Точно как сказка... А и... это... Не ответил про...

АБДУЛ. Я понял, Сабир. Я начал с самого начала, чтобы было понятно, у кого и как я воспитывался... У папэ Геннадия Павловича Гришкова были две дочери старше меня, и сын Гриша моих лет, тот, кого он хотел в обмен. Дочерей его воспитывала гувернантка Фирдаус апа, очень умная была женщина, несколько языков знала, и девочек им учила. У неё была дочь Расия моих лет. Я больше с ней дружил, чем с Гришей. Фирдаус апа предложила графу вызвать из Астрахани своего овдовевшего отца Абибуллу – наставником нам с Гришей. Меня как раз в те дни привезли. Они-то научили нас всему, что хотел граф Гришков. Попутно и своему татарскому, особо не натаскивая: Аби бабай с Фирдаус апа о чем-то переговорают, мы с Гришей переспрашиваем у Расии. Даже песни некоторые я запомнил татарские... Прожил я в этой семье почти десять лет, до тех пор, когда наступил возраст возвращаться... Знание татарского меня часто выручало потом. Но это уже другие истории... Теперь понятно, уважаемые?..

БАГМАН. Понятно-то понятно. А вот чудо, что ты попал в наш аул, к единоверцам. Могли ведь переправить в такую тьмутаракань, где ни мечети, ни муллы слышать не слышал, видеть не видел бы, хоть днём с фонарём ищи. Такая удача не всякому выпадает... Сказал же Павлуша, сколько народу угоняли в глубинную Сибирь...

САБИР. И ты, чужак, притопал бы там к какому-нибудь сатрапу. И гнобил бы тебя он, как скотину последнюю...

БАГМАН. Видно, сам Аллах ведёт тебя?...

АБДУЛ. Сам удивляюсь...В баяне было и третье письмо, Багман акя. Может, там найдется объяснение?..

Второе действие Картина первая

Конец мая, вскоре наступит сибирское лето. Горячее днём солнце не спеша клонится к верхушкам деревьев. На высоком берегу Агитки отдыхает только что искупавшийся в реке Абдул, на плече полотенце, в руке берёзовая ветка – отмахивается от многочисленных ещё комаров. Ему хорошо и грустно одновременно. Еле слышно насвистывает мотив черкесской песни о родных горах.

АБДУЛ (Между паузами размышляет про себя. Звучит его голос). Да!... Прав был казачок мой: тайга тоже хороша по-своему! Пройти мимо такого богатства невозможно... Нравится мне, как вольготно расположен в ауле каждый огород и дом, не теснятся они, как наши сакли в горах. К этой бы красоте...да добавить горы!.. Э-эх, приехали б маме и папе к нынешнему сабантую!.. Но вот что интересно: почему только по одну сторону реки, в основном, заселились здешнего аула люди? Может оттого, что река сносит мосты?.. Надо будет поинтересоваться у Багман абый...

К реке с коромыслом на плечах направляется Нафис, одетая в новое платье, с подаренной шалью на голове. Подходя

к полуголому Абдулу, пытается прикрыть лицо, но не удается скрыть полностью...

НАФИС (остановилась). О, ты здесь? Хэерле киц, Абдул!.. Как тебе Агитка наша, разве не холодная ещё?

АБДУЛ. А, Нафис! Нихальяр! Рад видеть тебя, сестричка! Ты, я вижу, вся в обнове?! И красива сегодня, прям глаза слепишь!.. Агитка? Агитка знает своё дело... А вода... действительно, прохладная еще, но терпимо. Ты-то хоть купалась нынче?

НАФИС. Не-э, я боюсь холодной Агитки. В это время коварная она. Недолго и простыть. Даже ребятишки у нас только в первых числах июня начинают купаться. Есть, конечно, смельчаки, кто в середине мая в затонах открывают сезон, но нынче даже таких не видно, май же холодный был.

АБДУЛ. Что-то поздно ты за водой сегодня?..

НАФИС. А... ну... за водой для готовки я через день хожу... Завтра в это время буду шитьём занята. А-и... это,.. пельмени с рыбой в обед... ну, ...понравились тебе? Кажется, пересолила...

АБДУЛ. Ну что ты, сестричка, пельмени были чудо, чуть язык не проглотил. Я... что-то ... не пойму, ты же другой дорогой ходила за водой...

НАФИС. Верно, сегодня я второй тропой своей!.. Не замечашь разве, Агитка прибавилась, теперь мне берег удобней здесь... А...ну, джигит, попробуй, угадай, что в ведре у меня?..

АБДУЛ. Если б с реки шла... А к реке с чем в ведре?.. О! На-а-вер-ное, ...что-то полоскать несёшь?...

НАФИС (хохочет). А вот и не догадаешься! Посмотри вот сюда (подносит ближе к нему одно из ведер), что там видишь?

АБДУЛ (встает, смотрит). О, неожиданная вещь!! Ни за чтоб не додумался. Это же ... портняжный метр. Для чего он здесь?

НАФИС (всё так же смеясь). А вот теперь и дурак догадаться должен!

АБДУЛ. Так-так. Дурак догадается, а я никак. Значит, я не дурак!? Тэк-тэк-тэк... Метром таким... швея берёт... замеры ...

НАФИС. Уже теплее...

АБДУЛ. Раз ты с метром, и мимо меня...

НАФИС (хохочет). Ещё теплее!..

АБДУЛ. Ты хочешь сказать... О, не ишак ли я!? Это ты хочешь пошить мне обнову, Нафис? О Аллах, ты посылаешь мне новую удачу! Я думал, сам помучаюсь с пошивкой. Скоро же сабантуй...

НАФИС. Вот теперь и жарко стало – догадался Алмазик!

АБДУЛ. Еле додумался, однако. А... почему Алмазик? Меня же Абдул зовут...

НАФИС. Как зовут тебя, вся деревня знает уже. Я хочу не как все! Поэтому всегда про себя так и зову. Не нравится? Тогда кличку какую-нибудь придумаю тебе, может даже обидную – в деревне многих по кличкам знают (снимает с плеч коромысло, берет из ведра метр). Дай-ка, сниму замеры с тебя...

АБДУЛ (поворачивается спиной). Только не кличку, Нафис! Согласен на Алмазика. Правда, так меня уже звали когда-то...

НАФИС (поворачивает Абдула так и сяк, берет мерки. В раздумчивости). Вот-вот, буду и я Алмазом. ...А ...кто ещё так звал?..

АБДУЛ. О, это давняя моя рана, незаживающая...

НАФИС. Если больно вспоминать, можешь не говорить. Хотя я уже догадываюсь... Только... любящие могут так...

АБДУЛ. «Любящие»?.. Хм-м!.. (внимательней взгляделся в Нафис). Нет, надо тебе рассказать, наверное...

НАФИС. Будь добр, утоли жажду мою, Абдул-Алмаз...

АБДУЛ. Ты же слышала наш с отцом разговор про моё прошлое?.. Значит, должна вспомнить, как я упомянул имя Расили, дочери нашей гувернантки...

НАФИС. Припоминаю...

АБДУЛ. Я с первых дней положил глаз на неё, так хороша была она во всём: в манерах своих, в разговорах-рассуждениях, да красавица, каких поискать. Как она призналась позже, я тоже приглянулся ей с первого дня. Мы быстро сошлись, и задружили, как брат и сестра. Незаметно эта дружба переросла в настоящую взаимную любовь. Когда закончилось время моего воспитания в семье приёмного отца графа Гришкова, мне пришлось уехать домой... Всю жизнь не прощу себе этого!.. Мы договорились с Расилёй, что через год я вернусь и попрошу у Фирдаус-апа и деда Абибуллы её руки, а после поедем с ней к моим родителям, где и устроим свадьбу. Но...

НАФИС. Ох уж эти «но»... Она не дождалась Алмазика своего?..

АБДУЛ. Хуже, намного хуже была история... Пока меня не было, за неё посватался сынок одного астраханского богача, знавший её семью. Получив отказ от самой Расили, в другой раз он устроил её кражу. А дальше сама знаешь, наверное, как бывает...

НАФИС. Ночь пробудет в доме, и поневоле всеми признается женой его, даже если ничего меж ними...

АБДУЛ. Вот именно. Но надо было знать Расилёй... Она думала, что теперь её будут держать до тех пор, пока не покорится. И даже если удастся как-то сбежать, никто не поверит в её невинность. Больше того, посчитала, что я тоже не захочу её... И порешила с собой...

НАФИС. Как?! Утопилась бедняжка?..

АБДУЛ. Расилёя заперлась в комнате. Те думают: перебежится – отопрёт. А она перерезала себе вену на руке. Когда встревожились и взломали дверь, было уже поздно спасать... Матери, приехавшей за её телом, родители горе-жениха рассказали: умирая, перед смертью, Расилёя моя прошептала: «Прости меня, Алмазик ...»

НАФИС (плачет). И ходаем, и аллакаем, почему так жесток этот мир к нам, женщинам?.. Почему же она так-то вот с собой, а?..

АБДУЛ. ...Ну-ну, Нафис, успокойся, ради Аллаха. Ты закончила обмеры? Запомнила-то хоть? Вечереет уже, а тебе к реке надо.

НАФИС (утёрла слёзы, засобиравалась). Ой, и правда. Пойду уже, а то отец потеряет. Замеры?.. Сердце не даст забыть...

Нафис уходит к реке, Абдул думает над её последними словами (про себя): «Сердце?... не даст?.. Ох, Нафис!..» Он посмотрел в ту сторону, куда склонилось солнце, расстелил перед собой полотенце, коленями встал на него, собираясь молиться... Отвлёкся, высматривает Нафис. Вдруг рядом с ней замечает посторонних...

АБДУЛ (про себя). На реке ничего почти не различить уже...О, что я вижу! Что за визитёры там к ней?.. Воды Нафис набрала, собирается обратно, на ходу о чем-то с ними препирается, возмущается. О, вот это выпад! Скинула им под ноги полные ведра, размахивает коромыслом. Погоди-ка, что это они?.. Ах, подлюки, хватают ее, заворачивают в одеяло... Да это же... они же воруют ее! (Свистнул громко, кричит): Э-эй! А ну стой, негодяи!..

Абдул бежит к реке. Тут же стала слышна возня, крики Нафис «Ай, сволочь, не прикасайся ко мне! Алмази-ик!» Следом раздаются гулкие удары, уханье-оханье упавшего кого-то в реку, убегающий топот ног. Над рекой эхом отдаются крики одного, другого: «Шайтан он, шайтан!», «Ну, цэргэс, отомщу я тебе!..»

Наши герои поднимаются. Абдул выносит Нафис на руках, она беззвучно рыдает...

АБДУЛ (бережно опустил Нафис на траву, остался на коленях). Ну-ну, дорогая, всё позади. Нафис, перестань... (Пытаясь отвлечь) Вот ведь как бывает, а!? Только рассказал о судьбе

Расили, и на тебе! На моих глазах повторяется такая же кража. Кто это были, Нафис?

НАФИС (постепенно успокаивается, утирая слезы). Это Сатрутдин с дружками. Он зимой сватался ко мне, говорил, ответа будет ждать до лета. На днях я снова отказала ему, вот и решил по-воровски взять, дурак.

АБДУЛ (отвлекая). А... другие кто сватались к тебе?

НАФИС. Да все холостяки вокруг, считай – и наши, и с Казанлы.

АБДУЛ. Ух ты! Неужели никто так и не приглянулся!? Не слишком ли разборчива невеста? Смотри, упустишь судьбу...

НАФИС(хитро улыбнулась). Ну почему же? Я уже нашла судьбу...

АБДУЛ. Так-так... Приятно видеть тебя с улыбкой, красавица! Ну, открывайся, давай, кто он? Поди, в Тобол-туре познакомилась?

НАФИС (смеется). Бери дальше, Алмазик!..

АБДУЛ. Значит, тюменский или ялуторовский кто-то!..

НАФИС. Не-э! А догадайся с трёх раз!

АБДУЛ. Так, ладно, дело это твое личное, никто не вправе вмешиваться. Кроме отца, конечно... Ты тут посиди пока, я ведра принесу (уходит)...

НАФИС. Ну, сходи... (Встаёт, поправляется. Про себя): Тоже мне, «кто да кто». Ещё джигит называется...

АБДУЛ (кричит с реки). Нафи-ис! Сестричка! Смотри, сзади тебя звезда засверкала! Это Чулпан звезда, звезда влюблённых!..

Картина вторая

Дом Багмана. Та же комната.

На саке, глядя в окно, сидит по-турецки Сабир, одной рукой крутит ручную мельницу, другой рукой сыплет в её

центральное отверстие пшеницу. Он в хорошем настроении. По-своему переиначив на сибирско-татарский лад, от души поёт известную песню:

Пеек игән оегес лә,
Ярык янган шэмегес.
Пеек игән оегес лә,
Ярык янган шэмегес.
Яныгыстан өц айландым,
Каты игән йогыгыс!
Яныгыстан өц айландым,
Каты игән йогыгыс!
Ишек алтым пославык ла
Таешып егылты тавык.
Ишек алтым пославык ла
Таешып егылты тавык.
Син мина кызын бирмэсэн,
Кутенэ цыксын сыславык!
Син мина кызын бирмэсэн,
Кутенэ цыксын сыславык!

(Распалается, продолжает припевку, не замечая входящих):

Эх! Яши туши таш яши, яши туши таш,
Яши туши таш яши, яши туши таш!..
Эх! Яши туши таш яши, яши туши таш,
Яши туши таш яши, яши туши таш!..

Папахами-питерками вперёд, еле протискиваясь в дверь, одновременно входят знакомые нам по первой сцене казаки в летней казачьей форме, оба с саблями на боку, винтовками в руках.

АГАФОН (тихо). Да не пихайся же ты, в дьяволомать, куда напирашь-то так?.. О!.. Тс-сс!.. Наш давний «знаком» никого не замечат. Ну что, как договорились?..

ФРОЛ (в тон напарнику, шёпотом). Дык, давай зачни, я подыграю.

АГАФОН (направив ружье на Сабир, во весь голос). А, вот же он, подлюка! А ну, руки вверх, шайтан!

САБИР (вздрыгнул, прерывает пение, пытается на карачках убежать наверх) Вай Алла, улям!..

АГАФОН. Стой, стрелять буду!.. Руки вверх, кому сказано!

САБИР (застывает). Ай, вай!.. Аллам, ты присылай за мной газраил? Мой Аллах, Сабирка признай, грешник он: материлсы, брага пил, мечеть не ходил, мало-мало молилсы! (Заглядывая под руку, переводит взгляд на казаков, на ружья, направленные в его сторону, встаёт на четвереньки. Показывая на свою мельницу). Дарагой газраил, слушай мне суда: приходи завтра, а? Я сделаю мука – тебе баурсак, сумса кушать дам, а? Не надо мне умирай делать, а?..

ФРОЛ. Ты почему упустил Абдула? Почему не расстрелял его, а?

САБИР. Ой! Тык-мык, это то?.. Ай!.. Тэк, вы, значитсы, ни газраил? Вы знакум урус люди, да!?! Ну, это, ой как хорошо мне стало... Уже легко мне стало... Урус люди Абдул спрашивал? Абдул мне сам чут ни убил, я чут убегай от его. Он как шайтан, скажу вам, ево сам чурт ни поймай. Ой, знакум люди, вам надо ни у мне спроси, у Багман ака надо спроси... Ай, харош казак урус, добрай люди. Сабирка думал, газраил мне на тот свет хочет... ой, хорошо-то типер стало мне...

Агафон и Фрол не выдерживают, хохочут, показывая на растерянного Сабир. В дом заходят Багман и Павел.

ПАВЕЛ. Что за шум, над чем хохочем, казаки?..

БАГМАН. Тык, это Сабирка смишит, наверны. Он у нас часто шутник бываит, однако.

ПАВЕЛ. Сабирка молодец, я знаю. Верный он помощник у тебя, каких мало.

Ну, казаки, вы дело знаете – занесите-ка рундук мой. Журнал начнем с дома старосты, уважаемого Багман ака.

ФРОЛ и АГАФОН. Бу сделано, ваше благородие (уходят).

БАГМАН (Сабиру). Син, Сабирчан, эйдэ, собери-ка быстренько на стол нам. А потом иди, распряги в загоне, дай корма лошадям наших гостей (Сабир тут же начинает суетиться вокруг печи и буфетницы: ставит на место тот же стол, вытаскивает посуду, закуски, одновременно прислушиваясь к речам Багмана). Видишь, снова к нам дорогой Павлуша пожаловал. Смотрю, крытая телега догоняет на улице, сзади два всадника. Возле меня останавливается. «Стоять!», кричит один из верховых. Я ведь сразу подумал про Абдула, что из-за него арестовать меня приехали. Потом выглядывает Павлуша, говорит, не бойсь, Багман ая, свои мы. Садись, говорит, дома у себя поймешь для чего нынче приехал...

ПАВЕЛ. Дык, казаки тоже народ шутейный. Еще в Казанлы прознали, что Абдул сбежал от тебя, и придумали, как разыграть вас. Нет, Багман ая, я не по Абдула душу. Мне нынче ещё важнее дело поручено. По России идёт Первая всеобщая перепись населения. Вот меня и направили в татарски деревни. Сказали, дескать, кому, если не тебе, знающему язык. Вот как выгодно сказалась наша дружба, Багман ая. А перепись – дело государственной важности, как оказалось: каждого гражданина отныне наперечёт поставят. Так что тебя, семью, дела твои, хозяйство и дом опишем во всех подробностях. Апосля пройдемся и по другим дворам.

БАГМАН. О, это очин нужный дело, думаю. А то вить умирал человек, а внуки внуков знать забыли ево. Это же нехорошо. А книга, она все учтёт. Очень рад за такой перепис. Рад, что опить тибе поручил руководства.

Казаки заносят тот же Павлов рундук, проносят по его указке вперед и ставят на саке рядом со столом.

ПАВЕЛ. Ты бы пока не суетил Сабирку с перекусом, Багман ая. Успеем. Давай к делу приступим, хочется за сѣдни хотя б полдеревни обойти (вытаскивает Переписную книгу,

чернильницу и ручку). А пошто не вижу Нафиску? Она тоже нужна здесь, лично должна присутствовать.

БАГМАН. Эи-ий, Павлуша! Даже полгода время не прошёл, как ты привез Абдул, – сбежали они вместея.

ПАВЕЛ. Как так? С Абдулом и Нафис сбежала? Это что же получается: он, паршивец, так быстро замутил ей голову? Ну и дела! Так что же ты-то? Вот так вдруг и позволил? Или сам согласие дал?

БАГМАН. Какуй согласий? Я за имя два охотники посылай – Сабирку и жениха Сатрутдин, верни живой или мертвай, сказал им... Никчемной они охотник получился, даже курицу бы ни поймай. Абдул вить военным служивый, сметливый, зарани угадай их. С дерева прыгнул на них, рассказали. Он их арканым связал вместея, ружье отобрал, пнул по задам и пустил обратны. Измученный пришли, плачут у мене тут. Ой, что я передумай... Один жы остаюс, Павлуша, совсим один. Очин обидно. Все отнял у мене Абдул. Убить надо мерзавца, а не могу никак, хучь казни мене, Павлуша. Вить я жы гаварил тибе: не смогу удержать Абдул...

ПАВЕЛ. Ну, не убивайся, Багман акя, не до него нам нынче. Не убил же он никого, не так ли?.. А Нафис... наверняка сама с им ушла, может, и на самом деле полюбила чертяку. К зиме возвратаются, думаю. Абдулу нет выгоды шляться по чужим деревням, любой староста тут же потребоват документ...

БАГМАН. Эх, боюсь, однак, Павел, не вернётся они...

ПАВЕЛ. Дык, время рассудит, Багман акя... Так, это... Казаки!

АГАФОН и ФРОЛ. Слушаем, вашбродь!

ПАВЕЛ. Вы свободны пока. Можете искупнуться в нашей Агитке, или поохотиться на щуку хотя б – здесь нам ничто не угрожат.

АГАФОН и ФРОЛ. Есть свободны, вашбродь (выходят)!

ПАВЕЛ. А теперь, Багман акя, приступим к делу нашему.

Открываю Переписную книгу... Ты это, говори по-татарски, знашь ведь, что я хорошо все понимаю, а посторонних рядом нет уже... Вот вишь: пронумерована каждая страница, разнована в клетки, куда аккуратно следоват внести все данные.

БАГМАН. А вы что, останавливали в казанских юртах? Откуда про Абдула узнал?

ПАВЕЛ. Дык, Багман акая, Казанлы я за вчерась успел переписать. От отца же дотуда всего десять вёрст... Сам знашь, за день много всяких новостей в деревне узнашь. Абдул там появлялся, оказыватся. Я ведь попутно и ссыльного привёз: к Кинчагулову Тимирбаю прикрепил осуждённого Рейко Степана из Житомирской губернии. Тимирбай этот и рассказал: оказыватся, твой черкес предлагал ему помощь в постройке нового моста. И не только моста. Он же сапёром служил, то бишь строитель всяких там укреплений, плотов, мостовых переездов через реки и болота... Так что Кинчагулов возьмёт его сразу, как река спадёт, ведь советчик-то Абдул – незаменимый...

БАГМАН. Да-да... Абдул как-то говорил мне про мины, взрыв дела... А я, получается, не сильно прислушался...

ПАВЕЛ. Ну, да ладно, продолжим наше дело. Сперва хочу вот о чём с тобой посоветоваться, Багман акая... Нас, переписчиков, разослали по деревням, расположенным по рекам. Агитка наша, само собой, стала моя сторона. Здесь, как ты знашь, Багман акая, до Казанских юрт после Вагай-реки, встречатся только одно поселенье – это дом моего отца. Кстати, к нему я доставил вольнопереселенца Карелина Ивана Петровича из Тамбовской губернии. Больно желат мужик отстроиться и жить своим домом. Апосля, говорил он, призовёт сюды и семью свою. Я долго думал дорогой к тебе: названия-то у этого места нету... Покамест здесь его обозначил так: вот тут страница именуется «Форма Б», и в графе «род поселка» я, карандашом, вот вишь, приписал: «Мельница».

И тут же сомненье взяло меня: мельница, она сегодня есть, а через год снесет её Агитка, да пропадёт охота поднимать по новой... Вот и хочу совета твоего: как ты-то думаешь, правильно будет название «Мельница», а?... В будущем, думаю, здесь ведь ещё кто-то поселится – место-то ой-ёй како изобильно, и красивое – глядишь, расширится домами, станет большой деревней, как твой Тугуз. Как тебе мое соображение? Как ты сам-то это место называешь?

БАГМАН. Ой, Павлуша, я вить даже подумать не догадался об имени этого места... Аул-деревня... «Мельница»... Хм-м... Когда попутчики спрашивают, подходя, где будем ночевать, я всегда: «У друга, в Митькином доме заночуем», говорю...

ПАВЕЛ. «Митькин дом», говоришь? Эх-ма!.. Интересна получатся картина-то... «Митькин дом» – «Митькин дом»-«Мить-ки-но»... Во же! Очень даже глянется мне, как же я сам не додумался-то?... Ну, дык... постановляю посему и быть: «Митькино» будет зваться моя родина! Багман ая, как же хорошо ты подсказал-то! Подходяще название, верней не найти. Ведь многие названия деревень на «ово», «ево», «ино» или «ное» заканчиваются... Здорово-то как! По имени моего отца будет зваться деревня наша! А что, и правильно, он же там первый отстроился! Это мы апосля отметимо бязательно, Багман ая, большущее спасибо тебе, дорогой! Я обскажу отцу, как ты подтолкнул меня на название будущей нашей деревни!..

САБИР. У меня всё готово, ая!..

БАГМАН. Паша сказал, не будем пока, Сабир. Сперва он в эту книгу запишет всё про нас. Иди, за лошадьми пригляди.

ПАВЕЛ. С обедом и лошадьми не торопись, Сабирка, успеем, сперва хочу вас записать. А делов недолго будет у нас, жильцов-то двое всего... И так, «Переписной лист 1, форма А». Пишу под номером Один: «Род поселка Тукуз, Уватской

инородной волости». «дом номер Один... деревянный, сосновый, пятистенный, два этажа, четыре комнаты, крыша...» Чем крыт дом, Багман ая?

БАГМАН. Тык, это... такта же...

ПАВЕЛ. Значит, доска. Пишем «... крыша деревянна, сосновым тёсом крыта». В хозяйстве...» Перечисляй постройки свои, Багман ая, а то я могу не все учёсть, в общем, что и где размещашь (слушает и пишет).

БАГМАН. Пиши: коровы, телята, бычок – в кура, а!.. в сарай-коровнике, с загородкой для каждого. А как имена ихние, пишем?.. Нет?.. Дальше пиши: «курятник», где тавык-курицы, здесь же гуси... в другой половине... Не пишем? Так, атлар... э, по-русски лошада значитсы: это кобылы, конь и два жеребец – все они в этом... как это... лошарни, эий, в конюшне – у каждого своя клетки. Как звать, имя пишем? Нет...В другой половине овцы... сколько их у нас, Сабирчан? Двенадцать – в второй половине сарая. Половину, значит, не надо?..

ПАВЕЛ. Не, это не пишем, только отдельны строения, из брёвен если.

БАГМАН. Собаку в конуре?...Ай, не пишем... Ещё есть эта, где инструменты Сабирчан собирает. Нет?.. А вот же ещё: «баня» пиши, тут я крышу плахами, а на их землём... крыл...

ПАВЕЛ. «Баня...» само собой вписывам, «крыша... земляная насыпь». Мастерска ...или столярка Сабиркина – важно место, конечно. Но она же из досок сколочена - не, не пишем, да тут уже и места-то не осталось. Теперь переходим в Форму Б. «Хозяин дома...» А вот тут нам так объяснили, Багман ая: раз у вас фамилий до сих пор не было, то ее зачинать надо-ть с имени ближайшего из предков, лучше – с родителя. Теперь у всех наших татар, у кого не было, тоже фамилии будут – у каждой семьи своя. Помнишь наверно, когда мне расписку давал на Абдула, у него ведь фамилия была уже. Кавказцы, выходит, опередили вас... С отца, стало быть, начинам, да?

БАГМАН. Пусть будет так, Пашка. Отец у меня, ты знавал его, был Багаутдин, значит. А он сын Бадрутдина был.

ПАВЕЛ. Ну, дык сам бог велел стать твоему роду всему Богаутдиновы... Так и в книгу запишем: «Хозяин ...Багаутдинов Багман...», отчество, естессно - «...Багаутдинович. По сословию – инородец, вера – магометанска». Дальше идет графа «работа». Ну, тут, понятно дело, запишем: «купец...» А...какого ранга ты купец-то у нас, сам-то хоть знашь?

БАГМАН. Ранги, баранги ...ничего не знаю жы я, Павлуша. У зимляков Тугузских товар беру, и в Тобол-Туре, Ялуторе продаю, деньгам или товаром, как заказали, расплачиваюсь.

ПАВЕЛ. Да... Ну, запишем «сельский купец». А «подённые», то есть други каки побочны работы у тебя ведь тоже есть? Запишем. Ты же скотину, птицу на мясо отращивашь (пишет), и «шкуры...» с них, «...перья на продажу», значит, впишем. Да «кузнечное дело» у тебя – сюда же... В Казанлы мне много таких дел называли, вот записал: «корзины плетет для продажи», «охотник на птицу и мех зверя», «вяжет крючком и спицами», «рыбачит», «сети вяжет», «собирает дикоросы», «шишкует на орех кедровый»... Много чем выживает сибиряк-то. Ни к кому не казуя претензий. Молодцы, что тут скажешь - никто не бездельничат...

БАГМАН. Ещё мы с Сабирчан рожь, пшеница сеим...

ПАВЕЛ. О! Знал же, чуть не забыл тако важно дело-то! Это, значит, будет в «Основное занятие». Запишем «землепашество...», как учили нас. Да «огородничество» твоё тоже заношу... Ну, дык вот и всё. Ты уже в Переписной книге, Багман ая! Вписан отныне навсегда, так-то вот. Считай, вошел в историю... Не знаю, что делать с сестрёнкой Нафис... Ну да ладно, я ведь ещё вернусь к тебе, тогда и впишем... Тут есть клетка «Работник на хозяйстве». Значит, сюда внесем Сабирку. Иди-ка поближе, Сабирчан ая, садись супротив...

В это самое время слышится движение в сениях. С непокрытыми головами вперед, толкаясь друг с другом, входят полуголые казаки без ружей и сабель. Сабир и Багман в недоумении.

ПАВЕЛ (разводит руками). Как это понимать, товарищи-казаки?

АГАФОН(обернувшись назад). Да не пихайся же ты, кому говорят, идём же. Пихатся и пихатся, чтоб чорт тебя побрал, чертяка с Казбека...

ФРОЛ (плаксиво). Верни нам одёжу-то хоть, сосланец чёртов. Вашбродь, Абдул арестовал нас...

АБДУЛ (Он в новой черкеске, входит сзади казаков, с их ружьями за спиной, в руках сабли в ножнах). Проходи вперёд, бравые, садись рядом с командиром... Никого я не арестовал, командир. Я им науку преподнёс, чтоб не теряли бдительность. Разве можно расслабляться в командировке? Пока один купается-моется, другой должен стеречь на берегу. Мало ли что. А если бы кто выкрал ваши ружья? Такому порядку не учили их, что ли, командир?

ПАВЕЛ. ...Учить-то учили, но они, понимаешь ли, помнят это лишь тогда, выходит, когда начальство рядом... Ладно, с ними разберёмся апосля. Ты-то вот для чего объявился здесь, Абдул? Ведь за побег от хозяина могу и приговор о казни привести в исполнение...

БАГМАН. Где Нафис, хайван? Я к тебе, варнак, с сочувствий... Даже на сабантуй разришил в скачках. Лучшего скакуна – Бурана - в приз тебе дарить от два аула позволяй...

ПАВЕЛ. Пошто так Багман акая, ну рази можно было ссыльному коня-то доверять? Ты, получатся, сам его надоумил бежать?...

БАГМАН. Вишь ли, друг мой Павлуша... Мы два аул соревнуйся на сабантуи. По-очиредь выставляй коня в подарок лучему наездники за победу. Нынче моя черед был – призом был мой Буран. Чей наезник победит, конь его. Абдул взял же-

ребца соседа Чагвара, и первой прискакал, ещё всих удивляй джигитовка своя... Не стану жы отбирать при всем народ...

ПАВЕЛ. Но он же коня не в тайге – у тебя держал, наверно? Пусть хоть и его теперь это конь... Хотя... Что тут ещё сказать, не знаю даже, что и подумать... В общем, сам виноват, Багман акя... Озадачил, однакось... А вот теперь-то что с ним будем делать?.. Где Нафиску оставил, Абдул? В Казанлы, что ли?

АБДУЛ. А вот этого я вам не скажу, уважаемые. Я приехал к Багман абый, чтобы сказать: мы с Нафис любим друг друга, Багман акя! Ещё раз просим тебя: позволь нам жить вместе, и мы вернёмся к тебе, будем работать, как работали, жить рядом, опорой тебе...

БАГМАН. Нет у мене прощений к тебе, варнак. Казаки, Павлуша дарагой, растрели его!

АБДУЛ. Значит, не договорились...(Резко скомандовал) Так, не двигаться, казаки! Оружия я вам верну. Но оставлю без патронов (извлекает патроны, кладет в карман, ружья приставляет к стене). А то всякое можете надумать... И ты, командир, сними-ка портупею свою – прошу без лишних движений, иначе применю силу, бросай мне под ноги (не спуская глаз с казаков, вытаскивает пистолет, кобуру бросает обратно в руки Павла, проверяет заряд, сам пятится назад, командует) Сидеть на месте, не двигаться никому! Не выходите из дому, пока не услышите топот копыт! Сабли свои, пистолет и патроны найдёте в собачьей конуре (выходит)...

АГАФОН (раньше всех опомнившись). Я обещал тебе приемчик от меня с патрончиком в задницу (выскакивает следом)...

Через некоторое время слышится удаляющийся лошадиный галоп, хлопок пистолетного выстрела, следом другой. Пришли в себя все оставшиеся, бросаются вослед Агафону...

Третья картина
(финальная сцена)

Та же картина, только за окном вид золотой осени. Заметно, что в комнате давно не прибирались. За столом с остатками закусок сидит Багман с глубокого похмелья. В одной руке двухлитровая бутылка с самогоном, в другой кружка, выпитая почти до дна. Руки дрожат, пытается добавить самогона в кружку... Так и не попав с третьей попытки, допивает то, что есть, и швыряет кружку в угол. От грохота просыпается Сабир, спавший на полу между печью и буфетом. Поднимает голову, озирается, видит хозяина, через силу приподнимается, на коленях ползёт к столу.

САБИР. А, это ты, Багман ая, когда ты при-пришёл-то?... Как ты в моем доме ока-казался? Нихаль, родной мой...чел-человек! Ты это... опо-опох-охмели...лилил-лся? Откуда еще бутылка появилась? ...Погоди, так это я у тебя, что ли?... Почему не раз...будил, я бы и сам сбе-сбежал...

БАГМАН. Разбудишь тебя. Даже распинать пытался, спишь как дохлый пес. Вставай, есть к тебе дело у меня.

САБИР. Какие дела, ещё не веч-чер же, Баг...ман ая. Я с утра чин чинарём всё: под коровами это... почи-чистил, подоил их, и вывел в это...в загон; а гуси к реке ...сами это... пошлёпали; яйца из-под... кур... со-собрал; лошадей с этими... торбами оставил, наверное, хрю... хрум-кают ещё. Овцы пасутся под ...этим... под присмотром племяша, скоро сам... сменю его. Ладно, сейчас пос...смотрю, может, воды на-надо в корыта, день-то жа-жаркий, со-со...лнечный...

БАГМАН. Стой! Садись рядом, и слушай сюда, что я решил... С этой минуты знай: ты ничего мне не обязан, живи. ... Живи, как хочешь, по-понял?..

САБИР. А?! По-по-нимаю... О-о-чень пони-нимаю... Бедный ты мой Багман-ая... Давно не пил, закалку рас-стрелял,

ой, рас-террял, и вот результат – чуток брень-кнулся, чушь соба-бачью несёшь. Надеюсь, быстро прои-пройдёт. Поэтому, ду-думаю, тебе уже не-нельзя этого шай-шайтан-пойла, уберу-ка под-подальше с глаз (тянется к бутылке)...

БАГМАН. Не трогай! Пока ноги не протянул, я ещё староста ваш... Принеси мне сверху шкатулку, где бумаги мои.

САБИР. Ну, это-то я ми-мигом. Сейч-час, Багман ая. Только ты не это... не пей пока, хорро-рошо!?

БАГМАН. Сам знаю, что мне хорошо, что нет. Быстро давай, одна нога там, другая здесь...

САБИР (быстро на четвереньках взбирается вверх, не долго возится там, возвращается, почти съехав на заднице). Вот, Багман ая, вся твоя канце... целерия...

БАГМАН. Я тут написал завещание (извлекает из шкатулки бумагу). Всё своё хозяйство... Вот почитай.

САБИР. Зачем мне читать чужое. Нафис вернётся, вручишь...

БАГМАН. Ты ничего так и не понял, что ли, куриная башка? Сам ведь не раз искал их. Двоих с Сатрутдином отправлял вас – вернулись, тетери, связанные одним арканом... Должен был убедиться: не покажутся они, пока я тут...

САБИР. Уж прим-мирился бы, Багман ая, а? Ну, простил бы их, глядишь, верну-улись бы. Сам как-то гово-ворил: мил-лостьюс-сильного разрешаются любые ссо-ссоры. И что даже ...Пророк...умел прощать...

БАГМАН. Поучи ещё тут. Разбойник этот разрушил все мои планы. Не будет такому прощения. Вот, читай, тут черным по белому написано: все свое добро завещаю тебе... Ты хозяин всему, что перед тобой: хочешь, живи тут, хозяйничай, не хочешь – распродай к чорту матри...

САБИР (уставился на Багмана, крутит пальцем у виска). Мне?! Ты чего это, башкой об косяк удар-дарился? Я даже чит-читать не стану дреб-бедень такую. Мало ли что взбредёт

с бодуна. Зачем, для че-чего, и почему вдруг мне-то? Что мне с доб-бром таким делать? Мне и моего вполне хватает. И рано ты затеял это. Не к добру это. Ай-яй-яй! Дугу об колено гнет чело-человек, а туда же. Как пить дать – перепил...

БАГМАН. Тогда вон с глаз моих, дурья башка. Передам Нурулле хазрату. Он обнарудует.

САБИР. Вот это правильно, Нурулла – не я дурак. Так как ни ему, ни мечети без надобности добро твоё, Нафисе он и передаст бумагу. А покамест, дай-ка мне похе-похе-хмелиться, и я пойду, некогда мне тут ля-лясы точить.

БАГМАН. Вот тебе кукишь мой после этого, на, похмелись! Вон с глаз моих, к чортуматри, шайтан алгыры!

Сабир что-то бурчит под нос себе, пожимая плечами, уходит. Некоторое время Багман сидит, молча раздумывая, что дальше предпринять. Вдруг сильно встряхнул головой, сделал глоток из горла бутылки, ищет, чем закусить, не находя на столе ничего подходящего, занюхал рукавом, еле встаёт, направляется в другую комнату. Чуть погодя, что-то жуя во рту, возвращается с ружьём в руках. Долго возится с ним: ломает его, извлекает патрон, дует в дуло, смотрит, вставляет патрон обратно в ствол, взводит курок, кладёт рядом с собой.

БАГМАН (размышляет про себя. Звучит его голос). Вот и ты, Багман, докатился до того, что сам себя вынужден спросить: для чего же жил ты, человек, на этом свете? И ответ знаю наперёд, ведь дураку понятно: для того, чтобы продолжить род свой, чтобы близкие с добром тебя потом вспоминали, когда покинешь их. Так вот и ты, Багман, жил до сегодня. И была у тебя семья, как у всех, мечта как у всякого. Четырёх дочерей родили, подняли на ноги со своей Бибинур. Дело своё какое-никакое наладил, чего до тебя никто, и потихоньку шло дело в гору, сельчане даже старостой избрали. Имя твоё стали вокруг с уважением называть... Но... как-то так получается, что все твои старания оказались впустую, ожидания посте-

пенно стали ускользать мимо. Когда, где ты споткнулся, даже не заметил... Сына тебе почему-то не подарил Аллах. Две дочери ускакали за мужьями в чужие края – теперь даже носу не кажут здесь; третья утонула, вызволяя мать из болота. Одна ниточка оставалась. Это была твоя последыш, помощница во всем, гордость твоя, красавица-дочь Нафис, верил, она-то непременно станет наследницей. Хотел ты, чтобы здесь, рядом с тобой семейное гнездо своё свила, внука подарила, чтобы было из чьих рук принять стакан воды перед смертью... И тут, вдобавок ко всем этим напастям, откуда ни возмись, появляется чужак на мою голову. Как паршивого барана в стадо подсунули: на тебе дерьма, Багман! Все мои планы порушил, иблис. За что, эй ходасем, сделал ты мне такую подставу? И что ты теперь, Багман? К какому итогу, получается, пришел ты? Один, как пёс безродный, остаёшься ведь. Для чего, для кого ты так старался всю жизнь, и пуп рвал все эти годы, а? Ни детей рядом, ни внуков. Ничего из накопленного не греет душу в доме пустом. Кому ты такой нужен? Раз так, для чего тогда мне и жизнь-то такая, о Аллах?..

Не прерывая монолога, Багман снимает носки с ног своих, берёт в руки ружье, не торопясь прилаживает его дулом к подбородку, прикладом ставит на пол, прижимает ступнями, тянется большим пальцем ноги к спусковому крючку. В это самое время слышит на улице шум, лай собаки, смотрит в сторону окна.

БАГМАН (вслух). Застрелиться... ещё успею, кажись (Поднимает ружьё прикладом к плечу)... А вот же они сами, однако!.. Как говорится, на ловца и зверь! Два дурака избегали всю тайгу, не смогли изловить, а ко мне жертва сама в руки идёт. Вот и исполню приговор, никакой царь не помилует теперь...

Открывается дверь. На пороге коленапреклонённо стоят молодые Нафис и Абдул. У виска его – обрез. В руках у беременной Нафис черкесов кинжал, направленный к животу.

НАФИС (твёрдым голосом, не терпящим возражения). Не торопись, ата, успеешь. Мы знаем о твоём приговоре. Но исполнить его можем сами. Только знай: вместе с собой унесём и первого внука твоего...

БАГМАН (вздвогнул). Ай! Что!?!.. Чего это ты? Какого внука?.. Внука?! (Застывает, будто загнипотизированный словами дочери. Машинально поднимает ружьё, руки дрожат, пытается прицелиться в голову Абдулу. В это время Нафис делает резкий замах кинжалом над животом своим. Видя это, Багман, как ошпаренный, кидает ружьё в сторону, сам медленно падает, начинает елозить по полу, плечи вздрагивают, плач становится всё сильнее, переходит в звериный почти рык и рев). Ай, Аллакаем, что же это такое творится-то на свете? Что это со мной-то происходит нынче, и ходаем? Что вы-то со мной делаете, негодяи?.. Люди, эй, люди! Видали вы глупца глупее всех на свете? Вот он – перед вами! Смотрите, смейтесь надо мной, показывайте на меня пальцем, тычьте мне в лицо: я свихнулся! Я последний оставшийся на свете дурень из дураков! Я – скотина! Я – тварь неразумная! Я подлый ишак! Люди, смотрите, смейтесь надо мной! Лю-ди-иии, я с ума схожу-у-у!!!..

Тихо наползает занавес, Багман катается по полу...

А где-то в благополучном подлунном мире стреляют пушки, салютуют в честь рождения королевского внука. И взвиваются фейерверки, порхают стайки голубей, улетают в небо цветные шары, бумажные фонари. А наш герой рыдает в дальнем далеке Сибири, не находя себе места. Ревмя ревет, не зная, что делать, как поступить, как жить...

Наталья Денисова

РАССКАЗЫ

Катанцы

Ты пошто давно вести-то никакой не подаёшь? Ладно ли там у тебя всё? Али забыл нас? Городски нынче, дак что вы! Некогда вам, куды-то всё торопитесь, а каки дела-то у вас? Да ладно, ладно, ужа сам приеду, погляжу чего вы там и делаете. Я чево тебе рассказать-то хотел, така история у нас тут ноне была интересна. К Дуське-то, ну знашь ли, на почте работат, девка старша приезжала из города. Она у ей на фельшеричу учится. Ну, так вот, приехала, вся така модна, ничаго что наша, деревеньска, в городах-то научилась форсить. И были у ей таки сапожки, чёрненьки, узеньки, на каблучках. Она в их ну прям как ярка скаче, как и может-то? Так чево, стояли эти сапожки в сенцах, а там ишо и стары Дуськины сапожищи да катанцы притулились. Сапожки-то эти стали глядеть по сторонам, зырк, зырк. Видят, сапожищи рядом стоят, чего-то они им сразу не пондравились, может, фасону не того, а може, навозом пахнут, не знай, чево. Только горожахи ети аж сморшились, носы задрали, отвернулись. Глядят – катанцы поставлены. Катанцы-то им больше приглянулись, те и почище будут, и не вонючи. И стали ети сапожки с катанцами-то беседы вести. Ладно так рассказывают: как на городах живут, чего видали, где бывали, а катанцы слушают, дивятся. Катанцы-то просты, им что сказали-то и правда. И стали они думать: «А чего это мы тут сидим, ничаго не видали, други вон как живут, а мы чего хуже?» И вот засобиралась девка-то Дуськина на города обратно, а катанцы скок, да и залезли ей в котомки. Котомок-то полно, мать и того, и другого напяхала девке-то. Ну, чаво, приехали в город. Девка котомки-то растрясла, глядит – катанцы! «На что они мне тут», – думат, да и швырк их

в угол. А сапожки те стоят на почётном месте, про катанцы и думать позабыли. Ну, а те – ждут, когда жись-то городска начнётся. Ну, чево, сапожки всё где-то летают... Катанцы думают: «Нам бы хоть глянуть, что за город-то, из чево хоть сроблен». Заскочили на окошко-глядят... «У, как... где тут и земля-то у их, камнем-то все заложено и травинки-то где расти. Домищи большаши, серы, хошь даль-то увидеть, а некак...». Загрустили катанцы. Ляжат в углу... скучают, Дуську вспоминают. Так до зимы доляжали. Пыльны уж все стали. Вот и зима прика-тила... Ну, думают катанцы, может теперя сгодимся? Ан, нет... Все ляжат, девка в их сторону и не глянет. Опять к окну, они, значит, прыгнули. «Может, чего у их тут в городах с зимой не так, кто знат?» – думают. Ну, и правда. В окно-то уставились, а там.... На дорогах-то не снег, а каша кака-то, грязно, мокро, куды тут в катанцах. Завыли в голос, ляжат в углу, жись свою в деревни-ти вспоминают. Как, бывало, выскочат на снежок, то по двору, за дровами, то на реку до майны, то в лес за метёлками бегут...А снежок лёгкий, щекоче, аж до чихоты....Али бывало в храм Дуська-то пойде зимой, а там хорошо... тепло, жонки поют...Бывало, и домой забежали, и в гостях бывали. Все новости узнашь бывалоче. А тут чево.... Глядишь и моль сожре....А тут девка-то к матери опять засобиралась, а катанцы тут как тут, скок в котомки, сидят не шолохнутся, лишь бы к Дуське скоре, в деревню. Добрались, горемыки. Дуська котомки-то прибирала, глядит – катанцы! Обрадовалась! Она их ведь сколь искала, думала, куды девались-то. Без их-то как? Зима! А катанцы радёшеньки, никаких им городов не нать, одно поняли: «Где родился, там и пригодился!»

Словарь:

Катанцы – валенки, ладно – хорошо, ноне – нынче, сроблен – сделан, форсить – модничать, теперя – теперь, жись – жизнь, чихота – чихание, майна – прорубь, ярка – овца, бывалоче – бывало, не нать – не надо.

На века...

Ох... Вьюжит-то как ноне... Завыват... Метёт...Ажно в трубы гудит... Завтра из избы не выбересся, снегом завалит... Ох-хо-хо... Косьё ломит... Старость, старость... Ишо тот угомон... Малой был, всё понять не мог, чево бабка, как непогодь-то, всё кряхтит, припарки каки-то прилеплят то на ноги, то на руки... Тепереча понятно... Я бывало малым-то скачу, скачу вокруг бабки-то, прошу: «Баба, давай тритатушки, баба, покачай на ножки!» А та: «Не могу ноне, голубеюшка, давай хошь басню каку скажу». Посадит меня рядышком на лежанки-то своей за печкой и давай чево ли сказывать, то сказку каку, то байку, а то и песню затыне. Дельно так у ей выходило. Я притулюсь к плечу-то ейному сухонькому, сижу, слушаю... Бывало, и засну под говорок-то. А бывало такой сказ заведё, не заснёшь... Которы и поныне помню. Хошь скажу? Ну слушай...

На далеком Севере, за морями холодными, за снегами жгучима стоит лес-тайга. В лесу том, меж крутыми, скалистыма, высочашшими берегами бежит река Сотка. Отколь тако имя у ей, не ведаю. Нрав у реки той не простой. То тиха она, как монашенка... То неуёмна, бурлива, игрива, как молода кобылица...

Когда не ведамо, поставлен был править в тех местах Лесной царь – дух Северной тайги. Все в его власти-то были: от былинки до дерева могучего, от мураша до медведя. И ветры и воды, и зима с летом, и осень с весной. Суровый, непреклонный правитель достался пинежскому-то краю... Попробуй, отступи от его воли... Никого не пощадит... И была у того царя единственна дочь – Алатырка. Красива девка! Сама стройна, тонка, что молода берёзонька. Кожа бела, нежна, что лепесточки подснежника. Волосы шелковы, до колен вьются, что волны речны, золотисты, что лучи солнца утреннего. Глаза цвета изумрудного, что травка вешняя. А губы – малина в

соку... Берёт Лесной царь дочь свою от глаз людских, оттого и забрался в глушь-то етаку. В те места-то люди редко заходили, далёко больно. Да бывали и отчаянны, которы ничаво не страшатся. Вот один екой парень и повадился как-то к Сотки-то заходить. Еремеем кликали-то его. Был он знатный охотник и рыболов. Никогда уж домой из леса да с реки пустой не приходил. А тут места не хожены, богаты... Что лес, что река. Вот как-то рыбачил Еремей на Сотки-то, вдруг слышит, песня над рекой льётся, голос девичий, звонкий. Обернулся, а там Алатырка! Идёт бережком, платье бело на ветру развеивается лёгким облаком ... Тут и забыл себя Еремей... Да и Алатырка, как увидела парня-то, так и поняла – не жить без его...

Кажный день стал прибегать Еремей к Алатырке, ничаво, что дорога-то дальняя, тяжёла, через лес, мурги да коряги. Дома-то одному иша хуже... Мать только дивилась: «Где парень пропадат, уйдёт со снастями, воротиться без рыбы! Никогда такого с им не бывало!»

Всё сильней любил Еремей Алатырку, звал с собой в деревню. «Пойдём, поклонимся Лесному царю, благословения попросим», – говорил он девке-то. Алатырка ни в каку! Знала, никуда не отпустит её батюшка и его не пощадит. Да сколько ни скрывала, прознал Лесной царь, про тайну-то ейну. Разозлился, разбушевался, наслал такую бурю на деревню-то парневу! Поселе помнят. Пригрозил Алатырке: «Узнаю, что с Еремеем виделась, оборочу его в камень и деревню разнесу!» Сколько после етого приходил Еремей к Сотки, звал, искал Алатырку... Дожди ли, мороз ли, али солнце жарит... Нет никакой! Куды сгинула? А та – тутотки, рядом, да не покажешься... Бывало, спрячется где ли – слёзы дожжём осенним... Просит, просит шепотком-то: «Забудь, забудь, не ходи...». Измаялась, иссохла, девка-то, померкла ейна красота, сгорело сердце... Как-то услышала Алатырка крики Еремея, не было

у ей боле мочи терпеть... Взлетела она на скалу, что над Соткой-рекой высилась: «Лучше уж совсем не жить...»

Увидал Лесной царь дочь родну на краю погибели, понял, что ничаво ему с ей не сделать и оборотил в камень, пусть хоть така, а с им будет... Только и успела крикнуть девка: «Еремей...» Услыхал парень голос любимой своей, обрадовался, поднял голову-то... А там Алатырка... Замерла в камне, вросла ногами в бездушну твердь берега... Молчит... Смотрит незнамо, куда... Закричал Еремей, как зверь раненый, посерел от горя, вмиг угасла в ём жись, стал и он холодным камнем-валуном... Сколько уж веков смотрят они друг на друга издаля... Алатырка с крутого берега Сотки, Еремей у самой воды...

Хошь, дак приезжай, доберёсся до Сотки-то, сам увидашь. Алатырку-то ноне Хозяйкой Сотки кличут. Хаживали в те места охотники, да рыбаки, сказывали, что видали там парня с девушкой. Гуляют они по берегу Сотки... Грустная песня тонет в водах реки... Ето Царь лесной, раз в год, по весне, когда день равен ночи, сымат с молодых-то чары свои... А к утру...

Вот и сказ весь...

Ты-то хоть свою любовь береги, коли есть, а коли нет, дак будё... Любовь – дар большой... Беречь ей нать. И свою, и чужу. А коли уж своей-то нет, у других-то не тронь. А то вишь как быват...

Словарь: Алатырка – славянское имя, со значением «несущая в себе всё», происходит от названия славянского оберега – Алатырь; ишо – ещё; тепереча – теперь; голубеюшка – ласковое обращение; етаку – такую, екой – такой; тутотки – тут; ето – это; жись – жизнь; дак – так.

Залина Лукожева
ЗОЛОТОЙ ЛАКУМ
ДЛЯ КРАСНОЙ КОРОВЫ

(новелла)

– Нана¹³! Нана!

Женщина вздрогнула. Поволока воспоминаний больно слепила её. Сильно потеряв глаза тыльной стороной ладони, она часто заморгала и сбросила с ресниц слезы.

– Здесь я, здесь.

– Ты опять где-то далеко, нана, – упрекнула её внучка.

– Вернулась уже, Ниса, – тяжёлым шёпотом оправдалась она.

– Ты плакала?

– Пылинка в глаз попала.

– Ты хотела сказать, мучинка?

– Какая-токая мучинка? При чём здесь мУка?

– Не мУка, а мУКА. У тебя руки в муке. – Ниса, не моргая, смотрела на нее. Но уголки её губ, готовые растянуться в широкой улыбке, предательски подрагивали.

– Ааа... А я, старая, подумала о...

– О чём?

– Не важно. Да, ты права, мне в глаз попала мучинка. Ха-ха-ха. Слово-то какое... Дадим тесту подойти, набраться сил.

А когда оно надуется и приподнимет крышку, начнём жарить лакумы¹⁴.

¹³ Нана (Нанэ, кабардино-черкесский) – бабушка

¹⁴ Лакумы – жареные пышки, которые готовят на праздники, поминальные мероприятия (иногда едят вместо хлеба). Лакумы – обязательный компонент поминального набора. У адыгов оно обозначается термином «жъэрэмэ» («запах жарящегося теста»). Это созвучно с античными представле-

– Надуется, как рыба-фугу?
– Какая такая рыба-фугу?
– Круглая, в пупырышках, словно её кто-то изнутри надул.
– Ниса смешно раздула щёки и раскинула руки в попытке показать форму рыбы.

– Страшная твоя рыба, – отмахнулась нана, – а значит, невкусная.

– Конечно, невкусная, она ядовитая.

– Ты сума меня сведёшь! То мучинка, то ядовитая рыба...

Стол лучше протри.

– Прочетыре?

– Что?

– Ты сказала проТРИ, а я – проЧЕТЫРЕ. – Ниса солнечным зайчиком прыгала по кухне.

Угроза наказания за озорство повисла в воздухе.

– Наночка, я же просто хотела тебя отвлечь, – прядась то за холодильник, то за кресло, хохотала Ниса. – Ты сегодня грустная, уходишь мыслями так далеко, что когда возвращаешься, не узнаёшь меня.

– Сегодня же четверг.

– День, когда мы жарим золотые лакумы?

– Да, а ты мне шутки шутишь, вместо того, чтобы помочь!

– Рука, вооружённая полотенцем, обмякла. – Ниса-Лисонька-Лиса. И в кого ты уродилась у нас такой?

– Может, в твою сестру, памяти которой мы жарим лакумы?

Женщина грузно осела в кресло. Белое покрывало страха заморозило её лицо. А ведь и правда, внешне внучка Ниса

ниями о том, что боги узнают о предназначенной им жертве/дарам по дыму/запаху жареного. (М. А. Текуева, Е. А. Нальчикова, «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»)

очень похожа на сестру Нису. Такие же рыжие, с краснотой, волосы, такие же глубокие глаза, цвета перезрелой вишни.

– Нана, расскажи мне о ней. Ну, пожалуйста. Почему первый лакум мы кладём под старую яблоню?

Женщина долго утюжила полотенцем линии на ладонях. Затем, выглянув в окно, из которого были хорошо видны безжалостно обрезанные, но привитые молодыми черенками ветки старой яблони, сказала:

– Скотина стареет шкурой, а дерево корой... Хорошо, Ниса, слушай.

Это случилось очень давно. Наш сад был молодой, но на удивление плодovitый. Абрикосы, сливы и груши. Сколько их было! Не перечесть! Так много, что по утрам, бывало, приходилось сгребать падалицу лопатой и относить в коровник красной кормилице. И яблоки в тот год уродились на славу. Самые красивые и самые вкусные во всём селе. Из города приезжал главный агроном и всё выпытывал у отца, чем он опрыскивает, подкармливает и поливает деревья. Соседи и родственники отрезали ветки на черенки, но ни у кого они не налились соком и не привились. Почему? Не знаю. Не помню. Маленькая, была, как ты сейчас.

– Тебе было двенадцать лет?

– Да. А сестре моей, Нисе, восемнадцать.

Так вот, созрело на одном дереве очень большое и очень красное яблоко. Его багряные бока просвечивали золотом, словно солнце целовало его сквозь решето. Когда у Нисы спрашивали, действительно ли оно такое большое, она разводила руки, надувала щёки и говорила, что глаз от него невозможно отвести. Ниса заглядывала в соседские сады, а потом приходила домой и рассказывала, что у одних яблоки червивые, у других перезрелые, у третьих недозрелые, у четвёртых маленькие, а у пятых уже на дереве сгнили.

Не было в селе девушки красивее Нисы. Косы цвета пере-

зрелого каштана вились ниже пояса. А в глазах цвета перезрелой вишни теплились солнечные крапинки. Она не ходила, а летала, как орлица в небе. Не разговаривала, а пела, как малиновка на рассвете. И всегда была чем-то занята, как суетливый воробышек...

Много женихов к ней сваталось. И всех она отправляла восвояси. Не хотела замуж. Один был, по её словам, кривой, другой – хромой, третий – рябой, четвёртый – бедный, а пятый вообще одной ногой в могиле стоял.

– А яблоко?

– Какое яблоко?

– Самое большое и самое красивое яблоко. Кому оно досталось?

– Ты про яблоко... Висело оно на дереве до поздней осени. Сад уже сбросил и плоды, и листья, а оно всё не хотело падать. Крепко повисло на ветке. Ни дождь, ни первые заморозки не смогли ослабить его хватку. Но однажды с гор спустился неспешный густой туман, за которым увязался сильный ветер. А через несколько часов на сад обрушился ледяной дождь... Не удержалось красное яблоко на ветке... шлёпнулось прямо в грязь.

В ноябре, когда клин диких гусей прогоготал, улетая на юг, Ниса исчезла. Её украли для влиятельного вдовца из соседнего села, того самого, который, по её словам, стоял «одной ногой в могиле». Утром, когда осень расплакалась холодными слезами, приехали его родственники, и родителям ничего не оставалось, как дать согласие на брак... У меня до сих пор перед глазами стоит её белое лицо, изборожденное серыми полосками слёз... Ты знаешь, Ниса, раненные от удара об землю яблоки, покрываются сеткой трещин и долго не хранятся...

– А что случилось самым красивым яблоком, которое упало в грязь?

– Его съела наша красная корова.

Прошло время. Снежная зима растаяла под натиском весны. Радуясь солнцу, я побежала на окраину села, посмотреть на вернувшихся из тёплых краев птиц. Мне очень хотелось увидеть журавлиный танец. Но на поле опустилась лишь одна птица. Она, понуро склонив голову, шагнула в холодную лужу и жалобно закурлыкала. А после полуночи, когда малиновка журчанием возвестила о скорой заре и протяжно замычала наша красная корова, в моё окно постучала Ниса.

Я выбежала, и мы побежали в наш, ещё не пробудившийся после зимы, обнажённый сад. Ниса долго смотрела то на меня, то на ту самую яблоню, на которой до поздней осени висело самое красное яблоко. А потом, крепко, до хруста в костях, она обняла меня, звонко зацеловала лицо и, щекоча ухо шёпотом, попросила.

– Обещай, что будешь жарить по четвергам золотые лакумы. А самый первый, самый красивый – для меня. Один золотой лакум для сестры Нисы.

– Мы больше не увидимся? – Меня задушили горькие слёзы.

– Я всегда буду вот здесь... – Ниса согрела ладонью место, где больно стучало моё сердце. – Ты просто не забывай про самый первый, самый золотой лакум для меня.

– Обещаю. Обещаю. Обещаю.

Утром меня нашли в коровнике. Я спала, прижавшись к тёплому животу нашей кормилицы, которая осенью съела сбитое ледяным дождём самое красное яблоко.

– Нана, тесто уже хорошо подняло крышку, давай жарить золотые лакумы!

Лана Никонова МЕСТО СИЛЫ

Глава 1

«Ещё сказывают, видят порой в озере щуку огромную, поросшую мхом. Только заприметив её, уплывают рыбацкие лодки подальше. Так, видно, и осталась в озере злая Мейта-щука», – этим словами бабушка Наття завершила сказку и раскурила трубку. Маленькое помещение слабо озарялось огненными бликами, скачущими в поддувале котла.

Неожиданно входная дверь скрипнула и приоткрылась. Анютка даже ойкнула и подскочила на низенькой табуретке. В дверях стоял отец. Он повернул выключатель. Кочегарка залилась светом, и волшебство сказки рассеялось.

– Давай, коза, домой собираться. Замучила, поди, тётушку. Спасибо тебе, Наття! Что бы мы без тебя делали?

– Бабушка Наття, можно я завтра к тебе снова приду? – девчушка крепко обняла женщину. – Авось, опять холодно будет и занятия в школе отменят.

– Я тебе завсегда рада, Нюта. Токмо завтра потеплеет. Видишь, снежок зарядил. Придётся тебе идти на уроки. Да ты не серчай! Через неделю морозы пуще прежнего ударят. Вот и будем с тобой котёл топить, чаёвничать, варежки узорами расшивать да басни сказывать. Одевайся, егоза! А я тебе покамест мешочек с травками соберу. Подкашливает девочка шибко, Виктор Петрович, – обратилась она к отцу ребёнка. – Вы ей эти травки запаривайте. Быстро полегчает.

На улице и правда стало теплее. Девчушка забралась в холодный «газик» родителя и устроилась на заднем сиденье.

– Ох, и прокурила тебя Наття. За версту несёт. Мамка опять нас ругать будет.

– А мне нравится этот запах. Бабушка трубку разными

травками набивает. Папа, а сколько Натте лет? Почему она в павыле¹⁵ не живет?

– Что к сородичам не ушла, тебе же лучше. Кто ещё столько сказок расскажет? А вот годков сколько ей? Даже не знаю.

Вопрос дочери озадачил Виктора Петровича. С мансийской он знаком уже около десяти лет. А сколько ей годочков стукнуло, один Бог ведает. Да она, наверное, и сама не знает. На взгляд тоже определить не просто. Бывают такие женщины без возраста: не то ей сорок, не то шестьдесят.

Когда прежний директор леспромхоза вышел на пенсию, то «передал» Виктору вместе с делами Наттю. Свою просьбу изложил так: «Видишь, контора у нас маленькая. Отопление в ней котельное. Истопником и уборщицей одна женщина из манси работает. Тут же в кочегарке живёт. Сподручнее ей так-то. Не бери грех на душу, не выгоняй её. Баба она хорошая, трудолюбивая, чистоплотная. А судьба, не приведи Господи, какая».

Наття и правда, лиха хлебнула полной мерой. Как-то тракторист леспромхоза заметил в стойбище симпатичную молодую женщину и привёз её в поселок. Расписались, поселились в ведомственном общежитии. Жили, душа в душу несколько годков. А потом на делянке прибило супруга на смерть упавшей лесиной. Наття на ту пору беременная была. После такого горя ребёнка не выносила. В тайгу возвращаться не захотела. Образования у неё никакого, а общежитие только для своих работников. Вот бывший директор и помог ей. Пристроил бедолагу истопником, а она попросилась в котельную жить, дескать, тяжело ей на людях.

Так что Наттю можно считать старожилом этих мест. Но, несмотря на годы, проведённые в цивилизации, она практически не изменилась. Как когда-то в стойбище, ходила по посёлку в хлопчатобумажном платье традиционного

---

¹⁵ Павыл – родовое поселение манси

национального кроя. Дополняла его красивым нагрудным украшением из ажурных полос бисера, завершающихся бубенцами, издававшими лёгкий звон при каждом движении. Голову неизменно прикрывала цветастым платком с бахромой. Две косы, заплетённые до самых кончиков, перевивала разноцветными ленточками. Поверх платья в тёплое время года накидывала кафтан из красного или синего сукна, а зимой – саху, шубу из оленьего меха с мозаичными узорными вставками. На ногах красовались няры, расшитые бисером. Носила она их с богато орнаментированными чулками, связанными из собачьей шерсти.

В посёлке мансийку считали травницей и знахаркой. Шептались, что она дочь шамана. В свободное время женщина моталась по тайге. Летом собирала травы, ягоды, грибы. Осенью отправлялась за шишкой-паданкой. В маленькой дочке нынешнего начальника Наття, как говорится, души не чаяла. Всю свою нерастрченную любовь и тепло изливала она на хрупкую девочку. Летом, когда не работал детский сад, отец часто приводил Анютку на работу и просил приглядеть за ней. Девчушка тоже привязалась к женщине.

Декабрь 1972 года выдался холодным. Морозы уже в начале зимы стояли крепкие. Анята училась в первом классе, и на протяжении последней недели занятия в школе отменяли. Родители остерегались оставлять ребёнка в доме без присмотра. Вот и коротали они время вместе: и Анятка досмотрена, и Натте веселей. Мать-то девчушки в родильном отделении районной больницы трудится. Ясно, что там маленькой девочке не место. К тому же акушерку нередко вызывали на консультации в отдалённые стойбища и посёлки.

У больнички Виктор Петрович остановил машину и подхватил жену. Она поморщилась, учуяв запах, источаемый одеждой дочери:

– Опять ваша любимица трубку изо рта не выпускала?

– Мамочка, она травки полезные добавляет, совсем для здоровья не вредные!

– Ага, мухомор, болиголов, волчье лыко, – съязвила противница народной медицины и, увидев холщовый мешочек, полюбопытствовала, – А это что такое?

– Наття сбор от кашля дала. Ну, дорогая, нельзя же так категорично отрицать пользу фитотерапии!

– Ладно, дома разберёмся с вашими травками! Я, кстати, Натте подарок на Новый год купила. Думаю, павловопосадский платок ей понравится.

Мать хоть и подтрунивала над Наттей, но относилась к ней по-доброму.

– Мамочка, покажешь платок-то? Пусть моя Наття самая красивая будет! А интересно, что она мне подарит?

Девчушка подняла ноги и полюбиалась прошлогодним подарком бабушки. Собственноручно изготовленные кисы были невероятно красивыми и необыкновенно тёплыми.

– Парку меховую! Будешь ты у нас настоящая девочка манси, – пошутил отец. – Ты лучше о своём подарке подумай. Вон сколько времени Наття с тобой проводит. У других детей бабушки и дедушки есть. А у нас одна она всех заменяет.

Настоящие бабушки и дедушки у Анюты, конечно, имелись. Жили они далеко, в большом городе. Самолёты из посёлка на большую землю не летали, а на поезде ехать до них долго, целых двое суток. Посему встречались родственники только летом, когда у родителей был отпуск. Так что чужую женщину Анютка любила, как родную. Жаль только, бабушка Наття ни разу её в стойбище не свозила.

Учебный год пролетел быстро. Отпуск у родителей намечался в августе. Лето на севере стояло чрезвычайно тёплое. Понятно, в такую погоду котёл топить не надо. Контору Наття мыла рано утром и поздно вечером. Наступило чудесное время. Как замечательно бродить по тайге, собирать травы и

ягоды, узнавать о повадках таёжных зверей и птиц, слушать волшебные мансийские сказки, петь песни. А как играет Наття на томре! Вот она прикладывает к губам пластиночку, сделанную из кости, и с помощью сухожильной нити извлекает звуки. О чём только ни поёт томра: о воде, о небе и страшном потустороннем мире. Но рядом с бабушкой никого не боится Анютка: ни болотного духа получеловека-полузверя Комполэна, ни мансийскую Бабу Ягу Порнэ, ни лешего Вор-Хума, ни великана людоеда Менква.

Только Нюткино счастье было недолгим. В конце июня родители узнали о предстоящей двухнедельной командировке. Им хорошо, они вместе в окружной город поедут. А с дочкой что делать? Надеялись, что Наття у них поживёт и за девчушкой приглядит. Не впервой. Но из стойбища пришли дурные вести: у женщины сильно захворал отец. Видимо, в Нижний мир собрался. Не поехать нельзя. Предложила мансийка девочку с собой взять, но родители рассудили, что не до того той будет.

Нашли другой выход. В единственном на весь район пионерском лагере открывалась новая смена. Хотя он и назывался пионерским, но младшим школьникам-октябрятам тоже путёвки давали. Вот и надумали на семейном совете, что дочь туда отправят. Только Наття сильно встревожилась: «Шибко дурная слава о тех местах идёт. Нехорошие они. Сердится на людей та земля. Сам знаешь, Виктор Петрович, почитай, каждый год там что-либо приключается. По-доброму вовсе закрыть бы тот лагерь надо. Пусти лучше девку со мной». Но родители от слов мансийки отмахнулись. За две недели ничего не случится. А если Анюте не по нраву придётся такой отдых, то по возвращении заберут они дочку домой.

Наття расстроилась. Но поперек родителей не попрёшь. Кто она такая? Перед своим отъездом повесила на шейку девчушки круглый оберег из сукна, отороченного мехом. В

центре его красовалась аппликация в виде птицы, а по кромке петлял затейливый узор из бисера. Бабушка попросила Нюту носить амулет, не снимая, до самой их встречи.

В лагерь, расположенный километрах в семидесяти от посёлка, ребятишек везли на автобусе. По большой территории были разбросаны одноэтажные деревянные домики без удобств. Вмещали они десять-двенадцать человек. Столовая, туалеты и умывальники, снабжаемые водой из большой цистерны, стояли поодаль, у кромки леса. Неподалёку было таёжное озеро. Но до него нужно было бежать около километра по лесной дороге через густой урман¹⁶.

Анюту поселили в домике с девочками двенадцати-тринадцати лет. Ребятишек начальной школы на смену приехало не так много, поэтому решили малышей в один отряд не объединять. Надеялись, что взрослые дети присмотрят за младшими. Хорошо, что вместе с Анютой в отряде была её ровесница. Девочку звали Алёнка.

В первый же вечер, когда перед сном Анютка натягивала пижаму, к ней подскочила бойкая Маринка, заметившая оберег.

– Клёвый! Ну, салага, дай позырить! – протянула она руку к амулету, в центре которого размещалась стилизованная птица, а по окружности – повторяющийся черно-белый бисерный узор из кубиков и звёздочек.

– Нет! – прикрывая рукой подарок Натти, твёрдо заявила Анюта. – Он мой! Не дам.

– Ты чё, оборзела, малявка? – Маринка попыталась сорвать подвеску, но ойкнула, ударенная разрядом статического электричества, и отступилась, увидев твёрдый взгляд Анюты.

Две малявки, как называли их взрослые девочки, крепко сдружились. Только Алёнке рассказала Анюта, что мансий-

---

¹⁶ Урман – густой хвойный лес, растущий вдоль рек или на заболоченных землях.

ский оберег с узором «Птица» хранит сон и здоровье своего хозяина. А ещё вместе с крестиками и звёздочками отпугивает злых духов. А их в этом месте, видимо, полно.

Вожатые пугали ребяташек девками-моревками, обитающими в озере, и строго-настрого запретили ходить на пляж без сопровождения взрослых. На вопрос любознательной Анютки о том, кто такие моревки, взрослые ответили: «Существа страшные: морок, дурман на тебя наведут и на дно озера утянут. Вот скоро праздник Ивана Купала будет. Вовсе вся нечистая сила озоровать выйдет».

Но Анюта крепко в этом сомневалась. Разве может водное божество Инк-ики непотребство такое допустить? Правда, озеро действительно наособицу. Посередине него остров с гривой, поросшей деревьями. Правая часть водоёма в болотину превратится скоро. По ней гать до островка выложена. Вот интересно, зачем и кому её туда прокладывать понадобилось? Про остров тот вообще невесть какие страшилки болтают. Будто ночами там голубые огни сами собой загораются. Русалки хвостами по воде, что есть мочи бьют, песни поют, венки из белых кувшинок плетут да хороводы, водят.

Маринка нынешней ночью пугала их. Рассказывала, будто каждый год в лагере ужасные вещи случаются. Прошлым летом одна вожатая своему жениху, физруку, свидание на острове назначила. Её мёртвое тело нашли потом на той стороне острова. Лежала она в воде голая и смотрела в небо широко открытыми глазами. Длинные распущенные волосы зелёной тиной покрылись и словно змеи извивались, а на груди венчик из кувшинок был. Жениха её тоже отыскивали. На высоком дереве он, бледный как смерть, сидел, трясся и выл. В сумасшедший дом его отправили. До сих пор там держат.

Впечатлительная Алёнка боялась таких рассказов. После них долго уснуть не могла, ворочалась. А когда засыпала, часто во сне разговаривала. Как-то ночью, услышав бормотание,

Анютка решила успокоить её. Встала с кровати, склонилась над подружкой и обмерла: лежит та на спине и смотрит в потолок широко раскрытыми, остекленевшими, немигающими глазами. Анята тихонько подругу окликнула, а та не реагирует. Тормошить и будить не стала.

Утром Алёнка объяснила, что часто с открытыми глазами спит, а ещё ходит во сне. Тогда Анята решила на ночь свой оберег подруге отдавать. Пусть её сон хранит. Ей важнее. А ещё на тумбочку между их кроватями в баночку каждый вечер букет из герани лесной ставила. По обочинам дороги, ведущей к озеру, её много росло. Наття говорила, что герань нервы успокаивает, и сон крепким делает.

Прошло несколько дней. Как-то ночью Анята проснулась от криков и рыданий. Горько плакала Алёна. Посреди комнаты стояла Маринка и возмущалась:

– Нет, прикиньте. Просыпаюсь я такая, а эта салага у окна стоит. Я её спрашиваю: Чё, малявка, встала? Она молчит. Блин, будто не слышит. Подхожу к ней. Она в окно на луну плянется, а глаза пустые. На меня ноль эмоций. Копец полный. Лунатик! Так и нас во сне придушить могла».

– Ты что, её разбудила? – взвилась Анята. – Их трогать нельзя! Дура! Смотри, что наделала.

Оттолкнув Маринку, она кинулась к Алёнке, усадила её на кровать и стала успокаивать. Подключились другие девочки. Но у Алёнки, видимо, началась истерика. Девочку било мелкой дрожью, лицо покрылось испариной. «Дай ей воды! Надо её умыть!» – кричал кто-то из девочек. Но воды в комнате не было. В маленькой банке из-под герани тоже. Видать, цветы всё «выпили». Анятка скомандовала: «Девочки, вожатую разбудите и медичку. И кто-нибудь за водой к умывальнику сбегайте». Но отважных, готовых бежать в дальний конец лагеря в страшную ночь Ивана Купала не нашлось.

Анюта схватила полотенце, банку и стремглав бросилась на улицу. Удивительное дело, вечером вода из кранов текла с хорошим напором, а сейчас её не было. Анюта открутила все краны. Но бесполезно – ни капли. Может, вода в цистерне закончилась? Оставался один выход – бежать к озеру. Жаль, берега нет.

Анюта припустила по лесной дороге. Ей было страшно, но она неслась вперёд, стараясь не обращать внимания на доносившиеся из ночного леса шорохи, крики и уханье. Тайга словно ожила. Внезапно луна спряталась за тучи и наступила крошечная тьма. На какой-то миг звуки умолкли. Подул резкий холодный ветер. Деревья качались, скрипели и стонали.

Анюта вскрикнула и даже присела, когда ослепительная молния вспорола небо, и над её головой раздался оглушительный гром. «Нет я не поверну назад, Пай-ики», – обращаясь к мансийскому божеству, твердила девочка, мгновенно вымокшая под дождём. А гром, старик Пай-ики, старался изо всех. В лесу полно высоких деревьев, а на них прячутся злые духи. Так рассказывала Наття. Видимо, их пытается убить старик. Только бы ненароком её не задел. «Эх, нет у меня ножа. А то воткнула бы его в ствол молодого невысокого дерева. Укрывшимся таким образом никакая гроза не страшна», – вспомнила она наставления Натти, никогда не расстававшейся с ножом.

Наконец, увидела берег. Скинув сандалии, Анютка забежала по колёно в озеро, намочила полотенце, зачерпнула полную банку воды, развернулась, чтобы бежать обратно, и замерла. На берегу, метрах в восьми от неё, стоял ощерившийся зверь с желтыми глазами. Посланник злого духа Куля «зубастый зверь» не сводил с её глаз.

«Добежать по воде до гати, по ней перебраться на остров и забраться на дерево, – промелькнуло в голове. Но Анюта быстро отбросила эту мысль: волк быстрее, неминуемо догонит. Она вспомнила предупреждение Натти: ни в коем слу-

чае не поворачивайся к зверю спиной. Что, если тихонько, не разворачиваясь, отступить назад, уйти под воду и доплыть до острова? Но получится ли? Волки, как и собаки, умеют плавать.

Волк тем временем изготовился к прыжку: зверь присел и прижал уши. На счастье, в этот миг за спиной Анюты ударила молния, и через пару секунд раздался раскатистый гром. Над островом взметнулось зарево и, отраженные в воде огненные всполохи заплясали вокруг девочки. Очевидно, Пай-ики попал в дерево на острове. Это задержало волка.

«Спасибо тебе, гром-старик и богиня огня Най-эква, – прошептала девочка, теряя сознание и оседая в воду. Словно в тумане промелькнула перед ней огромная белая лайка, набросившаяся на волка. А потом застучали в висках удары бубна: Бум! Бум-бум-бум – бум. Девочка отключилась. Сквозь забытьё ей чудилось, что кто-то подхватывает и выносит её на берег, накрывает тёплым одеялом. Ритмичные звуки бубна сменились звоном бубенцов и напевной мансийской колыбельной, что пели они с Наттей:

«В люльку берестяную
Спать уложу доченьку,
Покрывалом беличьим
Я укрою доченьку».

А ещё Нюта почувствовала аромат из смеси табака и трав, которым бабушка набивала трубку.

Глава 2

Анюта приоткрыла глаза и изумлённо оглядела незнакомое помещение. По всей видимости, это был медицинский изолятор. Комната была залита солнечным светом. Значит, сейчас утро или день. До неё донеслись женские голоса. Кто-то беседовал. Анюта прислушалась.

– Чертовщина здесь творится! Говорят, когда на поиски девчонки отправились, и по ельнику шли, удары шаманского бубна раздавались. Ладно бы один человек, а то все слышали. На глюки такое не спишешь. А около девочки на берегу собака большая, белая была. Похоже, что телом её своим согревала: платье на девчущке влажное, а сама и руки-ноги тёплые. Как псина людей завидела, скрылась невесть куда. Берег, сказывают, весь следами испещрён. Причём плотник Мироныч, а он охотник знатный, уверен, что там не только собака наследила. Волчьи следы он видел. И кровь на песке в нескольких местах была. Вначале испугались, думали, девочка поранилась. А на ней ни царапинки. Представляешь?

– Место и вправду гиблое. Я ночью даже до туалета страшусь добежать. Первый год, как лагерь открыли, директор на озере рыбу ловил и от сердечного приступа умер. На следующий год жоатая утонула. На кой-то хрен попёрлась по гати на остров, а лесины то гнилые. Она между ними ухнула и всё. В минувшем году трое пацанов в лесу заблудились. Еле нашлись на вторые сутки. Невменяемые. Всё о снежном человеке талдычили, который их испугал и по лесу гнал. Менква что ли встретили? Шепчутся, что на острове жертвенный камень есть. Откуда скажи, посреди наших болот валун огромный взялся? И нынче мистика какая-то! Так что на следующий год я сюда ни ногой. Ладно, пойду девчущку посмотрю. Что-то долгонько она спит.

В палату вошла врач.

– Оклемалась? Вот и славно. Больше суток проспала. Как чувствуешь себя? Сейчас я тебя осмотрю. И кстати, тебе здесь кое-что просили передать, – из кармана халата доктор извлекла Анюткин оберев.

– Спасибо! Хорошо чувствую! Алёнка принесла? Как она?

– Алёнку твою с приступом в больницу отвезли. Обрато она не вернётся. А украшение тебе девочка из отряда переда-

ла. Кажется, её Марина зовут. Ну, если всё хорошо, то немного понаблюдаем за тобой, и в корпус свой вернёшься.

Возвратившись из командировки, родители приехали навестить дочку и узнали о происшествии. Между ними и руководством лагеря состоялся неприятный разговор. Мама возмущалась: «Что за бардак у вас творится? У одного ребёнка приступ эпилепсии случился, другого находят посреди ночи на берегу озера без сознания! Где были ваши воспитатели и вожатые? Вы хотите заявление в прокуратуру? Что за халатность! Мы немедленно забираем ребёнка!»

Но тут вмешалась Анюта. «Мама, а Наття уже воротилась домой? – получив отрицательный ответ, девочка уверено заявила. – Я остаюсь. Мне здесь нравится. И воспитатель с вожатой не виноваты. Я сама без спросу убежала в лес. Обещаю, что больше такого не повторится».

Никакие уговоры родителей не помогли. Дочь осталась в лагере до конца смены. Отношение к ней соседок по комнате после этих событий переменялось. Анюта стала не малявкой, а полноправным членом коллектива. И Маринка оказалась вовсе не такой уж плохой. Так что дни до конца смены Анюта провела замечательно. Пионерский костёр, конкурсы, смотры. А ещё волшебные мансийские сказки на ночь. Соседки ожидали их с нетерпением.

Первым делом, вернувшись из лагеря, Анюта засобиралась с отцом на работу. Уж очень она соскучилась по бабушке. Но родители, переглянувшись, сообщили, что Наття теперь живёт в стойбище и в посёлок больше не вернётся. После смерти своего отца она сильно болела. Сейчас, слава Богу, выздоровела, но пока дальнюю дорогу не осилит. Анюта горько заплакала.

– Это я виновата, сняла с себя оберег, который должна была носить до встречи с ней. Она спасла меня от посланника злого духа Куля. А я даже спасибо сказать не могу!

Захлёбываясь слезами, девочка рассказала о своих видениях на берегу озера.

– Дожили. Вот к чему привела эта ваша финно-угорская мифология! Впору психиатру ребёнка показывать.

– Нет! Бабушка хорошая, и сказки её тоже, – запротестовала Анютка.

Отец, прикрикнув на супругу, посадил дочку, словно маленькую, к себе на колени и, укачивая, стал успокаивать:

– Конечно, Наття замечательная! Мы все её любим и тоже расстроены таким решением. Но так надо, понимаешь, Нюта! Твою благодарность она чувствует. А ты непременно увидишься с ней.

Анюта терпеливо ожидала встречи и готовила подарок для любимой Натти. Та как-то рассказала, что самым сильным растительным оберегом считается кар – кора пихты. Анютка сыскала в лесу за посёлком могучую пихту и срезала с её ствола немного коры. Соблюдая обычаи манси, привязала на окружающие деревья полосочки ткани, позаимствованные в маминой шкатулке с рукоделием.

Девчушка долго корпела над амулетом, выкладывая на нём аппликацию в виде своей спасительницы – белой собаки. Внутри оберега зашила кусочки коры. Нюта не знала точно, как следовало делать талисман, но рассудила: «Главное сделано он от чистого сердца. Значит, непременно защитит бабушку Наттю. Пусть она больше никогда не болеет и быстрее поправляется».

Перед Новым годом у дома Анюты остановились оленья упряжка. В прихожую ввалились мужчина и мальчик манси. «Виктор Петрович, однако, здесь живёт? – получив утвердительный ответ, гости стали выставлять туески из берёзовой коры, наполненные брусникой, клюквой, морошкой, голубикой и мочёными груздями. – Это гостинцы вам от Натти. Низкий поклон она шлёт. А ты никак Нютка? И тебе подарок

есть». Из малицы паренёк извлёк крупного лохматого щенка – лайку и передал его пораженной Аняте: «Держи. Он твой. Его Лэпык зовут, песец по-нашему. Видишь, какой белоснежный!» Лучшего подарка у Нюты в жизни не было.

Мальчику было десять лет, и звали его Юван. «Иван по-вашему», – пояснил он. Взрослые долго чаёвничали, а ребяташки помчались играть со щенком. Оказалось, что мальчуган живёт в одном стойбище с Наттей. Словоохотливый мальчуган сообщил, что бабушка шибко хворала. Даже обряд пришлось проводить. Теперича она в порядке, только сильно тоскует по Нюте, но приехать пока не может – ослабла. Какой обряд они совершили, Анятка разузнать не успела. Гости засобирались в обратную дорогу. Через гостя девочка передала подарок.

Лэпык рос быстро. Скоро он превратился в красивого пса, один в один похожего на ангела-хранителя Аняты, спасшего её на берегу лесного озера. Наття так и не собралась к ним, а по завершении учебного года отец девочки получил новое назначение. Семья перебралась жить в областной город. Любимца, разумеется, взяли с собой. Со своей мансийской бабушкой Анята так и не свиделась. Только Лэпык, товарищ её игр и преданный друг, соединял незримой нитью их с Наттей.

Глава 3

Самолёт набрал высоту. Шумные студенты, наконец, притихли. Можно подремать. Анна Викторовна прикрыла глаза, но сон не шёл. Сколько же лет она не была на малой родине? В этом году ей исполнится тридцать три. Значит, двадцать пять лет. Столько всего произошло за это время. Нахлынули воспоминания, а с ними горькие мысли.

Невозможно забыть ту детскую боль и тоску, когда она села в вагон и осознала, что уезжает навсегда от Натти. Такого острого чувства утраты она не испытывала больше никогда в

жизни. Даже разрыв с некогда любимым человеком перенесла проще. Если быть до конца честной, то, приняв решение уйти от «второй половинки», ощутила облегчение: не нужно натягивать маску любящей жены, прощать бесчисленные измены, создавать видимость идеальной семьи. С глаз долой, из сердца вон. Она уехала из большого города, в котором училась, защитила диссертацию и работала в университете на кафедре этнографии. Кстати, вместе с мужем.

Анна вернулась к родителям в родной город: «Дома и стены помогают». Однако бывает, что и народная мудрость ошибается. И дело не в разводе или отсутствии ребёнка, как старалась убедить её мать.

«Что со мной происходит? – размышляла Анюта. – На фоне внешнего благополучия, как ноющая зубная боль, непрестанно свербящее чувство, что это не твоя жизнь. Пресловутый кризис среднего возраста? Пожалуй, это началось несколько раньше. Да, первые звоночки появились, как не смешно это звучит, после «ухода» Лэпыка. По окончании третьего курса она приехала на каникулы к родителям, но, подойдя к двери квартиры, не услышала обычного радостного приветственного лая. Старенький пёс не вышел ей навстречу. «Ну что ты так переживаешь, – увещевали родители, – слава Богу, и так неплохо пожил двенадцать годков». Но это была не просто собака, а ниточка, связывающая её с прошлым. И эта связь оборвалась. А сейчас она испытывала какую-то потерянность. Вопреки её ожиданиям, родной город не восстановил душевное равновесие. Точки опоры не было. Ау! Где ты, моё место силы? И есть ли ты вообще на свете?»

Анна бросила взгляд на часы. Через час приземлимся. Она ощутимо нервничала. Женщина вспомнила противоречивые чувства, захлестнувшие её на заседании кафедры, когда объявили о предстоящей летней этнографической экспедиции, руководителем которой будет «многоуважаемая Анна Вик-

торовна, сумевшая за год работы так увлечь студентов своей дисциплиной».

Небольшой группе исследователей предстояло познакомиться с «живыми» традициями малочисленных коренных народностей Севера, проживающих на территории некогда родного района Анны. С одной стороны, она испытывала радость. Ей предстояло вернуться в места, где она была счастлива. Интересно, что там изменилось за четверть века? Конечно, появился аэропорт. А уцелела ли контора леспромхоза, их дом? Остались ли люди, помнящие маленькую Анютку? А любимая Наття? В глубине души теплилась надежда на встречу с ней, и одновременно накатывал страх. Что, если её уже нет в живых? Отец, узнав о грядущей поездке дочери, подлил масла в огонь, процитировав чьи-то слова:

– «По несчастью или к счастью, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места».

Мать выдала вовсе несусветное:

– Сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит!

Анюта списала реакцию родителей на тревогу за неё. Она отправилась собирать вещи и не услышала слов отца, тихо сказанные жене: «Может, оно и к лучшему, мать. Видать, пришло время. Сколько веревочке не виться, всё равно конец будет! Надо было всё раньше рассказать».

Из объятий Мнемозины пассажирку вырвал голос стюардессы, предлагающей застегнуть ремни. Самолёт заходил на посадку. Анна прикинула к иллюминатору. «Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги, – вспомнила она старую песню и взмолилась непонятно кому. – Пожалуйста, пусть эта песня будет не слишком грустной».

Прилетев на место, заселились в гостиницу. Оставив студентов отдыхать, Анна Викторовна решила прогуляться пешком. До намеченной встречи с главой района оставался час. Анюта шагала по знакомым улицам, отвечала на приветствия

редких незнакомых прохожих. Вот школа. Оказывается, она такая маленькая! На месте деревянной конторы леспромхоза с примыкавшей к ней котельной красуется новое кирпичное здание. Их уютного дома тоже нет. На пустыре, где она когда-то играла с собакой, разбит сквер. А здание администрации стоит на прежнем месте.

Хозяйка района приняла гостью радушно. Крепко пожала руку: «Безмерно рада встрече, Анна Викторовна. В областной прессе читала ваши статьи про обских угров. Не сомневайтесь, окажу всестороннее содействие. Помогу, чем могу». Деловито обсудили маршрут экспедиции и вопросы обеспечения транспортом. Только Марина Юрьевна предупредила о том, что попасть в летние стойбища, куда нынче перекочевало большинство остяков и вогулов, навряд ли удастся. Найти их в тайге, что отыскать иголку в стоге сена. Родовые угоды обширны. Да и скрытны они, особенно манси. Чужаков не любят. А вот в одной мансийской деревне студентов примут на «ура». Она «показательная». Можно сказать, своеобразный живой музей под открытым небом, в котором обосновались несколько семей, ведущих традиционный уклад жизни. Глава – вполне современный молодой человек, радеющий за развитие этнического туризма. «Только путешественники в наш медвежий угол в прямом смысле слова не спешат», – грустно подытожила она.

Затем случилось невероятное. Марина Юрьевна огорошила посетительницу: «Ну, теперь без официоза. Анютка, а в пионерлагерь на остров не хочешь студентов свозить?» Только тут Анна поняла, что перед ней та самая Маринка. Долго сидели, вспоминали злополучную смену и девчонок из отряда. Оказывается, Алёнка работает педиатром в районной больнице, в которой когда-то трудилась мать Анюты. Конечно, созвонились. Тёплую встречу омрачило единственное обстоятельство. Девочки ничего не слышали про Наттю

и уверяли, что в районе нет пожилой мансийки с таким именем: «Видать померла уже. Да ты сама прикинь, сколько ей лет тогда было!»

В поселение манси Анна отправилась не с весёлыми думами. После двух часов тряски в «вахтовке» добрались до цели. Павыл словно вымер, ни человека. Осмотрелись. Посреди большой поляны расположились несколько рубленых изб. Около каждой печь для выпечки хлеба. Неподалёку навесы для сушки мяса и рыбы. Особенно поразили студентов избушки «на курьих ножках». Те, что стояли за сушильнями, служили хозяйственными сараями. Укрывшиеся за домами у кромки леса, являлись священными амбарчиками. В них жили домашние божки акынь, покровители семьи. Были здесь и конуры для собак, сложенные в виде шалашика, и пустующий загон для оленей и даже летний чум, покрытый берестой.

Тропа, ведущая от деревни в лес, привела к семейному кладбищу. «Жуть какая! – стухнули девчонки. – Погост во все близёхонько, метров сто, наверное. Как им не страшно?» На краю посёлка стояла баня и ещё какой-то сруб. Объяснение преподавателя ввергло девчонок в шок: «Это мансийский родильный дом. И, кстати, если у кого-то из вас «нечистые дни», то добро пожаловать на время регул сюда, в мань-кол». Пока осматривали пустующую деревню, из леса донёсся лай, и несколько западносибирских лаек волчьего окраса выскочили на поляну. Впрочем, грозные на вид собаки оказались вполне дружелюбными. «А белошёрстных, как мой Лэпык, нет», – отметила Анна. Следом из тайги вышли манси. Анна пристально вглядывалась в каждую женщину. Но, увы! Натти среди них не было.

Познакомились с Иваном, главой поселения и его сородичами. Пока женщины хлопотали по хозяйству, готовили угощение, Иван, мужчина лет тридцати пяти, провёл экскурсию. Ребятам всё было в диковинку. Взять дом. Разделён он не толь-

ко по горизонтали на мужскую и женскую половину, но и по вертикали. Чердак – «Верхний мир», царство мужчин. Здесь хранятся домашние идолы. Доступ женщинам сюда запрещён. «Земная жизнь», занимающая среднюю часть жилища – женская вотчина. Кроме запретного места мули-пал. В нём, на мужской половине избы, над кроватями-нарами прячутся божницы, задёрнутые занавесками.

На деревянных полках домашнего святилища разместились куколки, вместилища для душ усопших, которые, как выразился хозяин, ещё не реинкарнировались в новые жизни. На удивление, с идолами соседствовали православные иконы и портреты Ленина, Сталина и нынешнего президента. «В ногу со временем идём, – пошутил Иван про портреты и продолжил. – После крещения манси, пополнился наш пантеон новыми персонажами. Вот Христос. Угры отождествляют его с богатырём Мир-сусне-Хумом, человеком, осматривающим мир. А Богородицу считают одной из жён верховного Бога Нуми-Торума. Чтут их крепко. На «Паски-день» каждую иконку непременно угощают хлебом и водкой. И вождям заодно подносят». Так за шутками и прибаутками время пролетело быстро. В конце экскурсии девчушки забросали Ивана вопросами: «Где вы учились? А супруга и дети у вас есть?» Узнали, что Иван их коллега. Окончил исторический факультет пединститута в окружном городе. «А зенсины нет аднако, олесек мала-мала, на калым не хватит», – отшутился он.

Студентов разместили с комфортом: девушек в одном из пустующих домов, юношей – в берестяном чуме. Ребята ходили на рыбалку и охоту с мужчинами. Женщины учили студенток печь хлеб и готовить мансийские блюда. Вечерами собирались в «общественном доме» и под руководством мастериц занимались рукоделием. Слушали сказания, песни, игру на народных музыкальных инструментах с чудными на-

званиями «лебедь» и «журавль». Пробовали сами играть на погремушках¹⁷, познакомились с обычаями и традициями.

Девчонок особенно заинтриговали дородовые обряды и родильная практика. Табу для беременных было столько, что бойкие студентки острили на эту тему. Не пойдём замуж за манси. То нельзя, это не смей. Беременность от всех скрывай. Рожай в «маленьком доме», во время схваток сильно не кричи. Если не хочешь, чтобы на охоте удача отвернулась от мужа, не ропщи, когда его в мань-кол не пустят. Запрещено туда заходить всем мужчинам и девочкам до десяти лет. В родной дом после родов месяц – полтора носа не показывай.

В именах ребёнка запутаешься. Одно из них – тайное. Знают его только близкие люди. Даётся оно в честь умершего предка. Произносить его вслух нельзя до тех пор, пока душа покойного не переселится в дитя. Чужие люди знают малыша под другим именем. А есть ещё имена подставные. И будешь ты мамкой сорванца по прозвищу «Мусор» или «Мясная муха». Зато на таких детишек ни один злой дух не позарится.

Только и хорошо, что у дитяти четыре матери будет. Первая мать Титя. Она ребёночка на свет произвела. Остальные – «социальные». Пукни-сян роды принимала, пуповину перерезала и завязывала, да послед открепляла. А потом его кровью рисовала знаки на щеках новорождённого младенца. Алтум-сянь спустя месяц после родов выносила младенца из мань-кола и вносила в родной дом. Если ребёнка крестили, то была ещё одна мать – крёстная Перня-сянь. Так что дитё всегда и присмотрено, и лаской не обделено. В случае чего сиротой не останется. Войдёт вскормленником в семью одной из матерей.

Юношей больше интересовали шаманские практики. Эту тему манси обсуждали с неохотой. «Ёл они зовутся. По-ва-

---

¹⁷ Погремушка – музыкальный мансийский шумовой инструмент

шему: «Ворожит человека». Чё о них толковать-то? В койп¹⁸ бьют, будущее предсказывают, могут вселяться в животных, исцелять больных». Однако удалось выяснить, что поблизости, километрах так в двенадцати от деревни, уединенно в стойбище, живёт шаманка по имени Евья. К ней в основном местные бабы бегают. Хвори она хорошо лечит, в травках шибко разбирается, опять же в родах помочь может.

Анна Викторовна усомнилась: не слышала она о шаманках у манси. Для них баба не человек вовсе. Культовые вещи на чердак не просто от чужаков прячут, а держат «в чистом месте», недоступном женщинам. На большие территориальные святилища тоже не допускают. На одной малой реке святой плёс есть, мимо которого мансийкам и проплывать-то нельзя. Выходят они там из лодки и по противоположному берегу пешком идут. Женские культовые места священными не считаются.

Хотя когда-то давным-давно манси жили под управлением женщины-матери. Да и у древнего шаманизма женское лицо. Но если действительно живёт в этих краях шаманка, пообщаться с ней было бы весьма любопытно. Однако сговорчивые до сих пор хозяева упёрлись: «Нет. Сородичам-то опасно к шаманам ходить: глянешь в их глаза и потеряешь душу. Что о чужаках говорить! Да и не любит пришлых Евья».

Но, похоже, что главная Богиня манси Калтась-эква¹⁹ встала на сторону Анны. Студентки затеяли фотосессию в национальной одежде. На «представление» собрался и стар и млад. Анна не удержалась от уговоров и тоже примерила на себя образ мансийской женщины. Распашной кафтан украсила оберегом Натти, который до этого прятала под одеждой. Надо сказать, что амулет она хранила все годы, и решила надеть в экспедицию: «Бережёного Бог бережёт!»

---

¹⁸ Койп – мансийское название бубна.

¹⁹ Калтась-эква – верховная богиня-мать в мансийской мифологии

«Я-а! Какая красивая! Настоящая мансийка, – одобрительно кивали головами женщины, любуясь хрупкой темно-волосой Анной». Иван же, увидев украшение, живо поинтересовался:

– Откуда оно у вас?

– Одна женщина подарила. Правда, давно уже. Она из ваших. Мансийка. А звали её Наття. Не слышали о такой?

Иван внимательно взгляделся в лицо Анны и вдруг неожиданно спросил:

– Путешествие по тайге осилите? Познакомить вас кое с кем хочу. Выходим завтра утром, часиков в пять. Только гнуса в тайге много и дорога не асфальтированная, как понимаете. Так что в вашей обуви несподручно будет. Наши женщины оденут вас в более подходящее для такой прогулки. А сейчас пойдёмте, гостинцы соберём.

Ассортимент раскладываемого по заплечным берестяным коробам весьма удивил: пачка фасованного чая, сахар, соль, банки с концентрированным и сгущенным молоком, мука, кульки с крупой и табак. Поначалу шли споро. Под ногами скрипели сосновые иголки и пружинил ягель. Кое-где перебирались по стволам упавших деревьев через небольшие ручьи. Труднее дался переход по болоту. Идти приходилось след в след. Анна устала физически, но душа её пела. Она словно «подпытывалась» от тайги и подспудно ожидала чуда. Блился вечер, когда Иван сообщил, что осталось недолго. И действительно, густой ельник, по которому они продирались, вдруг расступился. На опушке леса их громким лаем встретила белоснежная лайка. Она деловито обнюхала Анну и стала радостно прыгать вокруг Ивана.

– Знакомься, Нюта! Это Лэпык третий. А я Юван. Иван, по-вашему. Помнишь парнишку, который тебе собаку привёз?

– Помню и тебя, и щенка, и то, как играли. Значит, Наття здесь живёт?

– Моя твоя не понимает, – опять отшутился он. – Шибко поспешаешь. Потерпи маненько.

Последние оставшиеся метры до стойбища Анна словно пролетела. Перед ней была маленькая копия мансийской деревни. Анна замерла. У нянь-кур, печки для выпечки хлеба возилась женщина. Стояла она спиной к гостям. Сердце бешено стучало. «Она или нет? Она! – внезапно поняла Анна и бросилась вперёд. – Наття! Наття!» Её ноги подкосились, и она упала в объятия женщины. Её любимая, постаревшая мансийская бабушка, как маленькую, гладила её по голове, целовала в макушку, вытирала безудержно катившиеся по лицу слёзы. Они долго сидели на траве, тесно прижавшись друг к другу и нашёптывая что-то нежное. «Евья, а пирог-то ты, похоже, сожгла, – вернул их на землю Юван. – Эх, жаль, с брусничкой никак был?»

За столом больше разговаривали, чем ели. Но усталость и пережитые эмоции брали своё. Заметив, что у Нюты закрываются глаза, стали укладываться спать. В чувале уютно потрескивали дрова, в избушке пахло табаком, смешанным с ароматом пихты и лесных трав. Так спокойно и хорошо Нюта не чувствовала себя, пожалуй, нигде и никогда.

– Наття, знаешь, у меня такое чувство, будто я дома, – пробормотала она, засыпая.

– Дома, внученька. Но об этом поговорим завтра. Спи, моя девочка:

«Тяжелют всё сильней.

Веки ясных твоих глаз,

Засыпаешь тихо ты,

Видишь сладкие ты сны»²⁰.

За стенами норкола шумела тайга, громко кричали ночные птицы, шумно плескалась рыба в реке и шёл августовский

---

²⁰ Ёлум ерыг — куплет из мансийской колыбельной песни в русском переводе

дождь из мерцающих звёзд. Свет луны из маленького окошка падал на столик и освещал два оберега с крепко запутанными между собой шнурками. На одном красовалась белая собака, а на другом птица. Когда-то давно богиня Калтась-эква так же тесно переплела судьбы двух женщин, спящих сейчас в избе. Однако в клубок жизни Анюты была вплетена ещё одна нить. Её хозяйка не спала в этот поздний час, а сидя на кухне, со слезами на глазах перебирала старые фотографии.

Глава 4

Виктор Петрович проснулся посреди ночи. Зои в постели не было. После отъезда дочери в командировку жену мучила бессонница. Она частенько уходила в себя, вздыхала, стала необычайно слезлива. «Переживает!» – понимал Виктор Петрович. Супругу он нашёл на кухне. В ночной рубашке она сидела за столом и перебирала детские фотографии Анютки. Рядом лежала маленькая ритуальная мансийская кукла. По лицу женщины бежали слёзы. Увидев мужа в дверях, она смахнула их с лица и виновато улыбнулась:

– Вот, пересматриваю. Какая всё-таки она у нас славная.

– А как иначе, Зоя? Ты столько в неё вложила! Успокойся, всё будет хорошо. Мы воспитали хорошую, умную девочку, которая всё поймёт и простит, – он присел возле супруги и приобнял её. – Хотя нас и прощать не за что. Что было с ней, если бы не ты?

– Есть за что, Витя. Я сильно виновата перед Анютой. Ты не всю историю знаешь.

Зоя прикрыла глаза, припоминая те давние события.

Ежегодно конце августа на вертолёте облетали стойбища и собирали детей манси и ханты в школу-интернат. Обычно, вместе с представителем школы выезжал медицинский работник. Бывали случаи, что ребёнок нуждался в экстренной

госпитализации. В этот раз лететь было некому и попросили Зою. Осмотреть ребёнка, прослушать она, конечно, могла. Кроме того, в одном из стойбищ у Зои была тяжёлая роженица, которую надо бы глянуть.

Слава Богу, что сейчас местные женщины реже рожают в мань-коле, по возможности едут в роддом. Хотя иногда из дальних павыл добраться не успевают: «Родить нельзя погодить». Но в таких случаях им подсобляют опытные повитухи из местных. «Пупочная мать» огонь в очаге поддержит, воду вскипятит, роженице поможет, если что не так пойдёт, и ребёнка примет. Ну, и после все необходимые манипуляции с матерью и дитём совершит. Конечно, осложнения при таких родах частенько бывают.

Это стойбище было последним на их пути. Говорили, что в нём живёт местный шаман со своим вечно пьяным сыном и внуками – мальчишками девяти и двенадцати лет и взрослой внучкой. Правда, девушка училась в городе и приезжала к родичам редко. Мать ребятишек померла около года назад.

Вертолёт удачно сел неподалеку от стойбища, на таёжной поляне. Мальчуганы принялись живо собираться. Отец ребятишек еле держался на ногах. Шамана в стойбище не было. Как сообщили ребятишки: «Дед с петухом²¹ в лес подался обряд проводить». Зоя осмотрелась. Когда-то это было крепкое поселение, в котором обитало несколько семей. Сейчас о том времени напоминали обветшавшие норколы, покосившиеся лабазы да развалившиеся нянь-куры. Вся некогда обихоженная территория стойбища ныне производила гнетущее впечатление. Зброшенность и тлен.

Вдруг внимание Зои привлёк не то писк котёнка, не то детский плач. Она прислушалась. Звуки доносились из мань-кола. «Кто у вас там?», – обратилась она к детям. И, услышав

---

²¹ Петух – жертвенное животное, посвящаемое домашним богам

ответ, стремглав бросилась к срубам. В мансийском роддоме она нашла едва живую молоденькую девушку. Зоя знала её. Девчужку звали Вульга. Была она студенткой медицинского училища и училась на акушера в окружном городе. Прошлым летом она даже проходила практику в их отделении, а потом ещё целый месяц работала санитаркой. Хорошая, скромная, толковая девочка. Сейчас ей должно быть лет восемнадцать-девятнадцать.

В мань-коле было страшно холодно. Чувал²² не горел. На нарах, покрытых толстым слоем травы, лежала бредившая роженица. Рядом, в берестяной люльке, похожей на корытце, на размятой берёзовой трухе, находился новорождённый, укутанный старыми тряпками и укрытый сверху одеялом из мягкой оленьей шкурки. Зоя быстро развернула младенца. Девочка! Недоношенная и слабенькая, но живая. Младенец обмыт. Пуповина перерезана и завязана хлопчатобумажной нитью, ранка посыпана пеплом. Рядом с люлькой родильная кукла «сос»²³. Видимо, будущая мать изготовила её сама из кусочка чаги. Зоя сунула оберег в люльку и метнулась к девушке. Промелькнула мысль: «Неужели девчонка справилась одна, без помощи?» Молодая мать «горела». В кузовке с оставшейся за ниткой частью пуповины Зоя увидела послед. Внимательно рассмотрев его, поняла, что он вышел не полностью. Состояние Вульги было критическим. Начался сепсис.

– Потерпи, миленькая. Господи, сколько она здесь, в этих условиях? Чудо, что ребёнок жив! Надо срочно в больницу. Довезти бы их!

В этот момент роженица очнулась и открыла глаза. Узнав склонившуюся над ней женщину, слабо прошептала искусанными в кровь синюшными губами:

---

²² Чувал – открытый глиняный очаг

²³ Сос – ритуальная кукла-оберег, использовавшаяся в до-родовый, родовый и послеродовый периоды

– Зоя Ивановна, она семимесячная. Не успела я к вам. В посёлке у меня тётка родная. У вашего мужа работает. Она меня принимала. Ей ребёночка отдайте. Натте.

Это были последние слова юной матери.

Мужа, как поняла Зоя, у Вульги не было. «Нагуляла в городе, видать», – бросил пьяный отец погибшей девушки. Бабушки у ребёнка нет. Деду он не нужен, да и что он с ним делать будет один, без бабы? «О судьбе девочки будем потом думать. Сейчас – главное выходить слабенького ребёнка», – решила Зоя. В вертолёте она держала люльку на руках и молилась о том, чтобы довести девочку живой. Недоношенного младенца спасли. Зоя ежедневно навещала малышку в отделении. Однажды, взяв девочку на руки, она поняла, что не может выполнить просьбу её матери и отдать ребёнка на воспитание Натте. О предсмертных словах Вульги она никому не сказала. Видимо, сама судьба распорядилась, подарив дочку бездетной Зое Ивановне. Так Зоя стала алтум-сямь – матерью, что ребёнка из мань-кола вынесла и внесла в свой дом, ставший родным для мансийской девочки.

Родители души не чаяли во вскормленнице. Чету уважали крепко, и поэтому никакие слухи об усыновлении ушей девочки не коснулись. Но в маленьком посёлке избежать контактов с мансийкой было невозможно. Зою одолевали противоречивые чувства. Она злилась на мужа, который, ничего не зная о последней просьбе умирающей Вульги и кровной связи ребёнка с Наттей, частенько оставлял дочку с ней. Мучило острое чувство вины по отношению к несчастной женщине, к тому же бездетной. Одновременно возникала благодарность к ней: всё-таки Наття искренне любила Анютку и не жалела ни сил, ни времени на неё. Но вместе с тем Зою страшно тревожила чрезмерная привязанность дочери к родственнице. «Чёрт его знает! Зов крови, что ли?» – частенько думала она. А вдруг Наття знает тайну рождения девочки и откроется ей.

Поэтому, когда мужу предложили должность в областном центре, облегчённо вздохнула и ухватилась за переезд.

Анютка росла, радовала родителей. Дело жизни выбрала, очевидно, под влиянием детских впечатлений. Всё-таки непостижимыми узами была связана их дочь с Наттей. И сейчас материнское сердце предчувствовало грядущие перемены. А чем они обернутся для них и Анны – неизвестно. Не охладет ли она к родителям, воспитавшим её, не затаит ли обиду? Заиграет ли снова жизнь дочери яркими красками? Найдёт ли она себя и будет ли счастлива?

Глава 5

Анна проснулась рано, полная сил и энергии. Она с наслаждением потянулась и улыбнулась грядущему дню. Несмотря на ранний час, Натти в домике уже не было. Анята нашла её на улице. Хозяйка хлопотала у печи, выпекая хлеб с икрой для дорогой гости. На костре в казане поспевала каша саламат из муки с обжаренными на рыбьем жиру ядрышками кедрового ореха.

– Доброе утро, Наття! – Анята поцеловала старую женщину в морщинистую щёку.

– Пася Олэн²⁴, егоза! Покамест беги, умывайся! Хочешь к рукомойнику, хочешь на речку. Опосля за стол. У нас, однако, дел сегодня много.

Анята, словно маленькая беззаботная резвая агирись²⁵, понеслась по склону вниз. Она с удовольствием плеснула в лицо студёной воды. Замерла, прислушиваясь к голосу реки, перекличке птиц, шёпоту ветра в ветвях могучих кедров. Ощущение полного счастья охватило её. От переизбытка чувств она закружилась по берегу и упала на песок, всматриваясь в

---

²⁴ Пася Олэн – здравствуй (манс.)

²⁵ Агирись – девочка (манс.)

синь неба. Сами собой в памяти всплыли строчки давно забытой мансийской колыбельной песни, которую она когда-то пела с Наттей. Она нежно завела, отчего—то мешая русские слова с мансийскими, которые, как ей казалось, давно забыла:

«Во сне ты доченька растёшь,
С каждым днём ловчей стаёшь,
Тўяг ўйрисит ёхтэгыт,
Хайтыгтаҥкв наҥ патэгыг²⁶».

Неожиданно на неё налетел Лэпык третий, уткнулся мокрым носом, стал лизать лицо. Нюта живо поднялась и побежала в стойбище: «Догоняй Лэпык!» Далеко по округе разносился залиvistый лай довольной собаки, смешиваясь с громким заразительным смехом Нюты. У самой поляны она столкнулась с Юваном, вернувшимся с рыбалки.

– А я думаю, что там за птичка так звонок поёт?

– Это душа моя от счастья поёт, Юван! Знаешь, мне кажется, я нашла то, что искала.

– Иногда бывает так, что покинутое место навсегда остаётся в твоём сердце.

– Ах ты! Таёжный философ! Снова темнишь? А что ты этим сказать хочешь?

Разговор прервала Наття, кликнувшая молодых людей к столу.

– Погодите, детки, дайте только срок. Будет вам и белка, будет и свисток! – по обыкновению ушёл от вопроса Юван.

Вкуснее горячего, только что вынутого из печи хлеба, который отламывали руками, Нюта ничего в жизни не ела. «Резать такой хлеб нельзя, он «живой»! Нож его ранит», – пояснил Юван. Выпавший из рук на пол кусок хлеба Наття незамедлительно подняла, сопровождая загадочной присказкой: «Ку-

---

²⁶ Куплет из мансийской колыбельной песни «Ўлум эрыг» (в переводе: «А весной, с прилётом птиц, ножками ходить начнёшь»)

сок еды не дам, сама не пойду и родственников не отдам. Не сердчайте! А показать вам её покажу». Юван объяснил, что кусок символизирует принимающего пищу, а если он падает на пол, значит, кто-то из потустороннего мира пытается забрать его душу.

Позднее бабушка повела их в лес. На возвышенной гривке, недалеко от стойбища располагалось семейно-родовое кладбище. Анята не первый раз видела захоронения вогулов. Но сейчас она почему-то ощутила волнение и трепет. Сердце её бешено стучало. Над могилками возвышались сооружения подобные домикам с маленькими «окошечками» в торце. Согласно обычаю, манси стали обходить их, стуча по каждому: «Мы пришли». Натя поочередно открывала окошечки и ставила туда угощение. «Здесь лежит мой отец, рядом с ним мать. Это могилы моего брата и его жены, – коротко поясняла она. – А здесь моя племянница Вульга! Твоя родная мать, Нюта».

В первый момент смысл сказанного не дошёл до Анны. Потом, осознав, она тихо ойкнула и опустилась на землю у материнской могилы. Вначале она не могла поверить в реальность услышанного, но постепенно детские воспоминания, когда-то оброненные взрослыми слова, недомолвки, странности, нынешние таинственные реплики матери, Натти и Ювана, наконец, соединились в одну целостную картину.

Она сидела у поминального костра и слушала долгий, печальный рассказ своей двоюродной бабушки. Оказывается, о смерти племянницы и судьбе рождённой ей девочки Натте поведали сородичи, приехавшие как-то в посёлок из стойбища: худые вести не лежат на месте. Сердце Нюты сжималось, когда она представляла, сколько страданий вынесла Наття, зная, что водится со своей кровиночкой. Её поразило благородство простой женщины, решившей для блага девочки молчать. Удивляла искренняя благодарность, высказанная в

адрес Зои, спасшей и воспитавшей девочку: «Звезду матери в небе зажигают её дети, а ты целых две звезды зажгла!» Они то плакали, то смеялись. Даже сдержанный Юван незаметно вытирал порой катившуюся слезу. Нюта обрадовалась, узнав, что у неё есть родные дяди и двоюродные братья и сёстры.

– Ты тоже мой брат? – с замиранием сердца спросила она Ювана и не поняла, обрадовал или разочаровал его ответ.

– Я тебе не кровный родственник. Наття моя перня-сан. Крёстная мать, по-русски.

Как они закрывали окошечки, прощались с предками, уходили с кладбища, переступая через горящую словую веточку²⁷, Нюта не помнила. Ей захотелось побыть одной. Она ушла на реку и долго сидела на берегу, глядя на текущую воду. Постепенно мысли приходили в порядок.

Когда большой алый диск солнца начал опускаться за горизонт, её разыскал Юван.

– Ветрено завтра будет. Закат нынче красный. Ты как? Справилась?

– Уже лучше. Шок прошёл.

– У нас говорят: игла мала и хрупка, а сила её велика. Ты сама силы своей пока не осознаёшь. Но её у тебя ой как много! Ты с сердцем своим не спорь, вслушайся. Оно тебе верно подскажет.

– Скажи, отчего Евья здесь одна живёт? – первый раз назвала она бабушку новым именем. – Она и вправду шаманка?

– Ну, как сказать. С бубном не скачет, если ты это имеешь в виду. А то, что «знающая» и ведаёт много, это верно. От отца шамана ей много передалось. Здесь живёт оттого, что земля эта родовая. В ней она силу свою черпает. Без родной земли себя не найти! Да и верит она, что стойбище возродится. Колыбельные польются, звонкими колокольчиками детские го-

---

²⁷ Оградительный обряд защищает от покойных и злых духов при посещении кладбища.

лоса зазвонят, узорчатые мансийские сказки в нор-колах ска-
зываться будут.

Пойдем в избу, однако. Зябко стало.

– Ты иди, я тебя догоню, – откликнулась Нюта и, окинув
взглядом серебрстую реку, звенящие кедры на берегу, про-
шептала: «Земля моя, здравствуй!»

Она приняла решение и побежала по тропинке догонять
Ювана. А высоко над ними в предзакатном небе кружилась
пара белых лебедей – священных птиц её рода.

Александр Мраков ПРОПАВШАЯ ЖЕНА

Ерофеич подкинул дров в печурку и погладил бороду. Зарево от огня до того весело плясало по стенам, что ни скрип деревьев, ни вой ветра за слюдяным окном не мешали его скромному уюту.

В углу, на лавке отогревались двое – семейная пара, что с нарочными двигалась куда-то за хребет, наверняка кто-то сомустил их хорошим жалованием в провинциальном городке. Да вот, путь через горы был неблизок, а поздняя осень для этого куда как не дело. Возница их, укрыв от ветра распряженных лошадей, и дав им корма, давно спал, храпя у печи. Ерофеич хмыкнул: «Горазд он у вас грохотать, господа!»

Супруги были очень молоды. Укутанные в тулуп старика, они о чем-то ожесточенно спорили шепотом, и юная жена даже несколько раз ткнула в подслеповатого юношу кулачком. Качались тени в их углу, позванивала медью нехитрая посуда.

Ерофеич вздохнул. «А вот раньше-то, чтоб поженились, да спорили меж собой – такого и не было вовсе. Плохо ли, голодно – всё одно жили, перед Богом коли венчаны. А вот ежели худо становится, так это кто-то им наделал, чтоб худо было. И вот, так и так, в Барыкино вон у нас было...»

***

Фёдор приехал рано с покоса, а вот с порога уже осердился. «Что ж ты не ждала, Танька, поди, на стол не собрала...». Гневно бросил в сени рубаху, да вышел курить.

Татьяна вздрогнула и стала хлопотливо вынимать припасы. Уж год, как жили они с Фёдором в Барыкино, а не ладилось у них. Поначалу было всё хорошо да гладко. Познакомились они на ярмарке, глянулись друг другу, а к осени он в Надеино сватов заслал, как полагается, чинно просил руки. Скоро и

свадьбу сыграли, и зажили ладно да складно. Был Фёдор старшим сыном у родителей, любимым, так и оставили они его у себя, и жену к ним же привёл. Свекровь так сразу и сказала: «Каво ты привел-то из-за хребта?» Но Фёдор всё молчал. Татьяна маялась, тосковала, только в нём отраду и видела. А скоро и он стал на неё покрикивать, хорошо, хоть не бил.

Собрав на стол, Татьяна вышла во двор, позвала Фёдора. Он прошёл как есть, не видя её, молча сел за стол, хлебая нарочито громко щи, кроша хлебом. Хлеб Татьяна пекла чудесный, младшие братья да сёстры Фёдора очень любили её стряпню, да и свёкор едал, только свекровь всё покрикивала да «надеинской култыжиной» называла.

Вечор пришли с сенокоса домочадцы, скоро с устатку и спать улеглись. Свекровь всё ворчала, но скоро и она угомонилась. Татьяна повернулась к дремлющему мужу, ласково позвала. Он гневно отвернулся, больно задев её локтем. Татьяна беззвучно плакала, да так, что скоро подушка стала мокрой от слёз. «Тошно мне, матушка, удавлюсь я, или до Селенги добегу, утоплюсь. Нет мочи моей больше так жить!» Тихо встала, вышла в сени, зачерпнув воды из бочки деревянным ковшом, чтобы напиться, да вздрогнула. Примерещилась ей за маленьким сенным окошком какая-то тень. Потянулась она рукой повесить ковш, и в сумеречном ночном свете из бочки что-то мелькнуло, неясное, негаданное, пугающее. Метнулась Татьяна в избу, но уснуть не смогла. Так и проснулась утром квёлая да уставшая. А свекровь с мужем, спустив на неё всех собак, на покос ушли.

Стала Татьяна месить квашню, чтобы хлеба напечь, вдруг слышит конский топот за воротами и ржание. Вышла она за ворота, а там брат её на вороном коне дожидается. Всплеснула руками, заплакала...

«Да как же, Петя? Ведь погиб ты в лесу уж как года два, в самый Цаган-Дабан ушёл и не вернулся?»

«Да чеёты, сеструха, говоришь-то? Али хоронила меня?» – а сам смеется, усы покручивает, карим глазом посверкивает.

Татьяна прижала ладони к лицу.

«Слышал, плохо тебя тут держат, Татьяна, так я за тобой. Родителям-то небось не покажешься, срам только от соседей наводить. Так ты со мной в хребет поедешь, там у меня и дом, и достаток» – говорит Петр, а сам ухмыляется.

«Да как же я от мужа-то?»

«Дура ты, Танька!» – с досады сплюнул он, – «Сама не поедешь, так нужда заставит!» И ускакал.

Ничего не поняла Татьяна, только пошла в дом как заморожённая. Хлеба напекла, понесла на покос. А всё мерещится ей, что ходит в поле вороной конь, да смеётся-посвистывает брат.

***

Аким в тот день был во хмелю. Опрокинул бражки у шурина, да и развезло по жаре-то июльской. Пекло, известно как – сильно, и сократить путь до своей избы он решил еланью. Ключей раньше было много, это сейчас всё повысохло. Место скверное, топкое. А Акиму всё нипочём, идёт он, значит, по кромке болотной, песни поёт. Пьянющий. Ну, а предположим, как бы упал, где его потом искать-то. Вот, то-то же.

В поле припекало, покосники собрались у свеженакиданного стога сена. Пели женщины, бегали тут и там ребятишки, а старый Егорий, собрав вокруг себя людей, рассказывал «давнешнее».

И вот, значит, идёт он и идёт. Вдруг слышит: «Ты каво, сродственничек, не здороваешься?» Стоит будто бы шурина. «Так я, говорит только от тебя же». А тот «Ах ты ж ведь, ну тогда перекурим, поди? Утощай, Акимша». Пока Аким полез за кисетом, шурина уже не было, а стоял он не у Барькино, как думал, а на хребте. И, главное, у самого края стоял. Еще бы шаг – и всё. Водил его лесной...

Егорий от волнения сам потянулся за табаком, руки тряслись. К небу протянулось несколько рук с кистетами.

«А вон, Федор, и Танька идёт» – Егорий махнул рукой – «Хлеба, поди, напекла». Фёдор стиснул губы.

Татьяна брела, как в тумане. Всё не шёл у нее из головы брат на вороном коне. Подошедши к селянам, протянула Федору корзину с хлебами, и отошла, присела в тенечке.

«Что ж вы холеры, чёртовы дети, лешаки подколодные, разбегались!?» – кричала на своих ребят свекровь. И видела Татьяна, как из-за стога вышел Пётр. Стоит он, посмеивается, травинку во рту мусолит.

«Хлеб ты, холера передержала. Беспутая халда!» – закричала на нее свекровь. Заплакала Татьяна, а брат к ней руки тянет. Подхватил он её, запрыгнул на коня, и помчался ретивый конь по полю, только его и видели.

Видели, да не видели. Только что стояла Татьяна, а вот, её как и не было. Видели селяне, как поднялся сильный вихрь, засвистело, закрутило пыль, и раздался где-то у края леса, что лежал у Цаган-Дабана, злой и протяжный смех, удаляясь эхом. Исчезла Татьяна.

Фёдор кинулся по полю, кричит, зовёт её. Да только Татьяны и след простыл. Завыли бабы, запричитали старухи, закрепились мужики.

Старик Егорий прикрикнул на баб, погрозил мужикам. И, прихрамывая, подошел к осунувшемуся Фёдору.

«Что ж ты, паря, деуку-то не уберег?»

Фёдор осоловело посмотрел на него.

«Ты, что, думаешь, просто так всё, что ли? Измордовали деуку, а ты, Аксинья, что глядишь?» Татьянина свекровь аж язык проглотила.

«Увели ж её! Бегите скорее к бабке Евдокии, поспешайте! Уж если она не поможет, то и никто не поможет!»

Фёдор бежал по полю к Барыкино, а в ушах всё стоял тот страшный смех.

***

Бабка Евдокия жила на краю деревни одна. Не колдунья и не ведьма, а обычная одинокая женщина. Жених её сгинул в солдатах, родственников не было. А вот умела она унимать боль у людей и у животных, знала лес, знала травы, что в нём росли.

Когда запыхавшийся Фёдор прибежал к ней, бабка Евдокия стояла на крыльце.

– Ну, что, буйная голова, прибёг? Таньку профукал? А я вот и думаю, на кой такому балбесу да мамкиному любимцу жана?

– Евдокия Мелентьевна... Люблю я её, ведь жена она мне. Пропала она, увели её, нечистик уволок...

– Да, эка невидаль – бабка Евдокия с презрением посмотрела на Фёдора – Он давно уж тут крутился. Как вы с мамкой своей Аксиньей напуститесь на деуку, так он тут как тут, посмеивается.

– Что же мне делать?» – Фёдор утирал бесполезные слёзы рукавом, на который успела осесть пыльца и дорожная грязь.

– Ну, тут дело нехитрое. В церкву сходи, пусть свечку дяк поставит во здравие рабы Божьей, авось она вспомнит, что крещёная. Ну, а что с матерью твоей делать, я и ума не приложу. Куда она тебе ненависть-то к Таньке привесила?

Фёдор недоумённо смотрел на бабушку Евдокию. Спустилась она с крыльца, чуть прихрамывая, обошла кругом Фёдора, коротко усмехнулась.

– А, вот же она!» – и с этими словами вытянула из рубахи Федора у сердца небольшую тонкую иглу. – Ну, Аксинья! Ещё и меня ведьмой кличут. Ты погляди-ка, срамота-то, какая!

Бабка Евдокия ловким движением намотала на иглолку красную тряпицу, да переломила пополам.

– Иди, уж, дурная башка! Чай, в церкву успеешь.

Фёдор уходил от бабки Евдокии с лёгкой душой, в сердце его снова теплился огонь любви к Татьяне. Бегом бежал он к старой церкви, зная, что всё теперь будет, как Богу угодно.

***

Скакали долго. Смеялся брат, крепко держал Татьяну за талию. Сколько ни скакали – всё лесом. По времени уж до Петровского Завода бы доскакали, а всё лес и лес. Наконец прибыли к лесной избушке. Брат завёл её в дом.

«Вот, сестрица, тут я и живу теперь! Смотри-ка, вот и хозяйство моё, вот и богатства. Хозяйкой вот не обзавёлся, да уж ты пока хозяйствуй!» – захохотал с прищуром братец.

Из чащи к избе вышли две лисицы. Сверкали их глаза. Потяфкивали они, словно посмеивались над Татьяной.

Стала Татьяна жить у брата в лесной избушке. День прошёл, другой, тосковала она, беспокоилась. А брат посмеивался, да всё пряникам её угощал. А днём вскакивал на своего коня, и с громким свистом мчался куда-то, словно его и не было. А вот Татьяне уйти было некуда, пойдёт она налево, снова в горнице оказывается. Пойдёт направо, снова там же.

На третий день Татьяна решила бежать, взяла она хлеба, что брат пёк, пряников, да побежала, закрыв глаза. А только бежит она, в кровь разбивает ноги, и снова к избушке возвращается. Бежит она снова, а там лисы хохочут, да вороны каркают.

Вернулась она снова к избушке. А там брат сидит за столом, хмурый да недовольный.

«Насквозь ты ладаном пропахла. Всё бегаешь, так пора, наверное, и честь знать, нагостилась, дура непутёвая!»

Схватил её руками, а видит она – не руки это, а лапы когтистые. Глаза сверкают, сам хохочет, а и не конь это вороной ржёт, а сам, как ни на есть, ворон чёрный каркает. Закрыла Татьяна глаза, молитву никакую вспомнить не может, а брат несёт её, несёт, да не хохочет, рычит у же.

– Вот твоя деревня, дурёха! Смотри у меня, больше не горюй, да не желай умереть. А коли будет так, приду в любой час, уже не воротишься.

И исчез, словно его и не было. Побрела Татьяна по околицам, медленно, а ноги и не идут. Только слёзы неслышно каплют. Потянулась она, чтобы пряники да хлеб лесной выкинуть, а это и не хлеб вовсе, а камни да трава.

***

Федор стоял у алтаря и молился. Слов молитв он не знал, а просил от сердца, чтоб вернулась его ненаглядная душа, Татьяна. Дьяк зажёл свечи и стоял смиренно, читая молитвы на амвоне.

Вдруг двери церкви распахнулись, ворвался и заиграл огнём свечей порывистый ветер. На пороге стояла Татьяна. Как стояла, так и упала мешком. Подбежал Фёдор, со слезами на глазах бережно понёс её домой на руках. Выходили из дворов люди, крестились да головами качали. А не было Татьяны всего три часа.

***

Фёдор запрягал лошадёнку, на телеге лежали связанные узлы с нехитрым скарбом. Сидела на узлах Татьяна, улыбалась утреннему солнцу. Молодая семья уезжала в Надеино. И сколько ни прожили Федор с Татьяной, больше ни разу он ей слова поперёк не сказал.

***

– Вот оно как бывало то ранешне. Слово – оно живое, а счастье любит тишь да гладь. Любить да уважать друг друга надобно, я считаю, – ухмыльнулся Ерофеич. Повернулся к неожиданным гостям, а они уже спали, крепко держа друг друга за руки. Ерофеич затушил свет, и взглянул невольно в слюдяное окошко зимовья. Где-то, сквозь шум вековых кедров, слышался ему вдалеке, то ли смех, то ли крик ворона.

Евгений Пономарёв ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА

Лето уже подходило к концу, наступала осень. Деревья всё больше и больше наполняли свои кроны золотом и медью. Дни становились короче, а ночи прохладнее.

Я готовился к отпуску. В этом году я запланировал провести его не в южных краях на берегу тёплого моря, как это делал в последние годы, а в окружении суровой северной природы, побывав на небольшой базе своего дяди. Дядя Миша держал свою базу на севере Урала и уже не первый год звал меня к себе отдохнуть и полюбоваться природой Севера.

За два с половиной дня пути за окном плацкартного вагона произошла резкая смена летней поры на глубокую осень. Восьмичасовая тряска по ухабам на дядином внедорожнике сопровождалась удивительным уменьшением размера деревьев, кустарников и прочей растительности, пролетавшей за окном.

Наконец пейзаж стал совсем для меня непривычным. Море тайги расступилось и осталось позади. Деревья из войска великанов превратились в редкие миниатюры, которые неизвестный любитель бонсаи посадил среди каменных осыпей. Бесчисленные ручьи и реки несли кристально чистые потоки воды, освободившейся из ледяного плена белевших высоко в горах ледников. Низины блестели зеркальной гладью неподвижных вод. Разноцветный ковер мхов и лишайников покрывал многочисленные холмы.

База дяди Миши состояла из нескольких небольших домиков-вагончиков, расположенных на каменистом берегу одной из рек. А на противоположном её берегу находилось стойбище. Стоял небольшой деревянный дом, а рядом с ним возвышался конус настоящего чума.

– Это Якур зимнее стойбище готовит, – пояснил дядя, вытаскивая мои вещи из багажника своего автомобиля. – У него

раньше стойбище было в другом месте, за дальним перевалом. Но так как ко мне приезжают туристы, то мы вместе с ним решили, что будет лучше по соседству жить. Сейчас гостей интересует не только рыбалка, но и экзотика жизни оленеводов.

– То есть, у вас взаимовыгодное сотрудничество? – уточнил я.

– Без этого здесь никак, – пояснил дядя Миша. – Якуру я кой-какие товары достаю, дровишек ему подкидываю, а он мне оленины дает, организует для гостей прогулки на собачьих или оленьих упряжках. На рыбалку с ним и его сыном выезжаем.

– А сколько у него оленей?

– Здесь немного, и полсотни не наберётся. Основное стадо своё он между старшими двумя сыновьями несколько лет назад разделил. Они за перевалом находятся.

– Он один живёт?

– С Якуром живут его жена Урнэ и сын Юван со своей женой Литтой.

– Имена такие необычные, не запомнить даже!

– Наши имена-то у них, только на свой лад переделаны, – пояснил дядя Миша. Якур – Егор по-нашему, Юван – Иван, Урнэ – Ирина, Литта – Лида, должно быть. А исконные их имена и не выговорить бы, очень сложно произносятся.

– А они по-русски говорят?

– Ну, конечно. Сам все услышишь и увидишь. Пошли, покажу тебе твой домик, поужинаем, а завтра уже соседей наших навестим.

Мы прошли в небольшой вагончик. Дядя Миша показал, что и где находится.

После утомительной поездки и плотного ужина я очень быстро заснул.

Утром следующего дня мы с дядей направились к стойбищу Якура. Усевшись в моторную лодку, переплыли неболь-

шую тихую реку. Дядя не стал запускать двигатель на лодке, а воспользовался лежащими на дне вёслами.

Мы не успели причалить к берегу, как навстречу нам выбежали две лайки. Собаки были средних размеров. Одна совсем белая, другая с тёмно-коричневыми пятнами по бокам. Но у обеих собак заостренные кончики стоячих ушей глядели в серое небо, в хвост каждой из них был загнут в кольцо.

– Алдан, Хай! – едва выбравшись из лодки, дядя начал ласкать подбежавших к нему собак. – Встречаете нас, хорошие мои! Ну, ведите к хозяевам!

Собаки были настолько юркими и ласковыми, что я не смог удержаться, чтобы тоже не погладить и не потискать их немного.

Навстречу нам вышел небольшого роста седовласый старик. Одет он был в традиционную для северных народов глухую куртку мехом вовнутрь, меховые штаны. На ногах – унты. Воротник, капюшон и рукава его куртки были оторочены мехом. Выглядывающее из капюшона лицо казалось довольно круглым. Из капюшона торчала жиденькая седая борода и длинные усы.

– Здравствуй, Якур! – приветствовал его дядя Миша, пожимая старику руку. – Познакомься, мой племянник!

– Приветствую тебя! – по-русски произнес старик, обращаясь ко мне.

– Здравствуйте! – ответил я.

– Ну, пойдёмте в гостевой чум! – пригласил нас старик, указав рукой в сторону своего жилища. Якур при этом всё время улыбался. От улыбки глаза его совсем терялись на лице.

– Вы прямо тут живёте? – спросил я старика, когда тот откинул одну из шкур, которой был завешан вход в чум, приглашая войти внутрь.

– Не-не! – улыбался старик. – Это гости живут, а мы семьёй в избе.

– Это у них вроде гостевого домика для туристов! – пояснил дядя Миша.

Внутри было довольно темно, но уютно. На полу, в самом центре, из больших камней был выложен очаг. Остальная часть пола выложена шкурами. Массивные длинные жерди, составляющие каркас стен чума, уходили лучами высоко вверх. Там, над очагом, зияло небольшое отверстие, пропускающее внутрь столб дневного света.

Не успели мы усесться на устланный шкурами пол, как в чум вошёл мужчина средних лет, а вслед за ним две женщины. Седая старушка несла охапку хвороста, а та, что помоложе женщина – блюдо с большими кусками отварного мяса.

– А, Юван, приветствую тебя! – вскочил на ноги дядя Миша. Я тоже поднялся на ноги, чтобы поздороваться с сыном Якура.

– Урнэ, Литта, доброго вам дня! – поприветствовал дядя Миша женщин, которые, улыбаясь, поклонились ему в ответ.

– Здравствуйтесь! – громко произнёс я.

– Здравствуйтесь! – ответили мне женщины.

Хозяева чума были приветливы, но разговаривали мало. Женщины молча сидели у раздутого ими огня, разогревая на мясо и кипятя воду. Юван смотрел на огонь и работу женщин. Один старик Якур неторопливо беседовал с дядей Мишей. Я рассматривал небогатое убранство чума, одежды хозяев, слушал разговор дяди и старика. Хозяин стойбища вынул из кармана курительную трубку и набил её табаком. Медленно раскурил трубку от лучины, вынутой им из очага. Дядя Миша вынул из своего кармана пачку сигарет, угостив сигареткой Ювана и меня.

– Когда, Якур, к тебе старшие сыновья приедут? – поинтересовался дядя Миша. – С прошлого сезона их не видеть.

– Отправят детей на учебу, и с первыми снегами приедут.

– Они так же оленями занимаются?

– Да, к этому приучены только, – заключил старик.

– Давай завтра на рыбу съездим! – сказал дядя Миша. – Хочу племяннику такую рыбу показать, какую он ни в одном магазине не видел и, тем более, не пробовал.

– Можно и на рыбу, – промолвил Якур, не спеша затянувшись табачным дымом.

Угостившись варёной олениной и попив чай из сухих трав и ягод, поговорив о том о сём, все вышли наружу. Женщины скрылись в деревянном доме, а Якур и Юван стали показывать мне своё хозяйство. Мы прошли к большому загону, сколоченному из жердей. Там находились несколько десятков оленей серо-бурого окраса. Взрослые особи были все с рогами, с той только разницей, что у одних были рога большие и ветвистые, а у других оленей – совсем небольшими.

С шеи у многих свисала светло-серая грива. В стаде были и совсем маленькие оленята более тёмного окраса. Они прыгали на своих непропорционально длинных ногах. Рога у них полностью отсутствовали.

– Это всё взрослые и молодые самцы? – поинтересовался я у Ювана.

– Не, самки, самцы и маленькие, – пояснил оленевод.

– У самок тоже рога вырастают? – удивился я.

– Да, – вступил в разговор дядя. – Только самки свои рога летом сбрасывают, а самцы зимой.

Якур принёс пару рогов и отдал их мне в качестве подарка.

– На, бери, только сам не носи! – смеясь, сказал старик, протягивая мне рога.

– Обещаю не примерять их, – ответил я шуткой Якуру. Все разом рассмеялись.

Незаметно прошёл день.

Ранним утром, когда было ещё совсем темно мы вчетвером выехали на лодке вниз по течению реки. Вскоре взошло солнце, обещавшее нам чудесный день.

Проплыв на лодке больше часа, мы остановились у отвесного скального выступа, к которому вплотную подступала река. В этом месте было много заводей. Рыбу ловили на поплавочные удочки, спиннинг и донные снасти. В реке было так много рыбы, что за несколько часов два бака, уложенные на дно нашей лодки, наполнились разной рыбой. Здесь были щука, окунь, пелядь, омуль, чир, муксун и нельма. Много было поймано и тайменя.

Тут же на берегу разожгли костёр и поставили на огонь прихваченный из дома котелок. Дядя Миша и Якур выпотрошили несколько рыбин, опустили их в кипящую воду, добавив нарубленного лука и лаврового листа. Через несколько минут, сидя у костра, мы наслаждались вкуснейшей ухой.

– Нет в ухе соли, нет картошки, – пояснял, улыбаясь Якур.

– Раньше соли не было и картошки не было, рыбу так варили и ели.

Но и без овощей и соли эта уха показалась мне самой вкусной из того, что мне удавалось попробовать в жизни.

После плотного обеда долго сидели у костра, курили, разговаривали.

– Сегодня всполохи будут, – сказал Якур, задумчиво посмотрев в чистое небо.

– Да ну, рано ещё, – возразил дядя Миша. – Это Якур про северное сияние говорит, – пояснил он мне.

– Будут-будут, – улыбался старик. – Юван, заботы тебе с Литтой прибавится.

– А при чём тут северное сияние и Литта? – поинтересовался я.

Все молчали. Юван опустил свой взгляд вниз. Я понял, что вопрос мой был неудобным и задавать его повторно не стал.

Нагруженная лодка причалила к берегу, на котором стояло стойбище Якура. Он с Юваном вытащил один бачок с рыбой,

прихватив и свои рыболовные снасти. Мы с дядей Мишей направили лодку к противоположному берегу.

Весь вечер мы потрошили и чистили пойманную рыбу. Часть из нее на улице подвесили на деревянную перекладину за хвосты, предварительно вставив поперек каждой тушки внутрь небольшую веточку. Это делали для того, чтобы раздвинуть края брюшка рыбы для лучшего просушивания. Другую часть очищенной рыбы большими кусками, обильно обсыпанными солью, складывали в бачок с перфорированным дном.

– Рассол с лишней солью будет вытекать в эти отверстия, так рыба не забродит, – пояснял мне дядя Миша этапы приготовления.

– А муксунчик этот уже к вечеру готов будет, – держал он в руках большую рыбину. – Вот мы его с тобой под водочку и слопаем!

– Да, заманчивое предложение!

– А то! – подмигнул, улыбнувшись дядя Миша.

– Дядя Миша, а почему Якур сыну сказал, что у того заботы какие-то с Литтой прибавятся.

– Эмирячка она!

– Как это?

– Есть такой феномен, – пояснял дядя Миша. – Ещё Амундсен упоминал об этом.

– Не слышал о таком!

– Бывает и такое, – пояснял дядя. – Эмиряченье это учёные называют по-другому арктической истерией или арктическим психозом. Были случаи, когда несколько человек ни с того ни с сего начинали повторять слова и движения других людей, кричать, принимать странные неестественные позы, хороводить. Очнувшись от этого наваждения, они ничего не помнили. Некоторые доводили себя до такого истощения, что просто валялись без сил, проспав несколько дней.

– И Литта страдает таким недугом? – поинтересовался я.

– У неё этот недуг проявляется в другом, – во время сильного сияния она впадает в забытьё, становится, как зомби и направляется строго на север. Сколько раз такое было, что зимой полностью нагая выходила из дома и шла по сугробам в тундру. Хорошо, что хоть родня рядом всегда находится, не даёт ей уйти далеко.

– Она показалась мне абсолютно здоровой.

– Это ещё один феномен эмиряченья, который называют зов Полярной звезды, – продолжал дядя Миша. – Одни верят, что человек так с иным миром общается, другие считают, что это злые духи так над людьми смеются, манят их на верную гибель. Сколько так людей уходило и замерзало или тонуло в реках. По-разному к этому относятся местные люди. Кто-то таких людей за бесноватых считает, а кто-то почти за святых. Но ведь и у нас к юродивым так же относились: одни прогоняли, другие чтити.

– И такое с Литтой происходит каждый раз, когда сияние?

– Нет, раз на раз не приходится, – отвечал дядя. – Но Якур по каким-то своим приметам заранее знает о предстоящем сиянии.

– И предупреждает об этом своего сына, – заключил я.

Вечером с дядей Мишей мы сидели в его вагончике за столом, обедались малосольным муксуном. В разговорах за рюмочкой под хорошую закуску прошёл весь вечер. Уже поздно ночью вернулся я в свой домик.

Небо было чистое и звездное, никакого сияния не наблюдалось.

Меня разбудил лай Алдана и Хая, доносившийся с другого берега реки. Спросонья мне почудилось, что за окном уже рассвет. Однако, присмотревшись, я увидел, что ночное небо озарилось десятком ярких языков света. Набросив на плечи куртку, я вышел на крылечко. Мерцание переливалось разными

ми цветами: от красно-фиолетовых до желто-зелёных. Удивительные волны колыхались по всему небосклону. Я смотрел вверх как замороженный. Несмотря на пробывавший всё моё тело холод, оторваться от этого зрелища я не мог. В чувство привёл меня только кашель дяди Миши. Он сидел на крыльце своего домика, молча курил, подняв голову вверх.

Через некоторое время на противоположном берегу послышались крики. Это Юван с Урнэ звали Литту. Насколько можно было рассмотреть по темным силуэтам, они догоняли её и волокли в жилище обратно.

– Это Литта? – спросил я дядю.

– Да, – спокойно ответил он мне. – Скоро у неё всё пройдёт.

Этот ответ меня успокоил. И мой взор снова обратился на таинственное небесное свечение. Не помню, сколько я так простоял, глядя в небо. Помню, что край небосклона стал уже розоветь, а разноцветные всполохи померкли. Я ощутил сильный холод. И только тогда понял, что очень долго простоял на крыльце.

Удивительное природное зрелище меня потрясло. Манящая красота этого явления в некоторой степени подействовала и на меня. Однако осознание опасности его воздействия на Литту и некоторых других людей, поселило во мне убеждение о наличии и другой, зловещей стороне этого фантастического явления.

Утром мы с дядей направились к соседям. Какие-либо признаки случившегося ночью отсутствовали. Всё было по-прежнему. Урнэ с Литтой занимались домашними хлопотами, готовили еду, приветливо угощали олениной. Старик Якур и его сын Юван сидели у очага, мирно курили и разговаривали с нами.

Следующей ночью, задолго до рассвета, я снова проснулся и вышел из своего вагончика. Лежавшее на крыльце квадратное пятно просочившегося в проём открытой двери света отделяло меня от тьмы. Стоя на крыльце, я чувствовал, как на лицо тихо падают редкие снежинки. Небо было плотным, без единой звезды, а земля покрыта белым саваном. Ночь прошла спокойно.

Оставшиеся дни я провёл в беседах со своим дядей и его соседями. Ни мой дядя, ни его друзья-соседи не считали эффект северного сияния чем-то неестественным. Наоборот, Якур и члены его семьи считали, что Литта отмечена неким даром, благодаря которому она общалась с иным миром, миром духов их предков.

– Давным-давно все люди жили на Юге, – начал рассказывать Якур одну из легенд. – Жар Солнца вызывал в людях жажду богатства, славы и власти. Люди враждовали между собой и почти истребили друг друга. Но однажды ночью, когда Солнце спало, оставшиеся в живых люди услышали шёпот Звезды. Звезда звала их к себе, на Север, где в холодных водах много рыбы, в воздухе много птиц, а на снегах пасутся олени. Люди пошли на зов Звезды. Поселились здесь и стали жить без вражды друг к другу. Наступил мир между людьми. А духи предков в знак примирения стали зажигать в небе яркие огни.

Такие рассуждения старика окончательно развеяли мои тревоги за Литту и ей подобных.

Оставшиеся дни моего отпуска я наслаждался пребыванием в этом чудесном месте. Несколько раз мы выезжали на рыбалку, поднимались на соседнее горное плато, испещренное множеством каньонов и водопадов, наблюдали за перегоним стада северных оленей. Природа Севера не переставала поражать своей суровой красотой. Быстрыми темпами всё вокруг преобразилось. Разноцветье ковров из мхов и лишайников сменилось серо-белым покрывалом. Всё готовилось к самой длинной и холодной поре. Приближалась полярная ночь, а вместе с ней период небесных мерцаний.

Прощаться с этим диким и удивительным миром не хотелось. Чем дальше уносил меня поезд, тем больше было моё стремление вернуться обратно, словно таинственная сила самой Полярной звезды влекла меня в те края.

Татьяна Попова КРУГИ НА ВОДЕ

Стоял слишком жаркий конец лета, словно август перепутал регион или страну. Но это не мешало настроению пятницы, проходившей не в офисе, а на территории верёвочного парка. Лиза Авоськина с радостью бы печатала иски, закусив пухлую губу, и мысленно ныла-ныла-ныла, мечтая о прохладном море Балтики. Но директор оказался непоколебим. Сплочение ему подавай! И плевать, что новый юрист ещё и месяца не отработала.

«Тимбилдился» на разные лады. И тренинги проводили, и поднимали тосты. Дядечка-ведущий Егор Сергеевич сочетал в себе юмор, ум и настойчивость. Сказано вовлечь в игры всех – вовлекал. Ловко опрокидывал бокалы, но на его поведении это не отражалось. Трезвая Лиза косилась, брови-чайки взлетали выше.

Дошло, наконец, до забавы «две правды и одна ложь».

– Начнём с дам!

Блондинки Валя с Юлей шутили направо и налево. Строили блестящие после тостов глазки сотрудникам парка и официантам, выдумывали что-то смешное. Почерк у обеих был очень трудно разобрать, но замдиректора фотографировал бумажки на память.

– А теперь роковая дама. Лизонька, просим! Вы ведь вылитая актриса Тейлор, вам говорили?

Та кивнула, на минуту задумалась, но тут же нашлась. На клетчатом клочке вывела каллиграфически три строчки: «предсказываю судьбу по кругам дождя», «победила на пивном фестивале в Варшаве», «переучилась с повара на юриста».

– Однако! – хмыкнул в седые усы Егор Сергеевич. – Я голосую за пиво. Судя по тому, что ты не пьёшь.

– Вы что?

– Круги дождя, по-вашему, нормально?

В Вале-Юлином щебете сквозила насмешка. Остальные коллеги – четверо мужчин – однозначно склонились к тому, что Лиза написала ложь по поводу предсказаний. Последний пункт ни у кого споров не вызвал: автобиография и трудовая книжка его подтверждали.

Все, конечно, стали интересоваться, когда это мисс Авоськина ездила в Варшаву, и сколько ей пришлось выпить пива. Ведущий пытался продолжить игру и вернуться к Лизиним ответам позже. Его перебили.

Девушка засмеялась и ответила:

– Егор Сергееч прав. Я наврала про фестиваль!

– А мне можешь погадать? – директор – лысый мужчина с цепкими глазами – выглядел как сама серьёзность.

– Легко! Ща только с небом договорится, – программист Толян громко захохотал, и компания его подхватила.

Авоськина побледнела, закашлялась. Вскочила, взяла со стола кусочек хлеба, тарелку с овощами и понеслась на поляну. Там, возле искусно выложенной альпийской горки, это и началось.

Коллеги застыли в недоумении, а Толян снимал на телефон с открытым ртом.

Лиза выложила продукты среди камней, молитвенно свела руки и что-то шептала. А после, скинув босоножки, покружилась и стала танцевать. С закрытыми глазами, плавно двигая телом, но с каждой секундой ускоряясь. Бежевое платье подергивалось в такт. Чёрные волосы летали в своём ритме.

– Как будто играет музыка, но её не слышно, да? – растерянно сказала Валя.

– Она всё же чокнутая, – выдохнула Юля.

И тут с неба опрокинули тысячу ведер холодной воды. Танцовщица дернулась и медленно опустилась на землю. Ойкая и

смеясь, промокшие люди бежали к кафе. Толян дрожащими руками выложил видео в сеть с подписью «Сенсация! Девушка вызвала дождь!»

***

– Началось!

Крик женщины, открывшей телефон, поскакал между изогнутыми соснами Куршской косы и застыл где-то вдали.

– О господи! Мало нам гаданий на воде – теперь и это.

Седовласый мужчина с бородой, выровненной до миллиметра, обнимал супругу. Та вздрагивала, гладила экран и снова нажимала «воспроизвести». Стирала тропинки слез с резко постаревшего лица.

Никто не давал Нелли Авоськиной пятидесяти. Вздёрнутый нос, весёлые глаза, высокий мелированный хвост. Она ходила на бачату, писала картины акварелью, прыгала с парашютом. Словом, пробовала всё-всё-всё, лишь бы заполнить время.

До встречи с проклятием дочери.

Прошлым летом, отдыхая с супругом в этом же санатории, она ради необычного кадра залезла в кольцо «танцующей» сосны. Фото получилось ярким, но больше поразило другое. Нелли не могла выбраться, словно кто-то неведомый тащил за край сарафана.

– Чёрт! Да что же это! Дим, ну помоги же!

Супруг старался, но сил не хватало. Начали хохотать, вспомнив мультик про застрявшего Винни-Пуха. Потом пленница дерева, чертыхнувшись, стукнула по стволу...

И очутилась на высоком берегу около одинокой сосны. Внизу река неспешно несла свои воды. Небо начинало светлеть, но тишина казалась зловещей. Нелли сделала к обрыву шаг, другой, шепнула: «Эй, где я?»

Поежившись, повернула назад и тут услышала плач, пе-

реходящий в рев. Пошла на звуки. Оказавшись на поляне, остановилась. Низкие деревянные домушки, дым из труб. И никого.

Между деревьями мелькнуло что-то светлое, по виду платье. Нелли рванула туда. Стук сердца оглушал. И не зря. Через пару минут, а может, мгновений она увидела, как девушка заносит над головой младенца камень.

– Не-е-ет!

С грацией тигра тренированная Нелли прыгнула, повалила безумную на землю и схватила голого ребёнка. Вопли троих разнеслись по лесу дикой песней.

– Зачем ты мне помешала? – отдышавшись, спросила несостоявшаяся преступница.

Нелли смотрела изумленно и только крепче прижимала всхлипывающую девочку к груди. Нестарая, но с уже потухшими тёмными глазами, напротив неё сидела хмурая девица. В вырезе виднелась обвисшая грудь.

– Ты что творишь, дура? – не скрывала слёз невольная спасательница.

– Я должна была сегодня убить её, – спокойно ответила та, поправив на голове что-то вроде полотенца.

– Почему?!

– У меня уже три дочери. Земле нужны воины.

Нелли застыла. Вспомнила о своём единственном ребёнке и безуспешных попытках родить ещё.

Незнакомка прикрыла глаза, пошевелила губами и заговорила:

– Значит, этой девочке суждено жить. Но ты пострадаешь. Запомни: всё начнется через год. Лиза сумеет подчинить себе природу, но это станет её бедой. И ты не сможешь помочь.

– Откуда? Откуда ты знаешь про Лизу?

Авоськина-старшая ощущала дрожь во всём теле, а малышка на её руках тихонько засопела.

– Я умею видеть круговорот жизни и смерти. Иди на берег, обхвати рукой сосну, помолись – и возвращайся в свой мир.

Поднявшись, пророчица аккуратно взяла дочь, завернула в тряпицу и пошла к поляне.

Нелли брела следом, задавала вопросы, но её будто не слышали.

– Прощай, – буркнула напоследок безумная и скрылась в одном из домов.

Нелли побежала к заветному дереву. Успела прочесть половину «Отче наш» и оказалась рядом с мужем всё на той же Куршской косе...

***

Лиза Авоськина сидела рядом с шефом на лавке летней террасы. Он заказал себе капучино, а ей – кокосовый раф. Остальные сотрудники поднимали бокалы чуть поодаль, но косились в их сторону. Парк выглядел свежеумытым и старательно подсыхал.

– То есть, никаких шансов? – уточнил Альберт Михайлович и потёр переносицу.

– Думаю, нет, – тихо ответила Лиза.

Она смотрела вдаль и думала: «Что же я натворила? Откуда такие силы? Видимо, скоро придётся сбежать на необитаемый остров, чтоб никому не причинять боль».

Такое случилось с ней в третий раз за последний год.

Сначала была прогулка с женихом, где они попали под дождь. Но вместо согревающих поцелуев Лиза вдруг устала под ноги Роману. «Хочешь узнать судьбу?» – выпалила она, и жених засмеялся, мол, конечно. Узнав, что в начале зимы он попадёт в аварию и влетит на большие деньги, только хмыкнул. Тем неожиданнее оказался звонок среди морозной ночи – с матом и угрозами. Авоськина пыталась оправдаться, но он бросил трубку и пропал из её жизни.

Потом гадание «обрушилось» на лучшую подругу. Причём, Лиза отказывалась даже открывать рот, а Марина настаивала. Потом, услышав, что муж скоро изменит ей с сестрой и подаст на развод, отмахнулась: «Никогда и ни за что!» Но восьмого марта прибежала под вечер в слезах – предсказание сбылось.

И теперь, сидя рядом с «Полированным», как звали шефа за глаза, новая сотрудница подозревала: ей укажут на дверь. Ну, а кому приятно узнавать о неизлечимой болезни? Лгать или скрывать правду в такие минуты Лиза просто не могла: за неё как будто говорил кто-то другой.

– Что ж, спасибо. Пойдём к народу, – закончил беседу Альберт Михайлович.

Больше никто не возвращался к неожиданным событиям, но и тимбилдинг свернули быстро.

Лиза ехала в такси одна. Удивлённые взгляды и глупые вопросы коллег утомили. В голове бегали трудные мысли, в пальцах покалывало. Поделиться страхами девушка решила с мамой.

Очутившись дома, залезла в ванну, а после завернулась в халат, села в любимое кресло на балконе и набрала номер.

После первых фраз мама призналась, что это она виновата во всём, и подробно пересказала события, связанные с кольцом сосны, едва не убитым младенцем и пророчеством.

Ради интереса девушка Лиза произнесла непонятно откуда взявшиеся слова: «Снег, снег, великие боги, несите! Землю насквозь пронзите!»

В ту же минуту с неба полетели снежинки. Крупные, пушистые. И это в августе! Она ахнула, перекрестилась – осадков как не бывало.

Нелли уверила дочь, что сможет решить проблему, но нужно потерпеть.

Следующая неделя оказалась самой странной в жизни Елизаветы. Проснуться знаменитой – это ей удалось. Журналисты, блогеры и просто любопытствующие одолевали дома и на работе. Просили интервью, предлагали огромные суммы за вызов дождя. Она бросала трубки, плакала вечерами и пила успокоительные.

Шеф появлялся редко и выглядел хмуро. Коллеги не то завидовали, не то сочувствовали. Авоськина измучилась и попросила три дня за свой счет.

Билет до Калининграда, два платья, зубная щетка и свитер – сборы были стремительны. Ах да, парик и солнечные очки. Слава на вкус оказалась горьковатой.

Она сняла гостиницу неподалеку от санатория, где жили родители, и устроила им сюрприз. С порога заявила:

– Поехали! Где там кольцо? Будем искать вход в другой мир. Надоело всё до чертиков.

– Доченька, я уже пробовала – бесполезно. Все деревья с папой обошли.

– А мы с покровительницей на связь выйдем. Давайте скорее.

Родители переглянулись. Дочь успокоила их, объяснив, что не сошла с ума, просто в самолете разговорилась с интересной бабушкой. Та и подсказала, как можно призвать богиню Ладу, которая может вернуть всё на круги своя.

Через час семья Авоськиных стояла на злосчастной косе – все в черных костюмах, угрюмые. Лиза разложила на берегу золото и серебро – цепочки, кольца – и зажгла свечу. Скрестила пальцы, заговорила: «Матушка Лада, славим твою любовь всеобъемлющую! Помоги мне, наведи Лад в роду моём! Призываю тепло твоё, мудрость твою женскую!..»

Родители ахнули. Дочь повернулась и зажала рот. По волнам шла девушка в золотых одеждах. Светлые волосы с впле-

тенными березовыми листьями, добрая улыбка. Перед ней плыл белый лебедь, словно расчищая путь.

– Мир вам, люди добрые! – мягко заговорила богиня, сверкнув голубыми глазами. – Помочь – дело нетрудное. Только сперва причину нелада отыскать следует. А кроется она глубоко. Двадцать пять лет минуло с той поры. Вспоминайте, коли забыли.

Заклинательница погоды пожала плечами, взглянула на родителей. Мать стояла бледная, из глаз текли слёзы. Взяв супруга за руку, еле слышно сказала: «Я знала, что время придёт. Прости нас, Лиза!»

25 лет назад

До родов оставалось меньше месяца. Мамины запугивания и волнение супруга только смешили. Ну что может произойти, если она всё знает наперед? Два раза будущая мать видела сны. Малышка лежала в кроватке, за окном шёл снег. А на дворе всего-то начало октября!

Юбилей дяди Миши пропустить было просто невозможно. Девяносто лет старику. Хотя всем фору даст. Бодрый «пепельный блондин», сам огород сажает, ходит на рыбалку. И ежедневно по поллитровочке глушит.

Гуляли всем селом. Плюс потомки с разных городов собрались. Тамада, диджей, фотограф – в клубе было весело, шумно, вкусно. Готовили три дня. И колбаски домашние, и голубцы размером с мизинчик, и салатов штук шесть.

Хочот стоял без конца. Особенно, когда дядь Миша говорил, что ему в Лос-Анджелесе ставят прогулы, а он небо коптит. Название американского города почему-то дали местному кладбищу.

– Пойдём плясать! Не устала? – звал юбиляр единственную беременную на празднике и кружил под чувственное «Ту-ту-ту, на-на-на» и более энергичную «Голубую луну».

– Всё хорошо! Это лучший день рождения, на котором я была, – веселилась похожая на шар Нелли.

И конкурсы проводили, и салют устроили, и торта наелись.

Два дня обсуждали вечеринку.

А на третий это и случилось. Муж и мама уехали, всех на работе ждали. Нелли осталась. Очень уж ей нравилось дышать чистым воздухом в золотоосеннюю пору. Обещала вести себя прилично.

К вечеру похолодало. Начался противный дождь. Как будто кто-то невидимый бросался в прохожих длинным бракованным бисером. Теть Люся истопила баню.

– Нелька, ты только ночью не мойся, – шептала старушка.

– Эт почему? – заинтересовалась Нелли.

– Обдериша шкуру сдерёт.

– Чего-о?

В сказки о злой банной хозяйке городская жительница не поверила. Вымылась, правда, наспех и в кровать залегла с конфетами. Любовный роман Вильмонт, о котором с восторгом говорила соседка, пришёлся в тему. Живот немного ныл да дочка крутилась, будто на дискотеку пришла.

Нелли зачиталась. Взглянула на часы – полночь. Пошла в туалет, замёрзла. Дождь прекратился, но воздух уже намекал о приближении холодов.

«А пойду-ка сполоснусь ещё разок, да уж и спать пора», – решила гостя и смело шагнула в баню. Здесь славно пахло вениками и свежим деревом. Тишина, покой.

Нелли аккуратно присела на лавку и скрестила ноги. Врачи и мама постоянно ругали, но она эту позу любила. Прикрыла глаза ненадолго. Мечтала, как будет с коляской гулять по улицам и хвастаться дочкой-красавицей.

– Скинь ногу-то, скинь!

Глухой голос раздался так близко, что Нелли не могла пошевелиться. Открыла глаза – и заорала...

Наши дни

«Ступайте с миром. Да пребудет с вами Лад!»

Голос звучал в головах Авоськиных, пока ехали в санаторий. Богиня исчезла, как и не было её. Лебедь пропал следом.

Таксист (на удивление) молчал, радио что-то там шепелявило на рэперском.

– Пойдемте есть, я голодный как волк, – предложил глава семьи, когда машина притормозила у корпуса.

Женщины кивнули. Обнявшись, шли по улице солнечного города, где всё так же сустилась жизнь и кипели страсти.

Уселись на летней веранде. Быстро сделав заказ, вернулись к теме дня.

– Как я рада, что все позади. Даже не верится! – вздохнула Нелли.

– Я бы просто умерла на твоём месте от страха! – сказала Лиза и взяла мать за руку.

– А я до сих пор жалею, что тогда уехал, – добавил отец.

Подоспевший с мохито официант на минуту прервал беседу. Вилки-тарелки тоже не замедлили появиться.

Лиза пила коктейль и ещё раз мысленно прокручивала историю.

В бане явилась обдериха – уму непостижимо! Огромная тетка с одним глазом во лбу, огромными зубами и длинными волосами. Если б не мамина привычка скрещивать ноги – точно случилось бы зло. А так вышло, что крест её защитил. «Не перехитрить тебе меня! Значит, дитю твоему худо сделаю! Ровно в тот день и час, когда думать обо мне забудешь!» – гремела обдериха.

Мало того – от страха мама начала рожать. Хорошо, на вопли прибежала тетя Люся. Обдериха обернулась кошкой, спряталась под лавкой. «Банная хозяйшшка, спасибо тебе за парну байну!» – повторяла тётка, пока помогала Нелли вый-

ти на улицу. Там и роды принять пришлось – прямо на лавке возле бани. «Непослушная ты, Нелька, бедовая!» – причитала повитуха поневоле, держа орущего младенца. А с неба повалил снег.

На следующий день приехал папа. Ему про ночное происшествие говорить не стали. Но позже мама, конечно, не выдержала. Первое время даже спать боялась – вдруг что-то с Лизой случится. Но потихоньку страсти улеглись, дочка росла, хорошела.

И вот спустя четверть века мама случайно прочитала в одной из книг об обдерихе! Тут же вспомнила давнюю ночь и в шутку сказала папе, что сейчас бы разобралась с любым духом на раз-два. Непонятно, кто тянул её за язык... Уже назавтра она попала в далекое прошлое, гуляя по танцующему лесу. Какое счастье, что богиня Лада приняла извинения и своей волей сняла проклятье!

– Ну, всё, давайте смотреть в будущее. Жизнь прекрасна!
– Дмитрий Игоревич поднял бокал и чокнулся со своими девочками.

– Да уж. Доча, завтра идем на экскурсию в замок. Надо отвлечься. А потом и домой. Соскучилась по работе?

– Есть немного, – кивнула та...

Вернувшись в привычный мир, Лиза отправилась в салон. Покрасила голову, привела в порядок ногти. Начиналась новая жизнь.

Иски, иски, иски – будни закружили в суете. Шеф был в отпуске, коллеги признавались, что скучали по ней. Интерес к её персоне не угас, но она заявляла, что никакой тайной силой больше не владеет. А сама то и дело возвращалась к семейной истории.

В выходные Лизе пришла идея, что надо отблагодарить бабулю из самолета. Папа подключил знакомых – оказалось, место у иллюминатора на том рейсе рядом с Авоськиной Е.Д.

пустовало! Проверили камеры – никакая седовласая бабулька в фиолетовом платье в аэропорт не входила.

– Значит, ангел-хранитель расстарался, – решила мама. – Слава Богу!

– А почему он такой древний? – возмутилась Лиза.

– Наверно, потому, что душа стареет без любви. Пора тебе завести какой-нибудь сумасшедший роман...

Лиза только смеялась.

А в воскресенье вечером пришло сообщение от Полированного: «Назначили операцию. Говорят, вовремя пришёл. Спасибо!!! Поехали пить кофе? Я у подъезда».

Два раза она набирала и стирала сообщение. Потом взглянула в окно, прошитое водными нитками. Джип моргнул желтыми глазищами и пипикнул.

«5 сек!» – отправила ответ. Загремела вешалками, мурлыкая «ту-ту-ту, на-на-на, прошепчи мне “да”».

Крути на воде разбегались и улыбались в предвкушении счастья.

Элина Савченко
ВЫСОКОЕ БЕЛОЕ СОЛНЦЕ

В середине мая наша экспедиционная группа прибыла на поезде в уже знакомые нам края. Предстояла большая фото-съёмка для спецпроекта, и в этот раз на противоположном от Якутска правом берегу Лены – в посёлке Нижний Бестях. На несколько дней мы поселились у местного булчута²⁸ Сэргэха, который считался лучшим проводником в улусе, вдобавок, старший группы, Виктор, состоял с ним в приятельских отношениях.

Срубный хозяйский дом с двускатной крышей стоял на глинистом берегу среди хаотично разбросанных деревянных домишек и сильно контрастировал с современными постройками. Во дворе нас встретил невысокий старик, смуглый и худощавый. Он заметно хромал. Рядом, насторожившись и часто дыша, бегал подпалый охотничий пёс.

– Доҕор, айманма!²⁹ – хозяин потрепал по голове четвероногого, а затем поприветствовал нас:

– Здравствуйте! Күндү ыалдьыттарга үөрэбит³⁰.

– Эҕэрдэ³¹, Сэргэх! Здравствуй, дорогой! Сколько лет не виделись... – поспешил ему навстречу Виктор. – Потесним тебя ненадолго. Нас всего трое, техники больше привезли.

Старые приятели тепло обнялись.

– Проходите, – указал на крыльцо хозяин, – только у меня всё скромно, ребята.

– Не избалованные, – в один голос ответили мы.

Войдя внутрь и сгрудив дорожные сумки у стены, все скинули верхнюю одежду и по приглашению Сэргэха сели

---

²⁸ Охотник

²⁹ Друг, не смущайся! (якут.)

³⁰ Рады дорогим гостям! (якут.)

³¹ Привет (якут.)

за широкий, ничем не покрытый стол. В доме было тепло от печи, в которую совсем недавно подкинули сухие поленья. Старик-булчут проворно поставил перед нами строганину из чира, тонкие олады, картошку и жареную сохатину, а в чороне принёс кумыс.

– Кушайте, кушайте, – гостеприимно суетился он, – Это Нюргюяна готовила. Всё вкусное.

– Жена ваша? – полюбопытствовал я.

– Нет. Дочка.

Виктор кашлянул и с удивлением посмотрела на Сэргэха, однако промолчал, но по всему было видно, что наш старший впервые об этом слышит.

– А где она? – сразу воодушевился Илья, парень смыслёный, но ветренный и падкий до женского пола. – Пускай с нами обедать садится.

– Ешь давай, – остудил его Виктор.

– Нюргюяна только вечером вернётся, – усмехнулся Сэргэх. – На смене она, медсестрой работает. Я вас на отдых в другой дом провожу, что напротив, а здесь мы с дочкой будем.

Соседний дом был просторнее и чище. Он ещё не так хорошо протопился и непривычно пах оленьей шкурой. Я заметил в углу коридора диковинно вышитые бусами чёрные унты, накрытые целлофаном, – видимо, для лучшей сохранности. На одной из стен висело панно из кости и меха с изображением охоты на лося, а рядом – лоскутная мозаика с орнаментом. Дом, поделённый на две части, обставлен простенькой, но современной мебелью, и необходимая утварь была в наличии.

Мы как-то интуитивно поделили территорию, и я, улёгшись на доставшей мне жёсткой кровати, быстро провалился в долгожданный сон.

Мне снилось, что я стою посреди ослепительно-яркого снежного утра и наблюдаю, как крупный ворон склёвывает

со снега мёрзлую бруснику. Потом меня окликнул женский голос, и я, обернувшись, увидел девушку в бууктаах сон³² верхом на празднично украшенном олене. Лицо её скрывала обрядовая маска невесты. Она посмотрела на меня и протянула руку. На ладони её, к моему большому удивлению, сидела прозрачная стрекоза. А потом тот же ворон, что собирал ягоду, покружил над незнакомкой и опустился к ней на плечо. Она рассмеялась, свободной рукой развернула оленя и неспешно двинулась вперёд, повторяя: «Мин эйигин тута биллим»³³. Я совершенно точно понял её, хотя не знал языка, за исключением некоторых фраз. «Хаалыан-дьол будуонг»³⁴, – добавила незнакомка, не оборачиваясь.

Я открыл глаза. Сон встревожил меня, настолько он был реальным, вплоть до северного мороза, который я ощутил всем телом. К тому же, привычное чувство одиночества усилилось. Мои товарищи мирно спали после долгой, утомительной дороги, но я уже не хотел лежать и, накинув пуховик, вышел во двор. Там, у крыльца напротив, стоял Сэргэх и курил трубку. Пёс рванул было ко мне, но хозяин быстро осадил его:

– Стой, Догор, стой.

– Что означает его кличка? – спросил я, подходя ближе.

Старик улыбнулся:

– Догор – значит друг. Без такого друга охотнику нельзя. А вообще, – добавил он, выпустив изо рта клубок горьковатого густого дыма, – у нас с ним особые отношения. Он мне однажды жизнь спас.

– Расскажите, – оживился я.

– По осени это было, – охотно продолжил Сэргэх, – уже лежал снег. Мы с товарищами пошли на сохатого – мяса его до конца зимы хватит. Ну, и разбрелись по тайге – кто верхом,

---

³² Национальное пуховое пальто для праздника

³³ Я тебя сразу узнала (якут.)

³⁴ Останешься – счастье найдёшь

кто – пеший. Целый день с собаками зверя гоняли-гоняли, и всё к удаче, вроде, шло, но вдруг я неосторожно оступился, угодив в нору. Почти сразу понял, что сломал ногу.

– Как же вы выкрутились? – проявил я участие.

– Лежу на остывшей земле и, вместо того, чтобы предпринять чего-то, думаю: «Неужели Байанай моё угощение не принял?».

Булчут усмехнулся.

– Это я попозже и ползти пытался, и на помощь звать, только зря. Догор вокруг меня суетится, лает, мордой в бок тычет... «Тихо, тихо», – успокаиваю его. Вскоре смеркаться начало. Я прислушался – глухо: знал, что в пылу охоты далеко от всех ушёл, а в тайге всегда непросто найтись. Нога распухла и ныла нестерпимо, так, что пришлось снять ичиги. Я расчистил себе место от снега и примостился, как смог. Догор лёг рядом: сначала прижался к животу, потом свернулся у ног... обходил то сзади, то спереди, чувствуя, что мне нужна его помощь.

Ночь прошла почти без сна. Под утро я кое-как задремал, но вдруг резкий лай Догора заставил меня очнуться. Тот рванул в сторону, откуда мы пришли. Лает, аж захлёбывается, а потом исчез из вида. Я приподнялся на локоть и ружьё приготовил. Вдруг, думаю, дедушка пожаловал. Дедушкой мы медведя зовём. Ну, помаленьку лай стих, хотя и ненадолго – слышу: шум, голоса знакомые, а там и дружок мой первым показался. «Үчүгэй³⁵, – кричу, – молодец!», а сам обессилел почти. Товарищи меня подняли, на лошадь затащили и к балагану. Дальше сразу в машину и до больницы повезли... Как видишь, живой-здоровый.

– Действительно, настоящий друг, – заключил я. – Как же он к вам попал, Сэргэх?

– А вот тут история с точностью наоборот была. Якуты,

---

³⁵ Хороший (якут.)

ведь, как собаку себе отбирают? Испытывают её ещё щенком – кинут выводок в глубокий сугроб и глядят, кто первым выберется. Сильный нору делает и на свет тянется, слабый – в снегу погибает.

– Сурово.

– При суровых условиях в тайге нужны сильные помощники. Но вот, что интересно: Догор проверку не прошёл, а я почему-то решил дать ему шанс. За шкирку вытащил и за пазуху... Мне будто чутьё подсказало, что добрый друг и охотник из него выйдет.

Пёс, услышав свою кличку, оживился и поднял морду.

– Четырёхглазые псы – непростые, – улыбнулся старик и указал на тёмные пятнышки над глазами подпалого, а потом добавил:

– Мы с ним, по собачьим меркам, почти ровесники. Ладно, пойду баню готовить вам, а вечером за ужином соберёмся.

В долине Туймаада уже вскрылась Лена и понесла дикие воды на север. В день, когда мы приехали, великий ледоход оставил на буром берегу груды огромных ледяных игл, похожих на битое стекло. Вздывившаяся река глухо ворчала, стало ветрено, грифельное небо задождило, и стихия, замерев после обеда на пару часов, снова пришла в движение. Ледяные валуны, плотно спрессованные, таранили друг друга, теснясь к берегу. Я заворожённо смотрел на эту мощь, не в силах уйти. Весна только-только начала ощущаться, но речная колыбель уже плавилась, являя великую силу жизни...

Вечером, после хорошей бани, мы уже сидели в общей комнате у огня в доме булчута за ужином. У печи грелся Догор, полакомившись угощением с хозяйского стола. Изредка вздрагивая, словно гонясь во сне за зверем, он порывивал, потом вдруг открывал глаза и, поведя носом, успокаивался и снова впадал в дремоту. Виктор с Сэргэхом вспоминали свои первые совместные вылазки в тайгу, рассказывали охотничьи байки.

Неожиданно послышался далёкий звон колокола, и Сэргэх объяснил, что это началась служба в храме Благовещения. В ту же минуту в комнату тихо вошла девушка совершенно славянской внешности, даже не сахалярка, короткостриженная, белолицая, что очень удивило нас. Сердце моё дрогнуло, словно откликаясь на порыв тёплого скорого ветра. Я непостижимо затосковал по чему-то родному, чего у меня ещё не было.

Её уютно украшало серое, ниже колен, просторное платье, рукава едва прикрывали запястья, на шее, сбегая в узенький вырез, поблёскивал православный крестик. Вежливо поздоровавшись, она спросила, не нужно ли нам ещё чего-нибудь.

– Это моя дочка Нюргюяна, – представил её старик.

– Сергей, – оправившись, первым отозвался я, а следом представились и Виктор с Ильёй.

Девушка стеснительно опустила глаза, и Сэргэх, заметив это, быстро отправил её обратно, сославшись на то, что всего хватает. Нюргюяна вышла и до конца вечера не показывалась из своей комнаты. Лишь перед самым нашим уходом она выглянула, чтобы попрощаться, и мне показалось, что смотрела она только на меня.

Рано утром хозяин добротнo снарядил лошадей, коренастых и широкогрудых. Он предупредил нас, чтобы мы случайно не съели угощение, предназначенное для Духа леса – шумливого Байаная, которого перед началом дела обязательно нужно задобрить. Мы взяли провизию, технику, а булчут, соответственно, ружьё и выдвинулись в тайгу. Догор, ведомый инстинктами, уверенно побежал впереди...

– Пойдём напрямиком к нашему угодию, там и расположимся, – сообщил Сэргэх.

Шли, не торопясь и держась друг друга. Солнце поднялось высоко, прогрело воздух и землю, и проталины дали выход пушистым подснежникам. Через десять километров, в горной пади, показалось начало угодя с несколькими балаганами.

Собственно, с этого места и началась съёмка. Лошадей мы разнуздали и отвели за изгороди в стойбище. Сэргэх развёл огонь, угостил старика Байаная – покровителя охотников – оладьями и кумысом, чтобы тот даровал нам удачу, и Дух леса не подвёл – на следующий день старик подстрелил нескольких гусей.

Ближе к вечеру мы принялись варить в котелке походное жаркое из привезённого с собой мяса и картошки. Догор то и дело убегал в низину и возвращался оттуда возбуждённым, делал несколько кругов вокруг нас, затаивался в старой будке, а потом снова убегал. Сэргэх задумался и пошёл за ружьём:

– Как бы гость к нам незваный не забрёл.

Он не ошибся. Но какво было наше удивление, когда гостем оказался маленький слепой комочек, принесённый Догором в зубах. Он аккуратно положил новорождённого, от силы суточного, кутёнка, и вновь умчался в низину. Всё повторилось. Когда пёс метнулся в следующий раз, мы все, кроме Ильи, кинулись за ним...

В месте, куда привёл нас подпальный пёс, лежала не до конца ощенившаяся сука со вздутым животом. Глаза её остекленели, зубы обнажились. Она издохла совсем недавно, а потому обнаруженные нами ещё двое щенков, жадно присосавшись к её остывающему телу, ели молоко. Дождавшись, когда детёныши отлипнут от матери, Сэргэх поднял их и, передав Виктору, велел нам обоим возвращаться к балагану.

Булчута не было примерно с час. За это время внутри хижины мы соорудили что-то вроде вольера, накидали тряпок и поместили туда выводок. Меня страшно поразила увиденная в низине картина, но то, что произошло дальше, не укладывалось с первого раза в голове.

Мы с ребятами сидели у костра, когда наконец-то вернулся Сэргэх. Одежда его была испачкана кровью, а в руках он держал ещё одного щенка, мокрого, с только что обрезанной пуповиной.

– Виктор, воды тёплой дай да полотенце, какое почище. Этот живой пока, второй мёртвый уже был...

– Ты что сделал? – суетился Виктор, выполняя поручение старика.

Тот кинул спокойный взгляд на товарища и, ничего не отвечая, принялся обмывать новорождённого.

– Неси к остальным, только заверни во что-нибудь сухое. Надо подумать, как их кормить.

С этими словами Сэргэх вытащил из кармана нож и не спеша отмыл его от собачьей крови.

В посёлок мы вернулись на третий вечер, всё это время выкармливая кутят кумысом через «соску», смастерённую Сэргэхом из полиэтиленового пакета. Обратной дорогой в улус я всё думал над случайно услышанным ночью разговором между стариком и Виктором, из которого я узнал, что Нюргуяна с братом приехали на Север несколько лет назад. Ни отца, ни матери, ни своих семей у них не было. Иван, порядком старше сестры, имел нехитрую работёнку, шабашил, платил за съёмную квартиру, а Нюргуяна – недавняя выпускница медколледжа, ещё и на ноги не встала толком. Жили, как получалось, да вскоре Иван крупно проворовался у местных, в бега подался, а девчонка одна осталась. Сэргэх её возле соседского дома встретил, когда она по дворам спрашивала комнату внаём. Старик сразу сказал: «Живи у меня, дочка, сколько нужно. А там сама решишь, куда тебе дальше». Узнал я также, что по паспорту зовут её Настей, и работает она в районной больнице...

Нюргуяна встретила нас во дворе, сразу помогла Сэргэху развьючить лошадь, сняла подвязанную дичь, да так ловко, что я удивился её сноровке. Догор вился у ног её, ласкался, пригибаясь к земле.

– У нас пополнение, – устало улыбнулся булчут и вытащил из сумки завернутых малышей.

Никогда не видел я такого нежного изумления, какое было на лице Нюргюяны. Она приоткрыла рот и взвизгнула:

– Откуда, Сэргэх?

Потом обвела блестящими глазами нас и, заметив, как я люблюсь ею, покраснела и улыбнулась.

– Киниэхэ, быһыылаах, кэргэн!³⁶ – строго одёрнул старик.
– Принимай сосунков.

Она опустила голову и уже не глядя на меня, быстро ушла в дом с живым свёртком.

– Ты не увлекай её, смотри, если несерьёзно. И так сирота, – наставлял меня хозяин.

Приближался наш отъезд, а мне так и не удалось даже заговорить с ней. За последним ужином Сэргэх не спускал с меня суровых глаз, заметив, что я ловлю каждое, даже самое лёгкое, движение его дочери. Мне не была известна вся её истории, но почему-то она вызывала во мне сочувствие. Когда все стали расходиться, готовясь ко сну, Нюргюяна показала из своей комнаты с маленьким мешочком в руках, и сама окликнула меня. Сэргэх одобрительно кивнул и вышел с ребятами во двор.

– Я хотела вам на память кое-что подарить, – неожиданно заявила Нюргюяна.

Я обрадовался и смутился одновременно, всё внутри меня стучало от волнения.

– Пока вы в тайге были, мне на рынке какая-то женщина предложила купить безделушки. Я почти дальше прошла, так она не отстаёт: «Купи, выручи, пожрать нечего. Хоть сотку дай». Говорит, а сама то шкатулочку дешёвую мне под нос суёт, торгуется, то серёжки, то статуэтки. «Ворованные?» – спрашиваю. Крестится, глаза округлила: «Да Бог с тобой». Я ей сотню просто так протянула и ничего не взяла, но только уходить собралась, она из-под скатёрки бумажку вытащи-

---

³⁶ Возможно, он женат! (якут.)

ла и разворачивает. Я отмахнулась. «За три сотни возьми, а подруга? Жрать нечего. Гляди, цацка какая», – и достаёт из свёртка вот это, – Нюргуяна протянула мне мешочек. – Я о вас подумала, когда на неё взглянула, сразу решила, что в подарок возьму. Не отказывайтесь.

– Да как же я откажусь, – принял я подарок и, развязав тонкие тесёмки, обмер – внутри лежала серебряная стрекоза с прозрачными крыльями.

... В самом конце стремительного лета, никого не предупредив, я снова приехал в Нижний Бестях. Не мог не приехать... Пора белых ночей уже прошла, совсем тонкая дымка, предвестник скорой осени, – плыла, чуть касаясь утреннего берега Лены. По навигатору я быстро отыскал улицу и вошёл в незапертую калитку. До этого момента нисколько не волновался, а тут вдруг накрыло с головой. Догор первым подбежал ко мне и принялся ласкаться и подавать голос. Немного потрепав его, я двинулся к дому, возле которого на бельевой верёвке штительно сохло бельё, и уже на крыльце столкнулся с Сэргэхом, поспешившем на шум. Я неожиданно для самого себя горячо обнял старика. Искренним была и его радость:

– Я знал, что рано или поздно ты вернёшься, – похлопал он меня по плечу. – Она тоже не сомневалась... Ждала... А вот, – кивнул старик на выскочившего из дома щенка, – узнаёшь?

Я присмотрелся и точно узнал в нём одного из спасённых в низине, того самого, которого булчут принёс последним. Судьба его пометила бесформенным бурым пятнышком на боку и небольшим шрамом над глазом, когда вдыхала в него жизнь.

– А остальные где?

– Все хозяев своих нашли. А Умку себе оставил. Я ещё тогда решил: если оклемается, значит, охота к жизни большая, значит – мой будет. Ты проходи, друг, проходи в дом...

Мирно несла свои воды готовящаяся к холодам Лена. Над северной землёй выше поднималось неизменное белое солнце.

Хаваж Цинцаев НАДЯ

Рассказ-быль

Тревожная осень 1999 года. Через пять лет после первой чеченской войны тучи вновь сгустились над Грозным. Город, в котором я родилась и выросла, опять в напряженном ожидании. Снова приближается война. Кто-то, кому есть куда уехать и кому позволяет хоть какое-то материальное положение, спешно покидает город. Таких большинство. Кто-то, за неимением ни того, ни другого, готовится, как и зимой с 1994 на 1995 год, протянуть до весны. Таких – мало. И те, и другие, как и в первую войну, надеются в глубине души, что война закончится, не успев, как следует и начаться. И те, и другие не знают, что их ожидает впереди. И это угнетает, как и сама обстановка в опять ставшем фронтовым городе.

Я вспоминала тяготы и лишения, которые, пришлось испытать ещё в ту войну мне и членам моей семьи, оказавшись в роли беженцев. Поэтому мы до последнего оттягивали своё бегство из города. Двадцать первого октября 1999 года подвергся обстрелу ракетами с мощным поражающим воздействием район центрального рынка, что повлекло за собой огромное количество жертв и разрушений. После этого тянуть с отъездом мы не стали. Попрощались с остававшимися соседями, которые в силу различных обстоятельств не пожелали уезжать. Собрали свои нехитрые пожитки и покинули город с надеждой на скорое возвращение. Я снова уезжала из моего любимого города. Наступившая суровая действительность вынуждала меня это сделать, как и других, так как в наши дома вновь постучалась подлая война. И сделала нас вынужденными переселенцами.

Мы не стали далеко уезжать и обосновались в одной из станций в Ингушетии. Сняли там квартиру. Раздобыли ста-

ренький телевизор, у которого проводили, можно сказать, все время. Не пропускали на разных каналах ни одного выпуска новостей, где только и говорили о событиях в Чечне и в Грозном. Переживали за оставшихся там соседей, о судьбе которых ничего не было известно. Беспокоились о доме. Молили Всевышнего, чтобы он уцелел.

***

В начале марта, когда люди стали понемногу возвращаться в Грозный, я тоже решила съездить и посмотреть, есть ли нам куда возвращаться. Села на автовокзале в соседней станции на маршрутку, в которой ехали такие же беженцы, как и я. Конечно, страшно волновалась. Предстояла встреча с любимым городом и родным домом. Какими я увижу их? Что стало с моими соседями? Живы ли они? Неужели разрушенными окажутся здания и дома, более или менее уцелевшие после первой войны? Сохранились ли дома на нашей улице в частном секторе? Эти и другие вопросы волновали меня, и я задавала их себе всю дорогу, пока мы ехали. Мои раздумья часто прерывали военные на блокпостах, которые снова и снова проверяли у нас документы.

Наконец, после долгой тряски и многочисленных проверок наша старая маршрутка подъехала к северной окраине города. Грозный встретил нас пасмурной и хмурой погодой. Небо над городом заволокло чёрными тучами. Где-то горели нефтяные месторождения. В спёртом воздухе повис отвратительный и мерзкий запах, к которому примешивался ещё и запах пороха. Мне казалось, что я ещё в первую чеченскую привыкла к развалинам и разрушениям. Но открывшийся при въезде в город вид поверг меня и остальных пассажиров маршрутки в шок. Нашему взору предстала совершенно жуткая и сюрреалистическая картина, похожая на апокалипсис. Куда ни кинь взгляд – везде груды руин, пустые глазницы

окон в уцелевших стенах домов. Каким-то чудом сохранившиеся многочисленные печные кирпичные дымоходы, одиноко и гордо торчащие посреди развалин. Дороги завалены грязью и ветками деревьев, осколками и гильзами разного калибра. По наезженной колее изредка проезжала бронетехника, поднимая облака жёлтой душливой пыли. Через каждые триста-пятьсот метров забаррикадировавшиеся блокпосты и грязные военнослужащие с почерневшими неизвестно от чего лицами. Я невольно вспомнила кадры документальной кинохроники о Сталинградской битве во время Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. Многие картинки совпадали один в один.

Сердце отчаянно колотилось в груди. Я чувствовала, как кровь бьёт у меня в висках. Мне вдруг захотелось плакать. На глазах выступила влага, и к горлу подкатил ком. Усилием воли я взяла себя в руки и начала шептать молитвы. Это помогло. К моменту прибытия «Газели» к месту назначения в районе автобазы, я уже взяла себя в руки.

Здесь по обе стороны тротуара расположились два ряда торгующих, которые тянулись до самой больницы скорой медицинской помощи. Продавали всё подряд: хозяйственные товары (как новые, так и бывшие в пользовании), продукты питания. Бросилось в глаза большое количество продаваемой разнообразной тушёнки в жестяных банках. Это своеобразная «валюта» федералов, которой они рассчитывались с местным населением при натуральном обмене. «Раз есть базарчик (пусть и стихийно возникший) – значит, жизнь продолжается», – подумала я. И воодушевлённая этим умо-заключением, направилась пешочком в путь по направлению к своему дому.

Идти мне минут тридцать в сторону армянского магазина по дороге на старый аэропорт. А идти страшно. Часто приходится переходить с одной стороны улицы на другую, петлять.

То там, то здесь поваленные деревья, которые также приходится обходить. На улицах ни одной души. Тишина, которая лишь изредка нарушается рёвом проезжающей недалеко военной техники. Так или иначе, но через час я добралась до скособочившихся и пробитых осколками ворот своего дома. Дом, счастье-то, какое, стоял. Прохудившаяся крыша, кое-где потрескавшиеся стены, выбитые рамы не в счёт. Это можно сделать, отремонтировать. Главное – стены дома стоят. Довольная и счастливая я нашла место, где можно было присесть с дороги, передохнула. Потом побродила по дому, по двору, совершив своего рода инспекцию. Осмотрев их, направилась к неказистому дому соседей, расположенному на участке, прилегающему к нашему. Забор из шифера с калиткой был повален. Везде валялись осколки кирпича, черепицы и шифера. Сам домик оказался полуразрушенным. Черепицу с двухскатной крыши раскидало по всему двору. Саманные стены покосились. Я подумала, что вряд ли в этом домике сейчас кто-то живет. На всякий случай пару раз окликнула соседей, но никто не отозвался.

В этом доме до войны проживали мать с дочерью. Матери, бабе Даше, было за восемьдесят. Старая больная женщина ещё не утратила здравый рассудок, твёрдую память и способность самостоятельно передвигаться, хотя и не без труда. Её единственная дочь Надя тоже немолода. Ей шестьдесят с небольшим. В таком пожилом возрасте она выглядит, как ребёнок: маленькая, худенькая, морщинистая, с бледной и сухой кожей. Телосложение у Нади пропорциональное, однако, пропорции эти соответствуют детским. При рождении, по рассказам бабы Даши, Надя имела нормальные весоростовые показатели. В младенческом возрасте, когда ей было три-четыре годика, Надя, заболела. Болезнь её проявилась в задержке физического развития и роста. По этим показателям Надя стала значительно отставать от сверстников. При этом интел-

лект у Нади развит превосходно и полностью сохранен. Язык не поворачивался ни у меня, ни у других соседей называть её тетей Надей, поэтому все и обращались к ней просто – Надя. У матери с дочерью не осталось в нашем городе других родственников. Обе получали пенсию, на эти небольшие деньги и жили. Славилась своей чистоплотностью и аккуратностью во всём. Мы очень дружили. У нас даже была калитка в заборе на границе между нашими участками. Чтобы не через улицу попадать друг к другу. Они часто помогали мне присмотреть за единственной дочерью, и я в них души не чаяла. Считала их своими близкими людьми. Так же трепетно относились ко мне и баба Даша с Надей.

Между тем, услышав мои крики, прибежала Раиса, соседка, которая живёт напротив нас через дорогу. Мы кинулись на шею друг другу, стали обниматься, причитать. Раиса со старым отцом и инвалидом-братом никуда не уезжала из Грозного ни в первую войну, ни в этот раз. У нас с ними тоже сложились добрососедские доверительные отношения. Выплеснув эмоции и придя в себя, Раиса тут же, впопыхах, поведала мне вкратце такую историю про бабу Дашу и Надю.

Во время очередного ночного миномётного обстрела нашего квартала один из снарядов попал в дом бабы Даши. В это время у неё находилась знакомая одинокая старушка с соседней улицы, которая временно перешла жить к бабе Даше. На этом настояли Надя и сама баба Даша. Вместе было как-то надёжнее и спокойней пережить все ужасы войны, обрушившиеся на них. Да и зимними вечерами было с кем поговорить по душам, находя в этом успокоение. От осколков разорвавшегося под окном снаряда старушка погибла на месте. Ранило в ногу Надю. Баба Даша, по случайному и счастливому стечению обстоятельств, оказалась целой и невредимой. Но от испуга потеряла всякую способность передвигаться и не понимала, что происходит. Остаться ночью в доме с выбитыми

окнами было нельзя. Они могли просто замёрзнуть. Маленькая Надя, преодолевая боль, перевязала в потёмках первой попавшей под руку тряпкой свою кровоточащую рану. Волоком на одеяле, прилагая невероятные усилия, при лунном свете дотащила она ничего не соображающую мать через всю улицу к дому Раисы. Стала звать на помощь. Услышав крики о помощи, Раиса, вместе с вышедшими на помощь отцом и братом, занесла к себе обессиленных мать и дочь. Утром Раиса сходила в комендатуру и сообщила им о случившемся ночью. Приехавшие сотрудники МЧС забрали похоронить погибшую старушку. Затем снова приехали и эвакуировали неизвестно куда раненую в ногу Надю. Баба Даша до сих пор находится у Раисы. О судьбе Нади ничего неизвестно, хотя прошло уже четыре месяца, как её увезли. Ни в комендатуре, ни в МЧС не могут установить её местонахождение. На все запросы комендатуры в органы здравоохранения соседних республик, краев, областей приходят одинаковые ответы, что разыскиваемая Маслова Надежда Алексеевна в списках больных подведомственных им медицинских учреждений не значится.

– Я через день хожу в комендатуру, как на работу, – закончила свой рассказ Раиса.

– А что баба Даша? – спросила я.

– Убивается баба Даша, ослабла вовсе, говорит, хочет увидеть свою дочечку перед смертью... Жалко мне её, поэтому и бегаю в комендатуру, чтобы узнать судьбу Нади. Впрочем, чего это мы стоим здесь? Пошли в дом, там увидишь и бабу Дашу. Она, бедолага, обрадуется тебе, – сказала Раиса и мы, перейдя улицу, направились к её дому.

Баба Даша полулежала на стареньком диване, заботливо укутанная пледом. К дивану была приставлена табуретка, на которой соседствовали стакан с водой, какие-то пузырьки, много разных таблеток и детская чёрно-белая фотография

Нади в необычной настольной картонной рамке. С фотографии на нас смотрела беззаботная улыбающаяся девочка с огромным бантом на затылке. Лицо бабы Даши заметно осунулось за эти несколько месяцев, как мы не виделись. Физические и моральные страдания, которые ей пришлось испытать, не прошли бесследно, наложили свой неизгладимый след.

– Узнаешь гостью? – спросила Раиса бабу Дашу.

Та прищурилась, приложила полусогнутую ладонь руки к голове и долго разглядывала меня. Я стояла, не шелохнувшись и впившись в неё взглядом. Тень улыбки пробежала по лицу. Она прикрыла глаза, радостно протянула руки ко мне и, когда я подошла к ней, крепко прижала меня и не отпускала долго. А потом, слегка отстранившись от меня, заглянула мне в глаза и тихо спросила:

– Ася, родная, ты нигде не видела мою Надюшу?..

***

Мне надо было успеть на последнюю маршрутку, которая уезжала обратно в Ингушетию. Цель моей поездки была достигнута. Я узнала о состоянии своего дома, который, к счастью, сохранился. Слава Всевышнему, моей семье есть куда возвращаться. Нам повезло. Я также вдоволь наговорила с Раисой и бабой Дашей и была в курсе всех тех суровых испытаний, которые выпали на долю моих соседей в прошедшую военную зиму. Голод, холод, постоянные артиллерийские и миномётные обстрелы, а порой и бомбежки. Отсутствие воды, света, газа. Долгие зимние вечера, когда не знаешь, доживёшь ли ты до утра. И бесконечное ожидание того дня, когда всё вокруг успокоится, прекратится стрельба, убийства. Несмотря ни на что, эти люди выжили и достойны самого глубокого уважения и человеческого сострадания. Об этом и многом другом, связанном с войной, думала я всю дорогу, пока ехала к своим.

Через две недели после первой поездки в город я ещё раз по делам побывала в Грозном. Заходила и к соседям. Баба Даша всё ещё находилась на попечении Раисы. От Нади по-прежнему не было никаких вестей. Установить её местонахождение не удавалось. Бедная баба Даша наивно спрашивала меня, не слышала ли я чего-либо о её дочери. Не в силах видеть её страдания, я обещала бабе Даше, во что бы то ни стало найти Надю и привезти к ней. Это была, конечно, ложь Луки. Но сделала я это, чтобы хоть как-то, хоть на какое-то время утешить её. Приехать в следующий раз я предполагала не скоро. Может, к этому времени Надя и найдётся. А если нет – тогда что-нибудь придумаю, чтобы оправдаться перед бабой Дашей.

Моей попутчицей, когда я возвращалась из Грозного, оказалась моя старая знакомая. Мы сели на соседние места и говорили всю дорогу. Темы были разные. Рассказала я своей знакомой и о бабе Даше с Надей. И она спросила:

– А в Серноводской больнице смотрели они?

Я ответила:

– Наверяд ли... Считается, что её вывезли за пределы республики...

– Я точно знаю, что там лечились раненые жители Грозного, эвакуированные во время боев...

– Ну, тогда завтра же поеду туда и проверю, – сказала я.

На следующий день я с пересадками добралась до Сунженской районной больницы, которая находится на западе Чечни, рядом с Ингушетией, в селе Серноводское. У первой же встретившейся женщины в белом халате спросила:

– Есть ли у вас на лечении русскоязычные женщины из Грозного?..

Та недоверчиво осмотрела меня с ног до головы и произнесла:

– Есть... А тебе зачем?

- Надо, если спрашиваю.
  - А кого ты ищешь?
  - Маслову Надежду...
  - Не знаю такую. Зайди в приёмное отделение, спроси там,
- и показала, куда идти.

В приёмном отделении на этот час не оказалось никого, кроме санитарки, которая мыла полы. Она велела мне подождать в коридоре, пока не закончит. Ждать я не стала и направилась к стоящей неподалеку и оживлённо беседующей группе женщин, по виду, пациенток больницы. Они также были озадачены моим вопросом. Последовало много встречных вопросов. Их интересовало, почему это я – чеченка, ищу русскую женщину. Кем она мне доводится? С какой целью, зачем, для чего я её ищу? Но у меня не было никакого желания объяснять что-либо этим любопытным варварам. Я демонстративно отвернулась от них и последовала дальше. Вслед мне донеслось:

- Загляни в палату № 6.

Через минуту-другую я оказалась у открытой настежь двери с прикреплённой металлической цифрой 6, откуда доносилась русская речь. Я тихонько постучала и робко вошла в небольшую палату, где стоял свой специфический лекарственный запах. Две женщины лежали, а ещё три сидели на кроватях. Вид у больных был жалкий. Осунувшиеся лица с типичным для больницы жёлтым цветом и глаза, в которых при внимательном их рассмотрении можно было увидеть все страдания, которые им приходится испытывать. Я переводила взгляд с одной женщины на другую, а они вопрошающе уставились на меня. Нади среди них не было.

- Здравствуйте. Я ищу Маслову Надежду. Вы не знаете ее?

Женщины переглянулись удивленно, и показали на пустую, не убранную койку:

- Знаем. Вот её кровать.

– Где она?! – воскликнула я и почувствовала, как кровь хлынула к моим вискам.

– А ты присядь на её койку, вот сюда. Она щас придет.

– Где она?! – мне не терпелось увидеть Надю...

– Она во дворе помогает прачкам развесить белье после стирки, щас придёт, присядь.

Видимо, любопытство раздирало больных палаты № 6, и велико было их желание послушать меня. Я же горела желанием как можно скорее увидеть Надю и убедиться, что это именно она. Мне не составило большого труда найти место, где неподалёку две-три женщины развешивали свежестиранное белье. Я сразу со спины узнала маленькую детскую фигурку Нади в огромных, как лыжи, тапках на тоненьких обнаженных ножках.

Сложно передать всю гамму чувств, которые охватили меня в тот момент. Я громко закричала:

– Надя!

Все три женщины обернулись и застыли на месте. Надя или не узнала меня, или, узнав, не могла поверить, что это я. Воцарилась неловкая пауза, которая, казалось, длилась целую вечность. Тогда я снова, уже тихо, выпалила:

– Надя, я это, я... Ася... Ну, что ты? – и распростёрла руки, готовая заключить ее в свои крепкие объятия.

Я никогда бы не подумала, что из этого крохотного существа может вырваться такой громкий неестественный крик, в котором одновременно перемешались и ужасная боль, и беспросветное отчаяние, и безграничная радость. Десяток метров, что разделял нас, был преодолен Надей в одно мгновение, несмотря на хромоту, оставшуюся после ранения. И она повисла у меня на шее, беззвучно рыдая и всхлипывая.

– Ну, всё, всё. Хватит, будет тебе... – долго успокаивала я Надю, поглаживая её по худенькой спинке. Надя вдруг резко отстранилась от меня и, снизу вверх глядя на меня заплаканными глазами и всхлипывая, тихо спросила:

– Ася... А моя мама живая?

– Живая, живая... Она и прислала меня за тобой, велела без тебя не возвращаться, – улыбнулась я и подмигнула ей.

Пока Надя собирала всё своё жалкое скарбишко, я удовлетворяла любопытство соседок Нади по палате. Весть о том, что приехали за Надей, молниеносно разлетелась по больнице. В палату прибежали также несколько медсестер и санитарок. Мне было не до их разговоров, и я попросила ускорить нам выписку. Она носила формальный характер и много времени не заняла. Мы с Надей вышли из ворот больницы, в которой она провела четыре с лишним месяца, чтобы на попутных машинах добраться до нашей съёмной квартиры.

До самой глубокой ночи проговорили мы с Надей в ту ночь. Я рассказала ей о своих поездках в город, о том, что я увидела там. Надя слушала меня, затаив дыхание, и не перебивала. Конечно, рассказ произвёл на неё сильное впечатление. После недолгой паузы, она задумчиво спросила:

– Ася, а что будет дальше?..

Я не знала ответа на этот вопрос, поэтому произнесла:

– Понятия не имею. Остаётся только уповать на Всевышнего...

Затем Надя поведала о своих злоключениях с момента, как ее, раненую, эвакуировали из Грозного. Вспоминали о соседях, о довоенной мирной жизни. Тогда мы и предположить не могли, что совсем скоро на себе придётся испытать все ужасы и тяготы войны, которая тогда казалась чем-то немыслимым и невозможным.

Я планировала отвезти Надю в город через неделю, а то и дней через десять. Хотела, чтобы Надя немного отошла от пержитого, набралась сил. Кроме того, надеялась, что к этому времени в городе будет спокойнее и не так страшно, как в первые две мои поездки. Но Надя и думать об этом не захотела. Слёзно стала просить и умолять отвезти её в город к матери.

И вынудила меня таки уступить её мольбам. Я знала, что Надя не сможет покрывать большие расстояния самостоятельно. Вспомнила, что у соседей есть складная детская коляска, которую они приспособили для перевозки воды в канистрах и флягах. Коляска может пригодиться для перевозки Нади, когда она будет уставать. Да и ручную поклажу удобно будет на ней везти. Соседи пошли мне навстречу и одолжили эту коляску на время. Договорилась также со знакомым, что он отвезёт нас до автовокзала в соседней станице.

Утром следующего дня мы заняли места в маршрутке, которая следовала в Грозный. Людей было мало, поэтому стояли долго, ждали, пока не наберётся достаточное количество пассажиров, следующих в город. Кто-то сказал:

– Сегодня же выборы. Ходят слухи, что город сегодня будет закрыт для въезда всякого автотранспорта.

– А я и не подумал об этом. Тогда и ехать не стоит. Нас могут развернуть, – произнес водитель маршрутки.

– Если развернут, ты вернёшься, а нам позарез нужно добраться до города, – вступила в разговор немолодая женщина.

Обсудив ситуацию, решили всё-таки ехать. Оставалось ещё два-три свободных места. Водитель не трогался, пока не займут все места. Воспользовавшись моментом, я решила выйти из маршрутки и купить на дорогу бутылку воды. Поймав на себе тревожный взгляд Нади, я сказала ей:

– Ты посиди пока... Я быстренько...

Вернувшись к своей маршрутке, я застала такую картину. Ревущая Надя в истерике забилась в угол и диким ором кричала:

– Асяя, Асяя!!! Не бросай меня!!! Пожалуйста! Асяя!!!

Около нее хлопотали пассажиры, всячески успокаивали ее:

– Да вот же она, твоя Ася! Чего это ты сразу в панику?

– Надя, ты что?! Как я могла тебя бросить?! Найти тебя и забрать из больницы, чтобы потом бросить?! Ты в своём уме?!

А ну-ка, прекрати немедленно! – обняла я Надю и прижала к себе.

Все, находящиеся в маршрутке, заулыбались. Инцидент был исчерпан. Прошло ещё немного времени и мы, наконец-то тронулись в путь, не зная, что нас ждёт впереди.

Последние полгода были для Нади чужой жизнью, прожитой чужим человеком. В этой жизни, да и в ней самой, не было ничего связующего с тем, что было раньше, и тем, что должно быть после... Она сама не понимала, как получилось прожить чужую жизнь. И вот, ей казалось, чужой человек сегодня умер. А освободившийся прежний, ликуя, возвращался обратно домой. Ей неведомо было, что она рано похоронила этого чужого человека. В его шкуре ей ещё придётся побыть, прежде, чем она доберётся до своей матери.

Поехали мы не по привычному для всех маршруту по автотрассе Ростов – Баку, ставшей прифронтовой дорогой. На ней стояло много блокпостов, на которых проезжающий автотранспорт и пассажиры с присущим военному времени пристрастием подвергались тщательному до-смотру. В Грозный мы решили заехать с северной стороны. Там блокпостов было немного, да и времени это могло бы занять меньше. Расстояние до посёлка Горагорский мы преодолели за час и на выезде из него упёрлись в блокпост военных, на котором собралось много машин и людей. До города оставалось ехать ещё час. Выяснилось, что город действительно закрыт в связи с выборами Президента России. Въезд автотранспорта категорически запрещён. Людям, желавшим попасть в Грозный, ничего не оставалось, как разворачиваться и возвращаться обратно туда, откуда они приехали. Никакие уговоры и объяснения на военных не действовали. На Надю, которая видела все это и слышала, больно было смотреть. Крупные слезы катились по её худым щекам. Пассажиры маршрутки, на которой мы приехали, тоже засобирались ехать обратно. Я попросила

нашего водителя подождать пару минут и обратилась к одному из старших военных. Вкратце и сбивчиво поведала ему историю Нади, умоляя его помочь воссоединиться матери и дочке. К моему удивлению, военный внимательно выслушал меня, подошёл к маршрутке и, заглянув внутрь, сказал Наде, как отрезал:

– На выход с вещами!

Высадив нас с Надей, машина, на которой мы приехали, тут же развернулась и уехала вместе с пассажирами. А мы в сторонке стали ждать дальнейшего развития событий. К блокпосту подъезжали всё новые и новые машины. Опять сбивчивые объяснения военных, опять недовольные возгласы водителей и пассажиров прибывших автомобилей. Одни уезжали обратно, другие только подъезжали... Так продолжалось довольно долго. И мы стали волноваться. А вдруг про нас и вовсе забыли? Наконец-то к нам подошёл «наш» военный с водителем одной из машин и торопливо объяснил:

– Только из-за вас я решил эту легковушку пропустить. Быстренько погрузайтесь и поезжайте! Он доведёт вас до места назначения.

– Счастливо... Привет мамаше, – улыбнулся он нам весело и приложил руку к виску, отдавая нам честь.

«И все-таки мир не без добрых людей. В этом жестоком мире войн, зависти и злости очень важно оставаться человеком и помогать тому, кто в этой помощи нуждается», – думала я про себя, удобно расположившись с Надей на заднем сиденье старенькой «шестерки». Рядом с водителем сидела молодая женщина.

Ехали молча. Дорога была пустынной. За окном мелькали бескрайние неухоженные поля и холмы, над которыми плыли серые облака тумана. Мы встретились с водителем взглядами в зеркале заднего вида, и он спросил:

– А вам, куда ехать в городе то?

– Нам нужно в район старого аэропорта, - ответила я.

– Вообще-то, нам с женой надо в посёлок, который находится по дороге, не доезжая пять-шесть километров до окраины города. Но раз обещал, я, конечно, довезу вас до места назначения.

– Мы будем признательны...

– Скоро будем проезжать село. Там на обочине стоят люди и продают бензин в банках. Вы меня заправьте только. Пару банок... Ладно? Сами понимаете, денег катастрофически не хватает.

Речь шла о десятилитровых стеклянных банках. Еще до начала военной компании стационарные автозаправочные станции в республике прекратили по существу свою деятельность. Торговля бензином перешла постепенно в руки частных мелких торговцев. Они стояли в каждом населённом пункте, на всех больших перекрестках, выстроив вдоль дороги целые ряды банок с самодельным бензином, получившим в народе название «конденсат». Это смесь продуктов переработки нефти, которые вытекают повсюду из проложенных вдоль и поперек по чеченской земле трубопроводов. Она скапливается под поверхностью земли, образуя огромное подземное море, которое временами переливается из одного района в другой. Сразу же после первой чеченской войны во дворах по всему городу и близлежащих селах во множестве появились мини-скважины или колодцы по добыче нефти, а также мини-заводы по переработке нефти. Большинство из них не прекращало свою деятельность и в ходе второй чеченской компании. Разумеется, российские военные, имея свою долю за обеспечение «крыши», помогали им в производстве и реализации бензина на месте, а также в контрабандном вывозе бензина за пределы республики. Стоило только подъехать к стеклянным банкам на обочине автодороги, как их хозяева подбегали к тебе и самостоятельно заливали нужное количество литров.

Чего греха таить, у меня лишних денег тоже не было. Только на обратную дорогу. И так перебивались, как могли. Дошло до того, что из-за нехватки денег я обещала хозяйке квартиры, которую я арендовала у нее, произвести натуральную оплату мягкой мебелью. Туда входили раздвижные диван и два кресла. Я их купила незадолго до начала второй военной кампании. И вот, не успев толком и попользоваться новой мебелью, я вынуждена буду отдать её в виде полугодовой платы за наёмное жилье. Впоследствии я так и сделала. Но прежде пришлось обивать пороги военной комендатуры Грозного, чтобы оформить разрешение на вывоз мебели. Надя, видимо, почувствовала моё замешательство и, толкнув меня в бок, подмигнула. Полезла к себе за пазуху и, как фокусница, достала откуда-то смятую денежную банкноту. Как потом выяснилось, эту купюру ей наспех сунула в руки соседка Раиса в тот день, когда Надю эвакуировали из Грозного. Она все время берегла эти небольшие деньги на чёрный день. И вот наступил день, когда они пригодились. В пригороде Грозного мы остановились у стеклянных банок с самопальным бензином. Залили две десятилитровые банки. Я приспустила стекло и рассчиталась, не выходя из машины, и мы продолжили наш путь.

Дорога по-прежнему была пустынной. Ни одна машина нам не встречалась! Не только гражданских, но и военных машин не было. Наша одинокая «шестерка», пользуясь отсутствием на дороге какого-либо транспорта, ехала как ей удобно: то по правой стороне дороги, то по левой. Все в легковушке молчали, каждый думал о своем, тревожно вглядываясь вперёд. С правой стороны на обочине дороги показался скобочившийся железобетонный столбик с простреленным и изрядно помятым указательным дорожным знаком. Покорённая табличка с названием населенного пункта, написанного черными буквами на белом фоне, указывала, что мы въезжаем в город Грозный. Надя нетерпеливо заёрзала. Впереди, на

въезде в город, замаячили какие-то нагромождения. Это был блокпост. Он представлял собой сложенные по окружности в два-три ряда мощные фундаментные бетонные блоки с множеством амбразур для наблюдения и стрельбы. Обычно мы привыкли видеть на блокпостах заторы из машин, военных, обвешанных оружием. А тут, кроме зарытого в землю танка и двух БМП, никого не было. Даже военных. Наш водитель не стал подъезжать вплотную к блокпосту и притормозил.

– Не понятно что-то, – произнес он и вышел из автомобиля. Он переминался с ноги на ногу, не зная, что делать. Стояла зловещая тишина. Но так продолжалось недолго. Видимо, за нами наблюдали. Послышалась громкая команда:

– Всем выйти из машины!

Нам ничего не оставалось сделать, как только подчиниться команде.

– Руки на затылок! Отойти от машины на два шага в сторону! Стоять! Не двигаться! Стреляем без предупреждения! – посыпался на нас град новых зычных команд.

Убедившись, что пассажиры машины не представляют для них опасности, внимание военных переключилось на водителя. Для него прозвучала команда:

– Пять шагов вперед!

Затем последовали уже команды для нас, пассажиров:

– Повернуться спиной! Руки на затылок!

Мы услышали приближающиеся шаги вышедших из укрытия военных, какую-то возню, глухие стуки, сопровождаемые выкриками:

– Ноги! Ноги, я сказал!

Это они с водителем обращались так бесцеремонно. Судя по звукам, его для острастки несколько раз ударили прикладом между лопаток. Затем наша машина была подвергнута тщательному досмотру. Сняли заднее сиденье и спинку, вытаскивали из багажника всё его содержимое вместе с запасным

колесом. Привели маленькую шустрюю собачку на длинном поводке с длинными обвислыми ушами и короткими ножками. Она стала энергично принюхиваться везде, виляя своим скрюченным коротким хвостиком. Пока собачка с кинологом выполняли свою привычную работу, внимание военных переключилось на нас, дрожащих от страха трёх женщин. Нам разрешили опустить руки. На маленькую, щупленькую Надю смотреть было больно. Глазами, наполненными ужасом, она тупо смотрела себе под ноги. Нас спрашивали о цели поездки в такой день, когда город закрыт в связи с проводимыми выборами. Я вкратце, насколько это возможно в данной ситуации, рассказала историю Нади. Рассказала, каким образом мы с ней оказались в этой машине. Военные, похоже, никуда не торопились. Они выслушали меня, не перебивая. В ходе разговора мы оказались лицом к блокпосту. Наш водитель стоял с широко раздвинутыми ногами и вытянутыми вверх руками лицом к стене из серых фундаментных блоков.

– Машина в город не поедет, – был приговор военных. – А вы как хотите. Или возвращайтесь обратно, или продолжайте путь пешком, – сказали они, обращаясь ко мне.

Конечно, о том, чтобы возвращаться обратно, не могло быть и речи. Я собрала наши с Надей нехитрые пожитки, выброшенные военнослужащими из машины в ходе досмотра. Погрузила их на переоборудованную детскую коляску. Попрощалась со спутницей водителя, который всё в той же позе продолжал стоять под прицелом автомата одного из федералов. Поравнявшись с ним, я выразила водителю слова благодарности на чеченском языке. Не поворачиваясь, он попытался что-то сказать мне, но на него обрушился отборный мат военных и крики:

– Молчать!.. Мать твою за ногу!.. Кому говорят?!

А двое из них подскочили и изо всех сил стали избивать

водителя прикладами. Ещё один военный бесцеремонно заорал на нас, не стесняясь в выражениях:

– Так! Проходим, проходим!.. Кому говорю?! И не обращаемся!.. Пошли!..

Я ничего не могла сделать в данной ситуации. Могла только усугубить её. Единственно правильным решением было скорее ретироваться с блокпоста. Толкая впереди коляску, мы с ошалевшей от страха Надей начали свой не близкий путь.

Идти предстояло километров двенадцать, а то и больше. Конечно, при иных обстоятельствах я смогла бы преодолеть это расстояние за два-три часа. Но со мной идёт Надя с не совсем ещё излечившейся ногой. Если мы дойдём до наступления темноты – будет хорошо. В нашем распоряжении было целых четыре часа времени.

Дней двадцать назад я уже проезжала по этой дороге. Та поездка произвела на меня жуткое впечатление. Но тогда эти страшные картинки мелькали, как в слайд-шоу, одна за другой. Сегодня же предстояло пройти этот маршрут метр за метром пешком.

Низкое серое небо навалилось на замерший город, над которым повисла гнетущая тишина. Дорога, единственная артерия, соединяющая центр города с его северной частью, представляла собой страшное зрелище. Повсюду на дороге снесённые снарядами фонарные столбы, поваленные стволы и ветви деревьев, местами вздыбленный асфальт. Это последствия частых артиллерийских и миномётных обстрелов. Везде грязь, нанесённая танками, другой бронетехникой, военными КАМАЗами и МА-Зами. Валяются крупные и мелкие гильзы. И по этой дороге петляет змейкой колея, по которой и передвигается вся военная техника, всё живое. Съедешь с колеи – можешь подорваться на чем угодно. Разумеется, мы с Надей идем тоже по колее.

– Ася, а почему они не отпустили водителя? – спросила Надя, словно угадав мои мысли. Я тоже шла и тревожно дума-

ла о судьбе супружеской пары, которую мы только что оставили на блокпосте.

– Не знаю.

– Они его расстреляют?

– Не знаю.

– А что они сделают со спутницей водителя?

– Что ты ко мне пристала? Я не ясновидящая. Замолчи! – не выдержала я и заорала на Надю, потому что сама искала ответы на эти вопросы и не находила их. Больше вопросов вслух не последовало, хотя каждая из нас продолжала со страхом думать о произошедшем у нас на глазах насилии, и о дальнейшей судьбе наших недавних спутников. Довольно долго мы шли молча. Я впереди с коляской, а чуть сзади Надя. Через некоторое время я оглянулась и с тревогой заметила, что она заметно отстала. Её худое морщинистое лицо покраснело и покрылось испариной. Чувствовалось, что каждый шаг даётся ей с трудом, припадая на одну ногу. А ведь мы не прошли еще и тысячу метров.

«Этого еще не хватало», – подумала я и спросила на ходу:

– Надя, что с тобой?

– Ася, я не могу идти. Давай отдохнём.

– Только не долго. Мы еще и десятой доли пути не прошли, – сказала я в ответ и остановилась. Усадила Надю на коляску, а сама пристроилась напротив неё на сложенных осколках кирпича прямо посередине накатанной колеи. Не успели мы сделать привал, как сзади нас по той же дороге, что недавно прошли и мы, показались два БМП. Они ехали на довольно приличной скорости. Бронированные машины были густо облеплены хорошо экипированными и вооруженными военнослужащими. Пришлось на свой страх и риск переместиться на заваленную всяким хламом обочину, где, казалось, мы могли в любую минуту взлететь на воздух. Не снижая скорости, БМП поравнялись с нами. Промелькнули черные лица военных. У многих из них

стволы автоматов были направлены на нас. Проехав ещё немного, боевые машины остановились. С них попрыгали военнослужащие. У меня бешено заколотилось сердце. Испуганная Надя переводила взгляд с БМП на меня и обратно. Громко смеясь и переговариваясь между собой, солдаты стали справлять нужду прямо на дороге, не гнушаясь нашим присутствием. Закончив своё дело, военные не торопились уезжать и оживленно что-то обсуждали. Некоторые что-то кричали в нашем направлении и махали руками, как бы приглашая продолжить путь с ними. Тревога не покидала меня. Наконец солдаты залезли обратно на броню. Машины взревели, выпустив черные клубы выхлопного дыма, и рванули вперёд.

Нам тоже необходимо было трогаться. Не зря ведь предание гласит, что дорогу осилит идущий. Отдохнув ещё немного, мы встали и заковыляли дальше, толкая впереди коляску с нашими вещами. Я впереди. Надя - за мною след в след. Шли молча. Оглянувшись назад, я обнаружила, что Надя снова отстала. Я остановилась и стала ждать, пока она догонит меня. Надя шла тяжело, всё больше припадая на раненую ногу. Чувствовалось, что каждый шаг даётся ей с трудом.

Я подождала, пока Надя догонит меня. Выгрузив сумки из коляски, я молча водрузила на нее Надю, не обращая внимания на её гневные возражения. Лёгкие сумки поставила на колени Наде, остальные рядом с ней сзади и по бокам.

– Ася, ну, Ася... Мне же неудобно, – не унималась Надя, продолжая жалобно причитать.

– Надя, хватит, перестань немедленно, – снова прикрикнула я на неё. – Пойми, таким темпом мы до утра не дойдем до дома. И неизвестно, что с нами случится ночью. Нас могут подстрелить, как куропаток, на подступах к первому же блокпосту.

– Давай попросим солдат, чтобы они нас подвезли попутно...

– Ты что, Надя?! И не думай об этом! – закричала я на неё, – нас могут убить и выкинуть. И никто ничего не будет знать! Ищи – свищи ветра в поле...

Большие, широко раскрытые и полные слёз глаза Нади пристально смотрели на меня. В них перемешались страх, боль, надежда и благодарность. Горячая волна жалости к ней, такой маленькой и беспомощной, вдруг окатила меня. Я подошла к ней, обняла ее маленькую хрупкую фигурку, похлопала слегка по спинке:

– Успокойся, родная. Мне не тяжело будет. Я же не на себе тебя понесу. Скоро, совсем скоро уже будем дома.

Толкая сзади коляску с усаженной на нее Надей, мы продолжили свой нелегкий путь. Двигались мы теперь довольно быстро и строго по колее, проложенной на дороге автомобилями. Переоборудованная под перевозку фляг с водой коляска оказалась очень кстати для нашего довольно жуткого путешествия по безмолвному городу. Вдали показался блокпост. Я замедлила ход, но преодолевая страх, продолжала двигаться вперед. Обитатели блокпоста, похоже, спрятались в укрытие и наблюдали за нами, пытаясь получше разглядеть нас. Не решаясь подойти к блокпосту поближе, я стала рядом с коляской, достала белый платок и стала им отчаянно махать. В воздухе повисла гнетущая тишина. Наконец-то из укрытия появились трое военных с автоматами наперевес и подозвали нас. Проверив паспорта, нам задали несколько вопросов: откуда, куда, к кому, почему сегодня. Военных интересовало все, до подробностей. Пришлось в очередной раз обстоятельно рассказать о наших мытарствах. И только после этого нам позволили продолжить путь.

Чем ближе мы подходили к центру города, тем чаще на нашем пути оказывались блокпосты. Но, похоже, они теперь все были предупреждены по рации о нашем приближающемся «экипаже». Поэтому нас особо уже и не задерживали. А некоторые блокпосты мы проезжали со своей коляской без

остановки. Половина пути была успешно преодолена. До дома оставалось всё меньше и меньше.

Одно из передних двух колёс нашего транспортного средства стало вдруг издавать какие-то скрипучие, неприятные на слух, звуки. А через некоторое время, не выдержав, очевидно, чрезвычайных динамических и ударных нагрузок, и в очередной раз, наскочив на препятствие, колесо стало выделывать, так называемые, «восьмерки». Это, когда часть обода отклоняется от плоскости вращения, при котором эта часть обода описывает траекторию в виде восьмёрки вокруг центральной оси вращения. В детстве у меня были сначала трехколёсный, а потом и двухколёсный велосипеды. И я знала, что такое «восьмёрка» у колеса. В нашем случае дефект выражался в биениях и вилянии колеса на ходу. Надя беспокойно стала озираться назад, чувствуя что-то неладное. Пришлось сделать вынужденную остановку. Удобно расположившаяся Надя не без моей помощи слезла с коляски. Я предприняла отчаянные попытки снять деформированное колесо, чтобы хоть немного выправить его. Но без гаечного ключа ничего не получалось. Открутить голыми руками контргайку, которая в паре с основной гайкой фиксировала на оси колесо, я не смогла. Мы только потеряли много времени. Воспользовавшись вынужденной остановкой, мы с Надей подкрепились тем, что у нас было взято в дорогу, запили водой. И снова тронулись в путь, загрузив в коляску наши вещички. На этот раз Надя заковыляла рядом со мной. Вот только неизвестно было, как долго она сможет передвигаться самостоятельно.

Мы прошли ещё один довольно длинный участок дороги. А надо было, пока светло, пройти как можно больше. Надя, слегка прихрамывая, маленькими шажками мужественно семенила рядом со мной. Но колесо на коляске постепенно пришло в окончательную негодность и заблокировалось. Я попыталась толкать коляску на трёх колесах или на двух, подняв ее на дыбы, но это ноу-хау ни к чему не привело. От трёх-

колесной коляски пришлось отказаться и просто выкинуть её. Нашу ручную кладь, а это несколько больших и маленьких сумок и пакетов с нужными и ненужными вещами, пришлось перебрать, избавиться от некоторых ненужных вещей. Хорошо, я везла с собой в сложенном виде полипропиленовую челночную сумку, к которой в народе почему-то приклеилось, название «мечта оккупанта». На обратной дороге я собиралась взять кое-что из домашнего скарба. Мы с Надей уложили все наши вещи в эту клетчатую хозяйственную сумку с усиленными прочными ручками. Перспектива закинуть сумку на плечо позволяла мне менять нагрузку, и давала возможность отдохнуть рукам. Кроме сумки, мы собрали ещё и полиэтиленовый пакет с мелкими вещами. На всё это у нас ушло минут двадцать-двадцать пять. Я взяла довольно увесистую сумку на плечо, Надя схватила пакет, и мы продолжили наш путь.

Моя спутница не поспевала за мной. Поэтому мне приходилось притормаживать свой ход и идти не спеша. Иногда я останавливалась, чтобы Надя могла меня догнать. Лицо её по-прежнему было покрыто испариной. Чувствовалось, что каждый метр ей даётся уже с трудом. В конце концов, она в изнеможении села на ствол поваленного дерева. Сзади нас вдали в клубах пыли показался бронетранспортер, летящий на большой скорости. Надя вскочила со ствола дерева и отчаянно замахала руками. Я тут же подлетела к ней и вернула её на место. Поравнявшись с нами, БТР замедлил ход, но, к счастью, останавливаться не стал. Я ещё раз отчитала Надю:

– Ишь ты какая! Прокатиться ей, видишь ли, захотелось на БТР с пьяными солдатами!

– ?

– Пожалуйста. Скатертью дорога. Поезжай с ними. Может, и довезут тебя до дома. Я с ними – ни ногой. Делай, что хочешь, – выпалила я и тут же поймала себя на мысли, что мне безумно страшно будет, если Надя согласится уехать одна.

– Ася, никуда я без тебя не поеду... Но я не могу уже идти...

– Ничего. Я на спине донесу тебя, если что, – сказала я, как отрезала.

Между тем уже начало смеркаться. Подул лёгкий ветерок. Надо было идти. И мы снова продолжили наш нелегкий путь. Ветер дул нам прямо в спину и с каждой минутой всё усиливался. Погода в этот день и так была серой и сумрачной. А тут ещё и небо заволокло пеленой низких свинцовых облаков. Мы почувствовали холод. Подгоняемые ветром, мы дошли до большого перекрёстка. Ещё один крупный блокпост. Снова, ставшая уже привычной, процедура его прохождения. Идти нам оставалось ещё километра полтора-два. Мы свернули на дорогу, ведущую в старый аэропорт. Недалеко от него и наш квартал. Дорога была с небольшим уклоном, и идти, казалось бы, должно чуть легче. Но здесь вовсе отсутствовала накатанная колея. Дорога завалена ветками, осколками, разным мусором, тут и там воронки от разрыва мин и снарядов. Наше путешествие превратилось в сплошное преодоление препятствий. Ко всему прочему, наступила полная тьма и разразился настоящий ураган. Ветер свистел и выл. Деревья в лесополосе слева клонились к земле, будто защищаясь от участи быть вырванными с корнями. Всё вокруг словно гремело и стонало под завыванье ветра. Холод, усиливаемый порывами ветра, всё больше окутывал нас. Изредка черноту неба вспарывали освещавшие местность ракеты. Мы на ощупь передвигались в этой крошечной тьме, держась за руки, и петляя по дороге. В довершение ко всему Надя взвизгнула не своим голосом и рухнула на месте. Оказывается, она ударилась раненой ногой о какой-то острый предмет. Что делать? Мы подождали, пока у Нади не стихнет и не притупится боль в ноге. А потом... Потом мне ничего другого не оставалось, как взвалить скулящую и протестующую Надю на спину, сумку с вещами – на плечо, и продолжить наш полный опасностей и неожиданностей путь. Часто приходи-

лось останавливаться, чтобы передохнуть, переложить сумку с одного плеча на другое.

Вдруг, я вспомнила, что перед мостом, где нам предстояло повернуть направо в сторону нашего квартала, расположен ещё один, последний на нашем пути, блокпост. Всякое передвижение по городу с наступлением сумерек запрещено. Действует комендантский час. Заметив приближающуюся к блокпосту тень, нас могут просто расстрелять в упор, приняв за подрывников. Но ничего другого не оставалось, как, переборов страх, продолжать свой путь. Тут, как говорится, либо пан, либо пропал. Ураган не стихал и продолжал неистовствовать. Обжигающий холод стал пробирать нас до костей. Ооченели руки и ноги. А останавливаться нельзя. При свете очередной ракеты, выпущенной в небо, мы увидели приближающиеся мрачные очертания блокпоста. Сердце отчаянно колотилось в груди. Я чувствовала, как кровь бьёт в висках, слышала собственное дыхание. Всё происходило, как в каком-то волшебном и загадочном сне. С Надей на спине я дошла, иступленно молясь, до блокпоста, повернула в нужную нам сторону и (о чудо!) постепенно стала удаляться от него. Мне не верилось в такой благополучный исход. Может быть, с того поста передали информацию о нас и не стали трогать. А может быть, это ураган, свирепо бушевавший, поспособствовал тому, что нас просто-напросто не заметили. Так или иначе, нам оставалось совсем немного до дома. Под звуки непрекращающегося ветра мы сделали последний привал. Ещё через каких-то полчаса мы оказались уже у старых покосившихся деревянных ворот наших соседей. Присев на что попало, долго приходили в себя, пытаясь отдышаться и понять, что весь этот кошмар позади. Вдоволь отдохнув, я что есть силы стала стучать в ворота, сначала кулачками, а потом и подвернувшемуся под руку осколком кирпича.

– Щас, щас открою! – донесся истошный крик Раисы. – А

кто это может быть в такую непогоду, кроме Аси, – отвечала она невидимому нам собеседнику.

Калитка ворот распахнулась, и на нас обрушились вопли Раисы:

– Вы ненормальные что ли? В такое время, в такую погоду? Да, вас же могли расстрелять и выкинуть! И ни одна собака не знала бы...

– Раиса, хватит причитать. Посмотри лучше, кого я привезла.

– Надя?! Не может быть!

Под завывания ветра мы прошли через двор и очутились в доме. На столе в комнате горела тоненькая свечка, которая отдавала робкий свет. Еле освещённое пространство напоминало сказочную пещеру с причудливыми тенями на стенах. Но по такому случаю отец Раисы достал откуда-то керосиновую лампу под стеклянным абажуром, и зажёл её. Лампа горела ровно и достаточно ярко, и её мягкий жёлтый свет озарил наши радостные лица. Лишь с лица тети Даши, сидящей на стареньком диване, капали слёзы. При свете лампы хорошо было видно, как они падали одна за другою. Она неловко поднялась мне навстречу. Но вместо того, чтобы обняться, как обычно, рухнула передо мной на колени. Двумя руками обхватив мои ноги, и крепко прижавшись к ним лицом, она беззвучно зарыдала. И лишь плечики её слабо подрагивали, выдавая радость от долгожданной встречи с дочерью.

***

Через два месяца тётя Даша умерла. Мы, немногочисленные соседи, выкопали на христианском кладбище неглубокую яму и похоронили её. Ещё через неделю к нам приехали представители Красного Креста. Узнав у Нади, что в одной из областей Поволжья живет её родственница, они установили с ней связь. А ещё через несколько дней Красный Крест Надю забрал. Проводы были очень трогательными. Больше мы о Наде не слышали.

Литературно-художественное издание

ОПЕРАЦИЯ «СЕВЕР»

Сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро-2024»

Номинация «Основной конкурс»

Составитель: Нина Владимировна Парфёнова, к.ф.н.
Обложка: Наталия Александровна Печерских
Ответственный за выпуск: Ольга Ивановна Калинина

Государственное бюджетное учреждение
культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
Тел.: +7 (343) 211-07-00
www.somb.ru

Подписано в печать 23.12.2024.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура Garamond.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л.:   Заказ №   Тираж: экз.

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8 (800) 300-16-00
www.alfaprint24.ru